

0.335 /
1983 / 3
ISSN 0130-3607
06935940
2024010333

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ 10

1983

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

- ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ.** Наша земля. Стихи. Перевод Яна Гольцмана, Михаила Синельникова, Наталии Орловой, Наталии Соколовской, Тамары Папалашвили 3
- НОДАР ДУМБАДЗЕ.** Аствац, инчу амар! Рассказ. Перевод Зураба Ахвледиани. 13
- РЕВАЗ АСАЕВ.** Стихи. Перевод Николая Горохова, Владимира Тереладзе, Анны Фуниковой. Вводная статья Нафи Джусойты 28
- ЛЕВАН ХАИНДРАВА.** Такая любовь... Из цикла «Невыдуманные рассказы» 36
- ЭЛЬДАР КЕРДЗЕВАДЗЕ.** Пять стихотворений. Перевод Наталии Соколовской 63
- СЕРГЕЙ СЕРЕБРЯКОВ.** Чтобы запела твоя свирель... Стихи 65
- ТЕЙМУРАЗ МАГЛАПЕРИДЗЕ.** Мирза Геловани. Роман. Продолжение. Перевод Киры Вольфензон 68

10

1983

ЛЕВАН МЕНАБДЕ. По пути сближения.	135
АЛЕКСАНДР БРЕГВАДЗЕ. «Настала новая пора...»	152
ГУРАМ ШАРАДЗЕ. «Это милейший народ...». Лев Толстой, Анна Тарсей и грузинский князь Мачутадзе.	160
КЛАРА ТУГУШИ. «Я стоил его дружбы...»	173
ШОТА ХАНТАДЗЕ. России доверенное лицо.	183
НИКОЛАЙ КВЕЗЕРЕЛИ-КОПАДЗЕ. Дорога дружбы и братства. Записки дорожника.	193

ИСКУССТВО

ЦИУРИ ХЕТЕРЕЛИ. Драматургия Валериана Гуня. Перевод Нелли Солод	203
---	------------

ХРОНИКА	62, 207, 224
--------------------------	---------------------

НАША ЗЕМЛЯ...

ТОВАРИЩ

С тех пор, как читаю,
 А начал читать шестилетним, —
 Мне лучшего слова
 Прочесть не случилось покуда:
 В нем — рыцарства доблесть,
 Надежность и близость,
 Бесед откровенное чудо.
 То слово возникло
 Не там, где лежат безмятежно,
 Не там, где бездумно
 Живут в созерцаньи идиллий.
 Зысокое слово
 В борьбе создавалось, конечно:
 Мы кровью и жизнью
 Своею его утвердили.
 Вот творчество —
 Вместе с товарищем, радуясь, мучась,
 Навстречу невзгодам идти,
 Побеждая невзгоды.
 Единое знамя.
 Единая, общая участь.
 И слово товарищ —
 Для многих — предвестник свободы.
 Товарищ достоин
 И песни, и лучшей поэмы.
 Товарищ — опора,
 Случись испытанье любое...
 Товарищ! Мы — рядом,
 С тобой неразлучны везде мы —
 Так Шхельда к Казбеку
 Прикована общей любовью.

124.37/

ვ. ჯანსუგის ნ. ბ. ჩარქვიანი
 სახელმწიფო ბიბლიოთეკა

Но слово товарищ
Порою звучит по-другому —
Как будто лишили
Его изначального смысла.
Услышишь: «Товарищ!»
И знаешь: готовься к худому.
«Товарищ!» ...И — словно
Беда над тобою нависла.
Давайте же скажем сегодня
Открыто и громко:
— Как старое знамя,
Хранящее отсвет пожарищ,
Очистим от пыли,
Навек сбережем для потомков —
Поднимем высоко
Высокое слово — товарищ!

ГОЛУБКА И САЗАНДАР¹

Спой, сазандар, шаири непропетый,
Отец села, порадуй песней краткой.
— Нет, не пройти мне улицею этой,
В твое оконце не взглянув украдкой...

Рукою чуткой
По струне ударил —
Играет сазандар
На сазандаре:

— Когда я богу предпочел земное,
Меня всевышний приручить старался.
Растил меня, но совладать со мною
Не смог творец: певец не приручался!

Пой, сазандар,
О правде в этом мире.
Спой, сазандар,
Еще один шаири.

¹ Восточный музыкальный инструмент, а также играющий на этом инструменте.

Что приуныл?
Еще шаири мне бы...

Не ведающий устали и страха,
Пой, сазандар, хотя б во имя неба,
Пой, сазандар, хотя б во имя праха.

— Отца родного сын сживал со света:
Отец искал приюта у соседа...

Пой, сазандар, —
В безмолвии тоскую.
Твой голос в душу не устанет литься.

— О, с кем сравнить красавицу такую —
Голубка ты или перепелица?

Мать любит нас, собой пренебрегая.
Как забываем милые седины?!
И не за то ли, в бездну повергая,
Нас колесует круговерть судьбины?

Признайся нам:
Не это ли хотела
Пропеть струна,
Не знающая страха?

— Чужая птица на поле слетела.
Как зимний снег, белеет эта птаха...

Пой, сазандар, —
В безмолвии тоскую.
Твой голос в душу не устанет литься.

— О, с кем сравнить красавицу такую —
Голубка ты или перепелица?

Но что же ключ запеть застави...
И ручеек, журчащий тут,
Какому подчиняясь правилу
Холмы и нивы слезы льют?
И ручеек, и ключ клокочущий,
И нивы, и холмы — навзрыд,
Лить слезы нудит одиночество,
Петь одиночество велит.

НАША ЗЕМЛЯ

Ивану Тарбе

Говорили с тобою
О том, о сем,
Обо всем, что видано, пройдено,
Обо всем,
Что сквозь годы в себе несем...
Вот и вся наша малая родина.

Говоришь ты: «Дарьял...»,
Да, и он недалек.
Зыбь Риони и Бзыби лодки...
И уже разговор наш иссяк, поблек,
Жизнь — один разговор короткий.

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

БРОДЯЧИЙ ЦИРК В БОРЧАЛО¹

Выжженный солнцем
Пустырь на задворках Борчалло.
Запах лжи и огня.
Или это был — привкус любви?

¹ Районный центр на юго-востоке Грузии.

Сорок весен и лет
С этих пор прошло, миновало,
Как лежал дрессированный зверь,
Весь в опилках арены,
В пыли.

Незнакомые люди
Раскинули купол над полем,
Разноцветный шатер
Для медвежьих свирепых боев,
И глаза тех людей
Наливались огнем, непокоем,
И восторги и ужас
Я предвидел
Сквозь крики и рев.

Грохотали бичи,
Пронеслись верховые к воротам,
Реял запах киндзы,
Сорок лет пролетело теперь...
Помню привкус огня.
И никто не предвидел,
Кого там
Весь в опилках тугих
Сторожил
Дрессированный зверь.

Перевод Наталии ОРЛОВОЙ

ИЗ ЦИКЛА, ПОСВЯЩЕННОГО ГАЛАКТИОНУ ТАБИДЗЕ

ПРИ ЗАКАТЕ СОЛНЦА

Влюбленный в палевые краски,
отдавший миру песни, он,
лишь ими только одержимый,
один стоял, непостижимый,
как нашей брэнной жизни сон
о вечности, летящей мимо.
...А бури беспокойный зов
от безопасных берегов

к себе судов скликает рати.
Не надо, не смотри так, братец,
я так же, как они, готов
расстаться с жизнью на закате.
Чтоб строки лирики на деле,
закату вторя, пламенели,
я отдаю свой гнев и стон.
Скитающийся испокон,
погибнет ваш Галактион,
а не умрет в своей постели...
...Влюбленный в палевые краски,
отдавший миру песни, он,
лишь ими только одержимый,
один стоял, непостижимый,
как нашей брэнной жизни сон
о вечности, летящей мимо.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Так, склоняясь ко мне беспредельным молчаньем
ты меня научила забыть неотвязную боль.
Я всего лишь стремительной вечности зритель
случайный.
Разреши мне сегодня колени склонить пред
тобой.

Долгожданной весною, когда, до глубин беспокойя,
солнца ветвь золотая разгонит ночных соловьев,
не забудь меня, Дояя, ты слышишь, я жду тебя,
Дояя!

Пусть летит надо мной соколиное тело твое.

Но в разгаре застолья, где льется вино молодое
и стремительным светом душа наконец-то полна,
будь ко мне беспощадна, ты слышишь, предай
меня, Дояя!

Пусть привычная горечь накроет меня, как волна.

ЦХНЕТИ

Ночь в тихом облаке зеленой лунной пыли.
Налево — дом. Направо — демон... или
среди дороги стали дерева?

Вода в пруду дрожит едва-едва,
как будто шаль под деревом забыли.
Среди травы цветок усталый спит.
Гамак раскинулся и дремлет без опаски.
Весь мир зеленым трепетом залит,
Чюрлениса напоминая краски.

ВЕСНА

Молодая окрестность гремит, привыкает ко мне.
Отпечталось в сердце весны молодой
приближенье.
Отпечталось в сердце — и сердце кольнуло
во сне.
Ветер с гор налетает и дум обрывает течение.
Обрывает течение дум и меня не щадит.
Осыпает цветение персиков розовопенных
в пожелтевшие письма моих застарелых обид,
в пожелтевшие письма моих откровений
мгновенных.
И прошедшее вдруг озаряется голубизной.
Забывается старость, пугавшая тяжкими снами.
Пусть же счастливы будут идущие следом
за мной.
Жизнь — лишь вечности проблеск, внезапно
замеченный нами.

Печали звон сторожевой.
Душа разорена и смята.
За помутневшею рекой
звезда мерцает виновато.
Я вспоминал высокий дом,
где жизнь поспешная летала.
Все умерли давно. Кругом —
прошедшее, как вздох обвала.
Моя измученная плоть
омыта им, как бы волною.
Всего лиши меня, господь.
Но боль мою оставь со мною.

ЦУТИСОПЕЛИ¹

Цутисопели — мой родник,
источник радости и муки,
и я к воде твоей приник,
омыл лицо свое и руки.
И мне настало время жить.
Я оказался между всеми,
кто жив и умер. Я, как нить,
вплетен в стремительное время.
Я на земле оставляю след.
Я жив, как живы те и эти
теперь и через сотни лет
в Бетаниа или во Мцхете.
Пришел черед орлов и чаш
сказать решительное слово
о жизни, выхватившей нас
из недр небытия пустого.
Достоин сожаленья тот,
кто сник и опустил знамена...
...Сейчас я поднимаю тост
за вечного Галактиона.

Перевод НАТАЛИИ СОКОЛОВСКОЙ

КОРОЛЕВА СКОРБИ ВЕЧНОЙ

Королева скорби вечной,
Подари букет печальный
Розовых цветов огромных,
Что росли на берегу.

Королева скорби вечной,
Напои пустыню влагой,
Разреши бить водопадам
Из туманных грустных брызг.

Королева скорби вечной,
Позабудь все дорогое
И сгони с лугов, как прежде,
Черных маленьких козлят.

---

¹ Цутисопели — слово, обозначающее «преходящий», «бренный мир».

Королева скорби вечной,
Ты расхни меня на звездах,
На крылах ветряных мельниц
Словно рыцаря добра.

КОГДА ВЫ ПИШЕТЕ!

Юстинасу Марцинкявичусу

И утром, и ночью,
И в снег, и в ненастье,
В час звездопада,
В минуту молений,
Всю жизнь без остатка
За грош и без денег,
Пишу бескорыстно,
Ценою всей жизни.

Пишу и стираю,
Пишу и стираю...
При свете свечей
И при лунном сиянии
Пишу я без цели,
Пишу, не внимая,
А если бы и слушал,
Кому это нужно?

Пишу я о листьях,
О галстукe, лире,
О белом тумане,
О доме, о ночи,
О подлом мужчине,
О женщине светлой,
Во сне и проснувшись,
О козах и овцах

Пишу я о граде,
О засухе, лозах,
Об ангелах, небе,
О старых вагонах,
Героях и трусах,
И в полночь и утром
Пишу, когда кто-то
За мной наблюдает.

Пишу и стираю...
Пишу и стираю...
С громом и грохотом.
С песней и лаем,
Пока не отнимет
Всевышний дыханье,
Пока не создаст меня
Снова из глины.

О яде пишу, о слезах и о море,
О старых судах и о мельнице старой.
Пишу о торговце,
Зашедшись от кашля,
О черной змее
В угрожающей позе,
О черной змее,
Что мне в душу вползает.

Пишу и ругаю,
Ругаю безбожно,
Потом запираю,
Как узников в клетку,
И бороду кто-то из них
Отпускает
И по проспекту
Идет одиноко.

Пишу и стираю...
Пишу и стираю...
И силушь шагнуть
За пределы старенья.
— Когда я пишу? —
Вы спросили однажды.
В любую минуту,
В любое мгновенье,
Даже когда не пишу я.

Перевод Тамары ПАПЛАШВИЛИ

ДЯДЯ Геворк умер неожиданно. Сперва он встал, поднес левую руку к виску и произнес пропавшим вдруг голосом:

— Слышь, Мито, со мной, кажется, все...

Потом сел, поднял вверх лицо с расширенными от изумления глазами, «Аствац, инчу амар!» — проговорил по-армянски, уронил седую голову на шахматную доску и... кончился с зажатой в руке моей черной ладьей.

Дяде Геворку было лет сорок—сорок пять. Жил он в нашем дворе, в одной комнате, с женой и дочерью. Дочь его, писаную красавицу Нелли, в послевоенный год увел Трубка-Гогия из Сванетского квартала. По воскресеньям Нелли навещала родителей. Весь день бабушка Анетта и дед Геворк наслаждались ласками внучка. Вечером Нелли возвращалась к мужу.

Я с мамой поддерживали с дядей Геворком более чем доброе соседство. Дело в том, что когда Трубка - Гогия похитил Нелли, никто, кроме меня, не заступился за нее, не погнался

Нодар ДУМБАДЗЕ

АСТВАЦ, ИНЧУ АМАР!

◆
Р а с с к а з
◆

Перевод Зураба АХВЛЕДИАНИ

за похитителем. Обошлось мне это в добрый снык на глазу да в два унижительных пинка в нашем же дворе, но зато я навсегда заслужил любовь, доверие и симпатию дяди Геворка и тети Анетты. Симпатия эта со стороны дяди Геворка выражалась в том, что ни с кем, кроме меня, он в шахматы не играл. Турнир устраивался почти ежедневно и протекал по установленному порядку: белыми играл я, проигравший выставлял две бутылки «саперави» и закуску, в которой, как правило, доминировала красная редиска. Возвратясь с работы, дядя Геворк обедал, затем устраивал «мертвый час», потом, облачившись в пеструю арестантскую пижаму, выходил во двор и, задрав вверх голову, звал мою маму:

— Глубокоуважаемая сударыня, почтенная Анико, вернулся ли с лекций ваш чокнутый Капабланка?

— Вернулся, вернулся, — отвечала мама.

— В таком случае, если он не занят, как обычно, творческим трудом, передайте ему, что ваш сосед Ботвинник просит его оказать честь, уделить из золотого фонда своего драгоценного времени несколько минут и...

— Ладно, ладно, отсохни твой язык! Чем трещать и мудрствовать по-грузински, выучил бы, несчастный, хоть одно армянское слово, был бы человеком, а то не поймешь, кто ты! Ни то, ни се! — отвечала мать, потом звала меня: — Спускайся вниз, приглашает твой свистун!

Не было на свете человека сладкоречивее и рассказчика интереснее дяди Геворка. В шахматы мы играли во дворе, у самых дверей его комнаты. Я спускался вниз, подсаживался к шахматной доске с расставленными уже фигурами и протягивал руку дяде Геворку:

— Баров!¹

Дядя Геворк не отвечал. Он дожидался моего первого хода, затем делал ответный ход, записывал его и лишь после этого здоровался со мной за руку:

— Здравствуй. Дав-давбасэ² идет?

— Нет!

¹ Баров — от армянского «барев!» — здравствуй!

² Дав-давбасэ — удвоение, утроение ставки при игре в нарды.

1953
101033

— Соседи, будьте свидетелями, дав-давбасэ не идет! — обращался дядя Геворк к занятым своими делами соседям во дворе. Те равнодушно кивали головой. Прежде, бывало, соседи роились, словно плечи, вокруг нас, но потом им надоели наши бесконечные споры и препирательства, и они постепенно охладели к нашим шахматным баталиям. Теперь я и дядя Геворк пользовались во дворе полной автономией, и это доставляло нам удовольствие.

— Товарищ Геворк Артавазович, почему вы записываете ходы? — начинал я придирки.

- Так положено!
- Я ведь не записываю?
- Должен!
- А я не умею.

— Значит, ты неуч. Дай-ка я запишу твой ход, а ты поставь крестик или же приложи отпечаток пальца.

— Какой еще отпечаток? Что я, заключенный? — слово «заключенный» я произношу с ударением — дядя Геворк в свое время побывал в плену и напоминание о тех днях расстраивает ему нервы. Но делаю я это не со зла — волнуясь, дядя Геворк начинает допускать ошибки, и у меня появляются шансы на выигрыш.

— Но, но, сопляк, без намеков! Я ведь не напоминаю тебе о двойках по политэкономии, планированию, статистике, праву и диалектическому материализму, — дядя Геворк по пальцам пересчитывает предметы университетского курса.

— Ты, что ли, учишься вместо меня? Как же я перехожу с курса на курс?

— Вот именно — как? — смеется дядя Геворк.

— Где это ты получил такое образование? Не в плену ли? — щурю я глаза.

— В каком еще плену? — цедит дядя Геворк сквозь зубы и испуганно оглядывается.

— А в таком! От Навтлуги до самого Ростова с поднятыми руками кто вместо «ура» орал «хайль Гитлер»? Не ты?

— Геворк, ты человек мудрый. Не обращай внимания на этого сопляка, иначе схлопочет он от тебя по-

---

Нодар Думбадзе. Аствац, инчу амар!

щечину, а это не к лицу тебе, — предупреждает дядя Геворк сам себя и делает ход, от которого меня бросает в жар.

— Ва-а-а, вот это ход! — хватаюсь я за голову.

— Армянский ход! — уточняет дядя Геворк.

— От изменника Родины иного я и не ожидал.

— Слушай, парень, почему я изменник Родины? — встает дядя Геворк.

— Потому, что сдался Гитлеру!

— Я один, да?

— А ты на других не кивай!

— Так я же был вместе с другими! Шах! Что же мне оставалось делать? Убери руку, это моя фигура!

— А ты вышел бы и заявил: «Товарищ Гитлер, я не могу быть заодно с этими трусами!» Почему не объявляешь «гардэ»?

— Болван, королю «гардэ» не объявляют... Хорошо, а что дальше? — дядя Геворк садится.

— Да, так и сказал бы: «Я не могу быть заодно с ними, я свою цветущую красивую...»

— Знаешь что? Я помню тебя вот с такого возраста, — дядя Геворк показывает кончик мизинца, — и всегда ты был обезьяной, ничего в тебе не изменилось. Плевал я на Дарвина и его эволюционную теорию! Человека из тебя не получится! Вот ты здесь, наглядное пособие. Какая же тут эволюция? Тьфу!

— Значит, ты не изменник Родины? — не отстаю я

— Я был бы таковым, если отвел бы Гитлера в сторону и шепнул бы ему, как Иуда: «Товарищ Гитлер, товарищ Сталин скрывается в Гефсиманском саду!»

— Где, где?! — удивляюсь я.

— Эх ты, одноклеточное! — сокрушенно качает головой дядя Геворк.

— И дивизии своей ты не изменял?

— Нет!

— Ни полку, ни батальону, ни взводу? — допытываюсь я.

— Слушай, человек, что ты ко мне привязался? Если я изменял кому, так это моей Анетте, и то раз в жизни, и то в командировке, и то в Кутаиси, и то с двадцатилетней официанткой, понятно тебе?

— Нет, непонятно! — упрямствую я.

— Анетта, — кричит дядя Геворк, — пока я не взял греха на душу и не раздавил, как клопа, этого мерзавца, вынеси две бутылки и авоську!

— Опять проиграл? — смеется в комнате тетя Анетта.

— Смейтесь, смейтесь, будет и на моей улице праздник! — грожусь я.

— Ну а до праздника, дорогая Анетта, положи ему в авоську две бутылки.

— Хоть две, хоть пять — денег у меня нет! — предупреждаю я дядю Геворка и собираюсь встать.

— Сиди-и-и, — дядя Геворк кладет мне на голову свой огромный кулак, — хочешь, чтобы я пошел под суд именно за убийство?

— Ва, нет денег у меня! Ты что, не человек? Нет у тебя ни сердца, ни детей?

— Такое, как ты, дитя я убил бы три раза в день... Анетта, одолжи-ка этому недоноску еще одну десятку за мой счет... Редиска — на улице Клары Цеткин, хлеб — на 25 февраля, хлеб возьми мой любимый — «Отелло», дешево и вкусно... Вино — «саперави»...

— Что ты сказал? — появляется в дверях подбоченившаяся тетя Анетта.

— Ничего, Анетта-джан, одолжи, говорю, ему десять рублей... За мой счет... — голос дяди Геворка заметно ослабевает.

— Прохвосты, жулики! Решили околпачить Анетту Георгобиани? Ну-ка, проваливайте отсюда, иначе нальетесь у меня стрихнина и сулемы! Ишь ты, сговорились, аферисты! Да этот вислоухий уже задолжал мне сто двадцать рублей за твой счет!

— Что ты, дорогая, в чем ты нас обвиняешь? — удивляется дядя Геворк.

— В том! Почему хоть раз не выиграл он и не пошел за вином ты? — вопрошает со злорадством тетя Анетта.

— Ва, а какая разница? Ну, скажем, проиграл я и я же пошел за вином, деньги-то все же отдашь ты? — объясняет дядя Геворк.

Нодар Думбадзе. Аствац, инчу амар!

2. «Литературная Грузия» № 10.

17

ვ. მარტოვიძე ს.ს. ს.ს. ს.ს.

— У кого только повернулся язык назвать тебя армянином, человеком расчетливым, знающим цену деньгам?! Что же это получается? Деньги — мои, бутылки — мои, закуска — моя, и вино разливать мне же! А вы будете угощаться, да? — тетя Анетта кладет на стол приготовленную заранее десятку и авоську с бутылками и взирает на нас уничтожающим взглядом — точно таким, каким контролер в трамвае взирает на безбилетных пассажиров.

Я и дядя Геворк стыдливо опускаем головы.

— Иди скорей, пока она не передумала! — шепчет мне дядя Геворк.

Вино мы пили всегда дома. И вот что странно: хотя об этом мы не договаривались и никто нас к тому не обязывал, но как только в руках у нас появлялись стаканы с кровавого цвета жидкостью, всякое балагурство и сквернословие как рукой снимало, и наша беседа настраивалась на грусть, откровенность, юмор, мечтания и любовь.

Первый тост, конечно, произносился за тетю Анетту и мою мать, следующий — за родных, затем — за Грузию и сразу же — за Армению. О Грузии дядя Геворк говорит странно и удивительно:

— Ваша Грузия, дорогой мой Мито, похожа на красивого, породистого скакуна под золотым седлом... К вашему несчастью, отведено этому скакуну место на таком красивом лугу, да к тому же такое видное, что каждому прохожему хочется сесть на него и погарцевать с видом военачальника. Так было испокон веков. Слава всевышнему, нрав у скакуна разборчивый и гордый — сажает на себя не каждого подонка, а лишь людей достойных. А если кому изменит чувство меры, тотчас же сбросит его наземь... Ты еще ребенок, многое тебе невдомек, а мне на своем веку пришлось повидать таких... Да, удивительная страна ваша Грузия, выпьем за нее!

А что же я? Ведь я не тварь бессловесная? Я — человек, существо мыслящее и говорящее, и я обязан сказать дяде Геворку что-то приятное про Армению. Но что, я не знаю, и потому начинаю, заикаясь:

— Дядя Геворк, на свете нет страны лучше Армении...

— Вот сукин сын! Откуда тебе об этом известно, ведь ты ни разу не был в Армении, — улыбается дядя Геворк.

— Ну и что? Зато я читал и слышал... Один Эчмиадзин чего стоит! И потом — вторую свою жизнь человечество начало с горы Арарат... — голубые глаза дяди Геворка наполняются слезами и блестят, словно изумруд. — В общем, если б не один недостаток...

— Какой недостаток? — настораживается дядя Геворк и ставит на стол стакан.

— Моря у вас нет, дядя Геворк, моря! — произношу я трагически.

— Да, что правда — правда, — вздыхает он.

— Но ничего, есть ведь у вас Севан! Чем не море? — ободряю я дядю Геворка.

— Какое это море — без единого порта..

— А вы постройте порт и назовите его Севанстополем! Вот и все! — я чувствую, что немного переборщил.

— Ну-ка, без балагурства! — предупреждает дядя Геворк, от души смеется и произносит очередной тост.

Я готовился к сессии и поэтому виделся с дядей Геворком редко, а последний месяц — то ли по моей невнимательности, то ли по причине его занятости — вообще не встречался с ним. Говоря откровенно, я был так обременен собственными заботами, что и не вспоминал о нем.

В тот день я сидел дома и конспектировал земельное право. Мать хлопотала на общем балконе, обмениваясь с соседками последними дворовыми новостями. Вдруг до меня донесся голос дяди Геворка, зовущего маму. Было около часу дня — в это время ему полагалось находиться на работе. Я прислушался.

— Уважаемая Анико, ваш Митуша дома?

— Дома, Геворк, занимается.

— Скажите ему, пусть спустится на минуту, когда освободится, — попросил дядя Геворк.

— Ступай вниз, что-то с Геворком неладно, — взглянула в комнату мама.

— Почему ты так думаешь? — спросил я, вставая.
— Слишком уж серьезно и жалобно он ^{этим} ^{разговаривал...}

Я сбежал по лестнице и, не постучавшись, вошел в комнату дяди Геворка. Он сидел за столом, у шахматной доски с расставленными фигурами. Тети Анетты не было видно.

— Баров, дядя Геворк! — приветствовал я соседа с наигранной веселостью.

— Здравствуй, дружок! Садись! — ответил он с улыбкой.

Я сел.

— Сегодня буду играть с тобой белыми. На коньяк. Выиграю, проиграю — коньяк покупаю я. Согласен? Хочу напиток! — не дожидаясь ответа, он сделал первый ход.

— Согласен! — ответил я и передвинул фигуру.

— Ну, как ты, как твоя сессия?

— Готовлюсь... Сессия еще не началась.

— Ну и какие у тебя виды на нее?

— Знаешь ведь мой девиз, дядя Геворк: тройка и здоровье...

— Правильно...

— Э, дядя Геворк, почему не записываешь ходы? Разучился, что ли, писать? И почему ты решил напиток именно коньяком? Или «саперави» тебя уже не берет? — решил я подурочиться, но, взглянув на дядю Геворка, осекся: он был бледен и хмур.

— Нет смысла записывать, — пасилу улыбнулся он, — а напиток коньяком потому, что коньяк — зелье от сатаны, оно память у человека отшибает, а вино... Вино — напиток благородный, божественный...

— Верно! Вино и коньяк — что небо и земля! — подтвердил я.

— Не то говоришь, сынок! Между небом и землей, как и между телом и одеждой, нет ни разницы, ни расстояния... Небо — одежда земли, небо — вселенная. И земля наша — в том же небе, то есть во вселенной. А вселенная — это божество. А что такое божество? Это — вечность, в которой пребывает все земное и все то, в чем овеществлено само божество. Понятно тебе? — спросил дядя Геворк и погладил меня по голове.

Я весь напрягся. Столь непонятым и умным я дел и слышал дядю Геворка впервые.

— Нет, ничего я не понял, дядя Геворк! — признался я.

— Сейчас поймешь! — сказал он, и, не успев моргнуть, как мой слон исчез с доски.

— Дядя Геворк, верни слона! — взмолился я.

— Ладно, возвращаю! Сегодня — день помилования! — дядя Геворк поставил слона на место и вдруг запел вполголоса:

Чичинадзе, жизнь ты нам расстроил,
 Для чего, зачем ЗАГЭС построил?
 Темных улиц в городе не стало,
 Девки, поцелуйи — все пропало...

Он пел так сладко и приятно, так легко и красиво, что я даже рот разинул от удивления. Впервые я видел поющего дядю Геворка.

— Ва-а-а! — вырвалось у меня.

— Что, понравилось? — спросил довольный дядя Геворк.

— Поешь, как бог, дядя Геворк! Чего же ты до сих пор таился?

— Вот это ты хорошо сказал — «как бог!» Гм, а кто ее слышал — песню бога?

— А вправду, поет ли бог? — подумал я громко и сам же ответил себе:

— Впрочем, для кого ему петь, когда его же прославляет и воспевают весь свет.

— Бог, если и поет, то всей вселенной! — сказал дядя Геворк.

— Как?

— А так — за пятак! Если бог создал мир, то и должен петь для своего детища. Нельзя ведь растить дитя без колыбельной? — рассмеялся дядя Геворк. — А мне как теперь быть, взять твою глупую королеву или подарить ее тебе?

— Дядя Геворк, ты куда сегодня ходил — на работу или в церковь?

— А что? — нахмурился дядя Геворк.

— Больно ты сегодня мудрый и грустный.

Дядя Геворк закурил и долго молчал, наблюдая, как вьется и рассеивается голубой дымок. Докурив папироску и погасив окурки в пепельнице, он заговорил:

— Сегодня опять меня вызывали.

— Куда, дядя Геворк?

— Туда, — вскинул он голову, — по поводу плена.

— Да ты что, не кончилось это? — огорчился я.

— Видать, не кончилось.

— Что же ему нужно от тебя?

— Он предъявляет мне два, вернее — три обвинения. Первое — почему и как я попал в плен, второе — почему я не покончил с собой, и третье — почему я пел в ансамбле песни...

— В каком еще ансамбле? — удивился я.

— А черт его знает! Когда мы, еле волоча ноги, возвращались с каменного карьера, я и один русский парень, Костя Суворов, старались развлечь изможденных ребят, Костя играл на балалайке, я пел:

Гей-гоп, гей-гоп,
мадам попугай,
гей-гоп, гей-гоп,
один рубль дай...

Это я пел для русских, а для грузин — ту самую песенку, про ЗАГЭС. Вот те крест, видит бог, для немцев я не пел никогда и ничего! Сами они, сволочи, распевали нашу «Сулико»... А теперь этот бессовестный тип пристает ко мне — почему я услаждал немцев!.. Как я попал в плен? А я что, знаю и скрываю?! Посадили нас в товарные вагоны, повезли куда-то. А спустя три дня — пожалуйста, вылезайте, а кругом — немцы! Вот и объясни теперь ему, как это случилось!.. Почему не застрелился! А было у меня оружие? И потом, так это легко застрелиться?! — дядя Геворк закурил снова. Рука у него дрожала. — Спрашиваю, сколько тебе лет, сынок...

— Кого спрашиваешь?

— Да этого следователя, будь он неладен...

— Как его фамилия?

— Дай вспомнить... Такая, знаешь, имя и фамилия вместе...

— Алекси-Месхишвили?

— Нет...

— Гогисванидзе?

— Нет... Да, вспомнил! Гигиберия!.. Спрашиваю, сколько тебе лет, сынок, такой ты скорый и строгий. Не твое, говорит, это дело! Через три дня не получишь исчерпывающего ответа, потом пеняй, говорит, на себя!..

— Ты тоже хорош! Что ты мне все это рассказываешь? Рассказал бы ему!

— Гм, расскажешь, когда на лбу у него вот такими буквами написано: «Входа нет!»

— В следующий раз, когда он вызовет тебя, возьми меня с собой! — потребовал я. Дядя Геворк рассмеялся. — Да ты не смейся, я говорю серьезно — возьми меня с собой!

— Ладно, сынок, возьму, только коня и ладью поставь на место — они оба твои, как же ты их берешь?

— Ну и черт с ними, не твое дело! — сказал я в сердцах и смешал фигуры. Дядя Геворк спокойно разложил их по местам.

— Что, видишь, что моя берет, и — на попятную? Играй, не вешай носа, у нас впереди целых три дня! — дядя Геворк сделал ход и записал его. — Видишь, записал, чего же ты ждешь?

Дядя Геворк как будто ожил, лицо у него порозовело, в голосе появились озорные нотки.

— Ну-ка, расскажи, как это было, на экзамене? «Кто перевел на грузинский язык «Капитал» Маркса»? И что ты ответил? «Энгельс»? Расскажи, расскажи!

Дядя Геворк встал, поднес левую руку к виску и произнес пропавшим вдруг голосом:

— Слышь, Мито, со мной, кажется, все...

Потом сел, поднял вверх лицо с расширенными от изумления глазами, «Аствац, инчу амар!» — проговорил по-армянски, уронил седую голову на шахматную доску и... кончился...

Дядю Геворка похоронили в первый вторник июня 1950 года. Уже к двенадцати часам дня вся улица Ниношвили, все перекрестки были забиты народом.

На Дезертирском базаре я накупил много белых роз и с огромным букетом в руках вошел в комнату, переполненную родными и близкими покойного. Сперва

Нодар Думбадзе. Аствац, инчу амар!

они не узнали меня — из-за букета не было видно моего лица. Но когда я подошел к гробу, положил букет у ног дяди Геворка и выпрямился, в комнате раздались такие вопли, что сердце у меня дрогнуло и я разревелся, как побитый ребенок.

— Папочка, дорогой, видишь, как тебя Митуша любил, сколько роз он тебе принес... — запричитала Нелли.

— Подойди, подойди к нему, бедный мой неудачник, — присоединилась к ней, раздирая лицо, тетя Анетта, — не было никогда у тебя стипендии, не выигрывал ты никогда в шахматы, а теперь не стало и твоего дорогого дяди Геворка... Некому больше сказать тебе «шах!»... Встань, Геворк, встань и спроси у него — на какие деньги он накупил столько роз, я ведь знаю — по три рубля штука на базаре... Расскажи, парень, расскажи своему дяде Геворку, не стесняйся...

Я обнял Нелли, тетю Анетту и вышел во двор с распухшими глазами и головой.

В три часа народ зашевелился. В дверях показался дядя Геворк, поднятый так высоко, что казалось — не несут его, а сам он шагает по воздуху.

— Не уходи, папочка! — умоляла Нелли.

— Не покидай меня, Геворк! — вторила ей тетя Анетта.

Процессия свернула налево, миновала вендиспансер. В начале улицы Конституции вдруг раздался протяжный милицейский свисток. Процессия остановилась.

— В чем дело? — спросил удивленно Валерьян Габисония, отставной полковник, руководивший похоронами.

— Куда вы идете? — спросил в свою очередь молодой, безусый милиционер (как потом выяснилось — новичок).

— Не будь здесь народа, я объяснил бы тебе все как следует, дурак ты этакий!.. На свадьбу мы идем!..

Новичок смутился. Он понял, что сморозил глупость, спросив «куда» вместо «по какой улице», но отступить не стал.

— Закройте сейчас же! — распорядился он.

— Что?! — взбесился Габисония.

— Закройте гроб! — повторил милиционер, положив руку на пустую кобуру.

— Закройте, закройте, Геворку легче будет расставаться с милой жизнью! — сказал один. Другой громко расхохотался — к нему обернулась вся процессия.

— Ничего, это истерика, пройдет! — успокоил народ третий.

— Ладно, пусть сойдет тебе сегодняшней день, а завтра поташу к полковнику Челидзе, собственными руками сдеру с тебя погоны, оборву уши и вырву язык. Запомни! — пригрозил Валерьян Габисония милиционеру.

Побледнев то ли от обиды, то ли от испуга, милиционер молча повернулся и ушел.

Гроб закрыли. Мы направились к Кукийскому кладбищу.

В те годы духовой оркестр и венки на похоронах в Тбилиси выходили из моды. Поэтому в процессии, среди уймы цветов, был лишь один-единственный венок-исполин, который несли сразу же за гробом двое рабочих. На венке красовалась душераздирающая надпись:

«Дорогому Геворку Артавазовичу от жеищин улицы Ниношвили».

Дяде Геворку была оказана достойная честь. В последний путь — с улицы Ниношвили до Кукийского кладбища гроб с прахом покойного несли на руках.

На могиле остались трое — я и два могильщика. Покончив с делом, они смотали и завязали веревку, вскинули на плечи лопаты и кирку и собрались уходить.

— Задержитесь на минуту! — попросил я их и присел у могилы. Могильщики переглянулись, сложили свой инструмент и молча уселись напротив меня.

Я достал из сумки колбасу, черный хлеб, две бутылки коньяка и маленький граненый стаканчик.

— Ты кто будешь? — спросил один из могильщиков.

— Секретарь комсомольской организации четвертого курса экономического факультета Дмитрий Владимирович Дарчия, — ответил я с улыбкой.

— Я не про то. Кем ты приходишься покойному?

Я молча откупорил бутылку и наполнил стакан.

— Сын?

— Нет.

— Племянник?

— Нет.

— Пасынок?

— Да никто, просто сосед, должник...

— Видать, здорово ты ему задолжал — жена с дочерью ушли, а ты остался, — сказал второй могильщик.

— Да, я перед ним в неоплатном долгу, и последний мой проигрыш — вот эти две бутылки коньяка. Не успел расплатиться, скончался он за игрой в шахматы... Как тебя зовут?

— Меня — Арташ, его — Тедо.

— Так вот, прошу вас как своих братьев — помогите мне выплатить долг.

— Поможем, конечно, но две бутылки коньяка — это много, опьянеем. Выпьем одну, другую разольем на могиле, — сказал Тедо.

— А ему-то какая от этого польза? — спросил я.

— Будет польза... Ну-ка, подай бутылку! — он взял бутылку и опрокинул ее на могилу. — Как звали покойного?

— Дядя Геворк.

— За упокой твоей души, дядя Геворк, и прими этот коньяк от Димитрия... — золотистая жидкость с бульканьем выливалась из бутылки, и свеженасыпанная земля быстро впитывала ее. — Гляди, как охотно он принял твой долг, — довольный Тедо возвратил мне бутылку.

— Теперь выпьем, — предложил я, поднимая стакан. — Я вам сказал, что в неоплатном долгу перед этим человеком. Не подумайте только, что я задолжал ему деньги...

— А что же? — удивился Тедо. — Что ты ему должен?

— Любовь, вот что!

— Вот ты и платишь любовью... — сказал задумчиво Арташ. — Эх, мне бы так отплатили...

— За дядю Геворка! — сказал я и быстро выпил. Потом снова наполнил стакан.

— Дай бог ему покая! — произнесли могильщи-
ки разом, перекрестились и выпили по очереди.

— Арташ, — обратился я к могильщику, — имя да и лицо у тебя армянское. А армянским языком ты владеешь?

— Какой же я иначе армянин? — ответил он удивленно. — Не только я, вот и Тедо знает армянский.

— Тогда, будь другом, скажи мне — как по-армянски будет «бог»?

— Эй, комсомол, хватит вам и того, что вы по-грузински поносите бога, теперь захотели ругать его и по-армянски? — ответил Арташ с наигранной улыбкой.

— Да нет, не то. Когда дядя Геворк умирал, мне послышалось, что он что-то сказал богу...

— А что он сказал? — заинтересованный Арташ привстал на коленях.

— Аствац, инчу амар!

— Так и сказал? — спросил удивленный Арташ и переглянулся с не менее удивленным Тедо.

— Что, что это значит? — в ожидании ответа у меня сперло дыхание.

— Боже, за что?!.. — прошептал Тедо...

ПЕВЕЦ СОЛДАТСКОГО ПОДВИГА

РЕВАЗ АСАЕВ — поэт и общественный деятель, ветеран войны и труда. За сорок лет активной работы он успел испытать свои силы во всех областях созидания духовной культуры родного народа. Прирожденный публицист, он долгие годы работал в редакции областной газеты «Коммунист», редактировал художественный журнал «Фидиуаг» («Глашатай»), возглавлял Юго-Осетинское отделение Союза писателей Грузии, Юго-Осетинский государственный драматический театр им. Коста Хетагурова, краеведческий музей Юго-Осетии, областную библиотеку, Союз журналистов, Комитет защиты мира и т. д. И всюду он — неутомимый и деятельный труженик.

Стихи Реваз Асаев начал писать рано. В печати его первые поэтические опыты появились в предвоенные годы. Но поэтом он стал на дорогах своей солдатской судьбы. Он из поколения юношей, ушедших на «большую войну» со школьной скамьи и вернувшихся поэтами, пережив лихолетье войны.

В 1947 году вышел в свет первый сборник стихов Реваз Асаева — «Перо бойца». Название несколько публицистично, но это характерно для самой сути многих произведений поэта.

И все же в книге читателя

привлекли прежде всего стихи о нелегкой солдатской судьбе, о солдатском подвиге в ситуации, когда «выбор был небольшой», когда — «до смерти четыре шага». И лучшие стихи именно об этом — о самочувствии солдата в окопах войны, о великой миссии советского воина, о судьбе поколения, павшего в боях почти поголовно.

С той поры много воды утекло, но все эти годы Р. Асаев работал неистово, словно писал и за тех своих сверстников, начинающих и тех поэтов, которым не суждено было вернуться с войны. Они — одиннадцать юношей, учившихся вместе с ним, начинавших писать в одно с ним время, — ушли на фронт в первый же год войны и погибли на полях сражений. Храбрые солдаты, они мужественно «дрались с войной», как скажет позднее Р. Асаев, но поэтами уже не стали, умолкли навсегда их звонкие голоса...

За годы, прошедшие со Дня победы, Реваз Асаев из

дал четырнадцать книг стихов и четыре книги публицистики на родном языке. И ни одно стихотворение не включено повторно в последующие издания. Произведения поэта щедро переводились и на языки братских народов: одиннадцать книг стихов Реваза Асаева издано на грузинском и шесть на русском языках. Кроме того, Асаев много переводил с грузинского и русского языков как произведения классики, так и современной поэзии. А книга Симонова в его переводе («Друзья и враги») вышла отдельным выпуском.

Разумеется, значение поэта в контексте национальной поэзии определяется не количеством труда и опубликованных книг, а тем обновляющим и обогащающим качеством, которое вносит он в развитие поэтического искусства на родном языке. И мне хотелось бы сказать несколько слов именно об этом.

Поэзия Реваза Асаева многообразна по тематике. Он все эти годы чутко реагировал на явления общественной жизни, на самые значительные сдвиги в нравственном мире. Правда, порой его реакция на факты реальной жизни отдавала публицистической отзывчивостью. Но это было естественно — публицистическая отзывчивость изначально свойственна его поэтическому характеру. Но такой отзыв порой оказывался первооткрытием новой темы или проблемы для всей литературы, хотя и не становился значительным фактом самой поэзии. А это ведь не так уж мало значит в само-

движении поэтического искусства.

И все же внимательное чтение книг Асаева упрямо приводит к одной мысли: самые глубокие раздумья и самые эмоционально насыщенные переживания поэта неизменно восходят к памяти о солдатской судьбе, о войне и о солдатах-погодках, павших на поле боя. И стихи, рожденные этой памятью, лучшие в его поэтическом активе.

Спору нет, в осетинской поэзии, не говоря уже о всеююзной, немало первоклассных стихов о войне. Но и в этом многолюдном хоре голос Реваза Асаева остается своеобразным. Можно уловить эмоциональную близость, нотональность — своя; можно увидеть схожесть ситуаций, состояний, но детали, образные ассоциации столь свои, что с другими их не спутаешь. Поэтическое воображение его развито и памяливо.

И невольно отвлекаешься и от тематического многообразия, и от публицистической «жадности» поэта к новым явлениям в процессе нашего жизнетворчества, невольно приходит в голову — поэтическая память Асаева навсегда прикипела к драматизму солдатской судьбы на «большой войне». И всей душой веришь в искренность его исповеди:

Уж столько лет прошло,
но той войны
Слеза в душе никак
не затихает.
И вроде нет в душе моей
вины,
А вот — болит, болит,
не отпускает...

В стихотворческом же опыте Р. Асаева, пожалуй, верно будет выделить две черты. Разумеется, эти черты стиха Асаева трудно ощутить вне контекста национальной стиховой традиции, а тем более в переводных аналогах, но в оригинале они выступают отчетливо. Это — пристрастие к говорному стиху и к богатой, порой каламбурной рифме.

Асаев явное предпочтение отдает классическим формам стиха. Его не коснулось увлечение ряда осетинских поэтов свободным стихом. Нет в его практике также белого стиха. Он влюблен в яркую, броскую рифму и в развитие осетинской рифмы внес немало своего оригинального и свежего опыта. В стихе же в силу своей склонности к публицистике он намеренно стремится приблизить поэтический язык к повседневной народной речи, отступить от условности языка, сделать его сугубо живым и жизненным.

Такая направленность исканий бесспорно заслуживает одобрения, но на этом пути перед поэтом встают две опасности: невольная прозаизация стиха, потеря ритмической мускулатуры и грех информационности. Мустай Карим однажды восхищенно

заметил: только Твардовский умеет каким-то волшебством даже газетную информацию превращать в чистое золото поэзии! Асаеву не всегда удается одолевать опасность публицистической информационности, но его стремление сроднить поэтический язык с народным просторечием безусловно служит утверждению реалистического стиха в современной осетинской поэзии.

Поэзия Реваза Асаева заслуживает серьезного разговора не только в связи с юбилейной датой. Но незаметно подошло его шестидесятилетие, и я вынужден лишь вкратце, формулировочно сказать об основных свойствах его поэтического мира и стихотворного искусства.

Реваз Асаев ныне в полном расцвете сил. И я уверен, что он еще не раз порадует своих читателей новыми и более совершенными произведениями. Мне же человеку одного с ним поколения осетинских поэтов хочется пожелать ему здоровья, которым не так уж он богат, и творческого не покорства времени, как это и полагается поэту и солдату!

Нафи ДЖУСОЙТЫ

ГОДЫ

Прекрасен сад в светающей красе.
 Деревья еле-еле держат ветки.
 Чуть розовеют в алых пятнах света
 колени яблонь круглые в росе.

Брожу по саду... Яблоневый дух
 хмелит, и каждый плод огнем сверкает —
 с румяных щек роса, горя, свисает,
 дрожит, покуда свет в ней не потух...

Подул вдруг ветер!.. Яблоки летят.
 Как будто время жизнь мою качает,
 трясет, и я с печалью замечаю —
 как годы гулко по земле стучат...

Да, это так,
 мы — космонавты все.
 Земля — наш дом, корабль наш могучий.
 Летит Земля сквозь Океана тучи —
 бока ее рассветные в росе.
 Над нами — жар и звездопада гром.
 И ковш Большой Медведицы свисает.
 Летим!.. Пространство голубым сияет,
 горит корона золотым огнем.
 Мы все — три с лишним миллиарда нас —
 летим вокруг Солнца в пустоте зловещей.
 Неужто нужно бойней человеческой
 корабль наш сбить — чтоб свет его погас?
 Ведь хватит всем тепла живых лучей —
 любой клочок земной согрет тем светом...
 Храни тебя, прекрасная планета,
 в полете разум и любовь людей!

В ГОРАХ МОЕ СЕРДЦЕ

— Все меньше в сердце вашем сил,
 и вреден вам любой подъем, —

так врач мне тихо говорил
и все настаивал на том,

что я давно уже не тот,
что раньше был — не та уж прыть,
что мне теперь не до высот,
не лазить в горы, не парить...

Ах, доктор!
Бросьте ваш рассказ,
я тот же все, каким и был, —
все та же зоркость, цепкость глаз,
все та же мощь орлиных крыл.

Ведь я рожден на высоте.
Как смею я гнездо забыть?
В любви, в строке или в мечте,
но горец должен лишь парить!

Без гор — что птица без крыла.
И не травите душу мне...
Но если б смерть за мной пришла, —
какой бы скорой ни была —
просил бы я денечка два,
чтоб лечь в вершинной стороне.

Пусть буря там меня найдет,
пусть обломает мне крыла —
пусть я паду,
пускай падет
на сердце мощная скала —
что будет памятником мне...

Ну, а пока я жив, — живу
орлом, что мерит синеву
небес в вершинной стороне!

В ТРЕПТОВ-ПАРКЕ

В том громе, что над жизнями гремел,
и осетин всего хватил с лихвою —
и на земле, и в небе он горел,
но воскресал и дрался вновь с войною.

Иду в Берлине парком... День горит
неярко и нешибко — так, как нужно.
Российский воин над землей стоит —
меч опустил свободно, не натужно.

Иду к нему — отдать поклон земной.
Душа молчит, от памяти поникши.
Идет большая очередь за мной —
но мало тех, кто знал в лицо погибших.

За мной немало юных земляков —
идут смущенно, хмуря брови строго.
Несу букетик полевых цветов,
они — привет родимого порога.

Девчата плачут... Слез мне не сдержать,
но я креплюсь — обычай предков знаю.
Живым неловко мне пред ним стоять —
еще печальней голову склоняю.

Уж столько лет прошло, но той войны
слеза в душе никак не затихает.
И вроде нет в душе моей вины,
а вот — болит, болит, не отпускает...

Погибло столько гордых сыновей
земли моей, Осетии любимой...
В просторе синем столько голубей! —
над парком свет струится голубиный.

Прости, земляк, что я остался жив,
а ты вот здесь навек стоять остался.
Прими привет от наших гор и нив, —
наш край еще наряднее поднялся.

Не зря утраты наши на земле —
сады цветут, в садах смеются внуки,
есть хлеб, вино на праздничном столе.
Крестьян, рабочих — в крепкой дружбе руки.

Скажи, что хочешь передать своим?
Мать заждалась... Седой невеста стала...
Прости, что мы живые здесь стоим,
а ты — на камне холодном пьедестала.

Ты выше всех стоишь в своей тиши —
отлитый в бронзу, на посту бессменном.
Но тот, кто светел подвигом души, —
судьба того во все века бессмертна!

Перевод Николая ГОРОХОВА

ВРЕМЯ

Стремительно истекший год
Уже за нами остается,
Привычен времени уход,
И осознать не удастся,
Что, ближе к старости, оно —
Мучительно, как бездорожье,
Что жизнь — мгновение одно,
Забытое неосторожно.
Не говори, что это сон...
Ведь время тем и объяснимо, —
Коснется, глянет вдруг в лицо,
И жажда жить — невыносима,
И юность, где-то позади,
Как крылья, взятые с собою...
А стих — поет, звенит в груди
И просится в зенит, на волю.

СКАЖИ, ЧТО ТРУДНЕЕ НА ЗЕМЛЕ!

Скажи мне, что всего труднее?
— Нет ничего трудней Любви.
Душа, как облачко виднеясь,
Уходит в небо голубое.

Скажи мне, что всего труднее?
— Ночей безмолвие. Бывает,
Забыв, что утро мудренее,
Бессонница одолевает.

Скажи мне, что всего труднее?
— Нет ничего труднее Смерти.
И жизнь пройдет, а перед нею
Мы, как и все, — одни на свете!

Скажи мне, что всего труднее?
Всего труднее Жизнь, и только.
С непостижимою, бледнеют
Любовь, и сон, и смерть, в итоге.

Скажи мне, что всего труднее?
— Быть Человеком, может статься.
Не всякий на земле сумеет
Хотя бы именем остаться.

Перевод Владимира ТЕРЕЛАДЗЕ

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Волна безумная когда-то
На берег выплеснула пламя;
Идя в бессмертие, солдаты,
Склоняясь, целовали знамя.

Оглохнув в грохоте и звоне
Смертельной сечи с вражьей силой,
В багровой мгле метались кони
С кровавой пеной на удилах...

Поныне между скал поникших
Горит в ночи огонь заветный,
И белый памятник погибшим
Взмывает в пламени бессмертном.

Гори, огонь, не угасая!
Стань маяком в ночи безбрежной,
В ненастье путника спасая —
Костром у ног в пустыне снежной.

Взмыл обелиск как белый сокол,
Он тверже скал, белее снега...
О, чистый пламень душ высоких,
Гори века для человека!

Перевод Аяны ФУНИКОВОЙ

ВПЕРВЫЕ я увидел его в кафе, которое часто посещал. Он возник в проеме двери, на мгновение задержавшись у порога, быстро оглядел помещение и, найдя свободный столик, прошел и занял его. Он заказал чашку кофе и довольно долго сидел, отпивая медленными глотками и большую часть времени глядя в окно.

Несомненно, он производил впечатление: высокий, худощавый, с породистыми чертами лица, темно-каштановыми волосами, разделенными на боковой пробор, и синими внимательными глазами. Одет он был с той спокойной элегантностью, которая безошибочно свидетельствует о давней привычке к хорошим вещам. В глазу у него слепо посверкивал монокль. Ни дать ни взять великолепный экземпляр чистого арийца, да-к тому же аристократического происхождения. Немцем он и оказался, но это стало известно позднее.

Появление его в этом месте и в то время было неожиданно и, пожалуй, для него несколько рискованно, в силу причин, которые я сейчас изложу.

Леван ХАИНДРАВА

ТАКАЯ ЛЮБОВЬ...

*Из цикла
«Невыдуманные
рассказы»*

Шел сентябрь 1942 года, кафе, о котором идет речь, находилось на Авеню Жоффе, в самом центре расселения русских в Шанхае, большая часть которых, несмотря на свое формально эмигрантское состояние, сочувствовала Советскому Союзу.

Небольшое кафе это, — оно, кстати, так и называлось: «Маленькое кафе», только по-английски: «Little Coffee Shop», — принадлежало двум бывшим служащим тогда уже упраздненного французского муниципалитета — русским по национальности, хотя и французским подданным. Франция под властью Петэна находилась в германской орбите, и шанхайские французы официально подчинялись правительству Виши, но на самом деле почти все были на стороне генерала де Голля, а хозяева кафе делали регулярные взносы — правда, негласно — в Советский Красный Крест. Но мне ли было этого не знать, когда жертвования проходили через мои руки!

Основную клиентуру кафе составляла молодежь — русские, евреи, грузины, почти все знакомые между собой, многие состоявшие в приятельских отношениях друг с другом, так что зайдешь в кафе — всегда найдется с кем поболтать, обменяться новостями, сыграть партию в шахматы или нарды. Словом, место уютное, приятное, удобно расположенное и недорогое — что по тогдашним не очень сытым временам было обстоятельством немаловажным.

Но для немца-арийца, — мы так их называли в Шанхае, чтоб отличать от многочисленных беженцев из Германии — евреев, считавших и называвших себя тоже немцами, — маленькое кафе это было местом отнюдь не самым подходящим. Скорее наоборот.

Зайдя однажды, он стал там появляться не то чтобы часто, но время от времени.

«Чего он сюда лазит?» — недоумевал я и, строя догадки, приходил к выводу, что ему любопытно посмотреть, как чувствуют себя сторонники СССР в эти критические для Сталинграда дни. «Тебе это интересно? — мысленно спрашивал я его. — Ну что ж, смотри. Можешь убедиться, что никакого уныния среди нас нет. Мы все уверены, что Сталинграда вам не взять, а вот в Берлине наши рано или поздно будут!»

Он всегда приходил один и все то время, что сидел в кафе, проводил в одиночестве — никто, естественно, с ним не заговаривал, не заводил знакомства, но и не задевал его никто, хотя среди постоянных посетителей были записные забияки, для которых затеять скандал или даже драку было делом привычным. Но он держался так сдержанно и корректно, что не давал ни малейшего повода для недовольства собой, а главное, в нем не чувствовалось высокомерия, потому что прояви он хоть в малейшей степени эту черту — ему бы не сдобровать.

Меня интриговало выражение его лица, суть которого я никак не мог определить: грустное — не грустное, подавленное? Тоже нет. Тоскливое? Скучающее? Нет, все не то, совсем не то. Еще больше я заинтересовался им, когда увидел его читающим нашу газету. Оказывается, он знает русский язык! Любопытство одолело меня, и, сделав вид, что иду к телефону, я прошел туда-сюда мимо его столика. Он как раз читал мою корреспонденцию с японской пресс-конференции, материал острый, в котором нашли отражение мои вечные перепалки с японскими докладчиками.

После этого я не раз ловил (или мне это так казалось?) его внимательный взгляд на себе.

К самым редким явлениям люди в конце концов привыкают. Привыкли к нему и мы, но все же он нас — я говорю о себе и своей компании — не переставал интересовать. Слишком уж необычной личностью он казался.

И, конечно, мы постепенно кое-что о нем узнали. Шанхай — один из крупнейших городов мира, но иностранцев в нем насчитывалось тысяч около ста — население небольшого провинциального центра, так что общих знакомых найти было нетрудно. По правде говоря, специально я их и не искал. Жизнь моя в ту пору была насыщена делами более важными, но знакомые нашлись сами собой. Две очаровательные молодые особы из тех, что не очень строги в выборе знакомств и во всем прочем, как-то сообщили мне, что это действительно немец и даже граф (вот он откуда — монокль в глазу!), фамилия его фон-Хольтиц. Все это было еще не так интересно, а вот что он, оказывается,

антифашист, не ходит в местный немецкий клуб, почти ни с кем из местных немцев не знается — объясняет многое.

Каким же одиноким должен был он чувствовать себя в Шанхае, в таком отдалении от родной страны, не имея возможности общаться со своими сородичами, которые если и не все были сторонниками Гитлера, то во всяком случае соблюдали полную внешнюю лояльность правящему режиму, исправно посещали собрания в немецком клубе, делали пожертвования в фонд зимней помощи вермахту и так далее.

Узнав о фон-Хольтице все это, я внутренне изменил свое отношение к нему, но, конечно, не делал никаких попыток познакомиться. Ведь все-таки между его родиной и моей шла война. Но интересовал он меня теперь гораздо больше, и в первую очередь хотелось знать, как бы он вел себя, если б находился в Германии. Дело в том, что я, подобно очень многим в ту пору, ожидал, что в случае нападения гитлеровской Германии на Советский Союз свое веское слово скажет германский рабочий класс. Ведь на последних свободных, то есть многопартийных, выборах в Германии в 1932 году за коммунистов проголосовало несколько миллионов человек. Где же они сейчас, эти миллионы, спрашивал я себя, как спрашивали о том же многие люди на родине и повсеместно. Куда они делись, когда проявят себя?

Фон-Хольтиц явно не принадлежал к числу тех, кто голосовал за коммунистов. Известно было — ходили глухие, неясные слухи — что в Германии существует оппозиция Гитлеру в аристократических и в военных кругах. Первые не могли примириться с тем, что страной правят невежественные и преступные плебеи, вторые — что первоклассной германской армией руководит выскочка-дилетант с авантюрной складкой, явно ведущий вооруженные силы к разгрому, а страну к гибели. Видимо, фон-Хольтиц принадлежал бы к этим кругам, говорил я себе.

К тому времени мы уже, хотя и очень сдержанно, кланялись.

Это произошло после того как однажды я, войдя в кафе с дамой, остановился, оглядываясь, как свободного столика. Я. Вой-
в. Поис-
2022010033

В тот день было особенно много народу и, что удивительно, никого из близких знакомых, к кому мы могли бы подсесть.

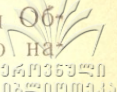
Я не обратил внимания, что стоим мы как раз над столиком фон-Хольтица. Он заметил мое затруднительное положение и вежливо, но без всякой угодливости, обратился ко мне по-английски:

— Вы можете занять этот столик, я сейчас его освобождаю.

Я поблагодарил, но воспользоваться его любезностью не спешил, чтоб не оказаться в щекотливом положении. Как-никак он — немец, а я сотрудник местной советской газеты, да еще и секретарь Общества помощи Советскому Красному Кресту — лицо некоторым образом официальное.

При следующей встрече — на этот раз сидел в кафе я, а вошел он — фон-Хольтиц сдержанно поклонился, я ответил таким же поклоном, но счел нужным впредь и самому кланяться — все же он был старше меня лет на десять.

Разговорились мы с ним впервые при довольно курьезных обстоятельствах. Нашему Обществу Красного Креста предстояло отправить в Советский Союз очередную партию медикаментов и теплого белья для бойцов Красной Армии, на что разрешение получалось обычно непосредственно от японцев, оккупировавших иностранные районы города сразу после начала Тихоокеанской войны. Но незадолго до описываемого случая управление муниципалитетом Международного сэттльмента — фиктивно, конечно, — передали китайской марионеточной администрации Ван Цзин-вэя, так что и разрешение на отправку грузов надо было брать там. А в муниципалитет, на места, занимавшиеся прежде англичанами и американцами, японцы посажали своих союзников — немцев, итальянцев, венгров. И вот в том отделе, где предстояло получать разрешение, как мне сообщили, работали два немца, из которых один — Краузе — видный местный нацист. Положение складывалось парадоксальное.

— Что мне делать? — спросил я председателя Общества Красного Креста, моего непосредственного начальника на чальника.

— Что ж поделаешь? Грузы надо отправлять. Пароход из Владивостока приходит на днях... Иди, требуй. Он не имеет права тебе отказать, этот Краузе. Он там находится не как слуга Гитлера, а как служащий шанхайского муниципалитета.

Я пошел.

Действительно, за столом начальника отдела сидел плотный человек средних лет с мощной шеей, вобравшей в себя затылок яйцеобразной, на прусский манер стриженной головы. На лацкане у него был значок нацистской партии со свастикой, на лацкане моего пиджака — алая эмалевая звезда с серпом и молотом. И нам сейчас предстояло разговаривать. Положение, которое в ту эпоху могло сложиться, пожалуй, только в Шанхае.

Он вопросительно и не скрывая неприязни в упор смотрел на меня, и я уже собрался было произнести заранее подготовленную фразу, составленную достаточно корректно, но и категорично, о том, что мне необходимо получить разрешение и т. п., как вдруг я заметил, что за другим столом, стоящим впритык к первому, сидит фон-Хольтиц! Он слегка улыбнулся мне как знакомому, и спросил, в чем суть моего дела. Оказывается, он служил в том же отделе и ежедневно по шесть часов сидел лицом к лицу с заядлым нацистом, не обмениваясь с ним ни единым словом, кроме деловых фраз. Об этом мне потом рассказал служащий-китаец, тоже сидевший в этой комнате.

Я был несказанно рад, что судьба избавила меня от необходимости вести переговоры с Краузе, и с готовностью повернулся к фон-Хольтицу, в двух словах объяснив, что привело меня сюда.

Понимающе кивая в такт моим словам, он выслушал и бросил:

— О, это очень просто! Дайте ваше заявление!

Он вписал данные в лежавший перед ним гроссбух, потом встал и, прихватив мою бумагу, вышел из

комнаты. Меньше чем через пять минут он вернулся и, вручив мне наше заявление с приложенной к нему печатью и еще какую-то бумажку на китайском языке, сказал очень любезно:

— Вот, пожалуйста. Можете отправлять. Разрешение действительно в течение десяти дней.

— Благодарю вас. Всего хорошего! — сказал я, повернувшись таким образом, чтоб мой поклон относился к фон-Хольтицу и китайцу, но никак не к Краузе. Кажется, мне это удалось, потому что эти двое вежливо ответили.

Мы по-прежнему изредка встречались в кафе, но только здоровались, правда уже не столь официально. И однажды он все-таки заговорил со мной. Это было в июле 1943 года. В Европе происходили большие события, в тот день предполагалось много срочной работы в редакции. Чтоб успеть сделать все, я зашел выпить свою чашку кофе на час раньше обычного. Кафе было еще почти пусто, из моей компании — никого, и я уселся в среднюю ложу у окна. Вскоре появился фон-Хольтиц и сел за соседний столик, на котором уже стояла чашка кофе. Он, как видно, пришел раньше, а в тот момент, когда я вошел, куда-то выходил. Мы оказались почти рядом.

Поздоровавшись, он сразу же обратился ко мне с вопросом — видимо, тоже слышал кое-что о последних событиях:

— Какие новости?

Новости были, и важные. Меня просто распирало от нетерпения излить их на кого-нибудь. Именно поэтому я, даже торопясь на работу, все же забежал в кафе. Правда, я не предполагал, что первым, кто их услышит, будет немец.

— В Италии переворот. Король арестовал Муссолини и назначил новое правительство во главе с маршалом Бадольо! — сказал я, стараясь, но не умея, скрыть торжествующего тона своих слов.

Фон-Хольтиц спокойно принял это известие и, слегка наклонив голову, сказал:

— Этого можно было ожидать.

Но у меня было еще не все и я продолжал:

— Новое правительство объявило о выходе Италии из войны. Сейчас ведутся переговоры о капитуляции.

— Да, да, конечно, — спокойно констатировал он, будто все знал заранее. — Иначе и быть не могло. — И, словно потеряв интерес к этой теме, задал новый вопрос:

— А что на восточном фронте?

Вот на этот вопрос ответить было посложнее. Да, он — противник Гитлера, в этом я уже не сомневался, но ведь все-таки он немец. Как же мне говорить, какие термины употреблять? Обидеть его мне не хотелось, но и своими чувствами поступаться я не мог и не хотел. Шла как раз битва на Курской дуге и новости поступали обнадеживающие. Я чуть-чуть подумал и сформулировал свой ответ так:

— Наступление бронетанковых частей противника везде остановлено. Красная Армия перешла в контрнаступление.

Это была переломная стадия битвы, но тогда еще невозможно было предвидеть, какие огромные последствия она будет иметь. И тем не менее фон-Хольтиц произнес:

— Эта война была безнадежна с самого начала, — и грустно покачал головой. Первый раз он проявил какие-то эмоции, первый раз прокомментировал что-то. — Они поставили Германию на край гибели.

Я промолчал. Не так уж трудно быть деликатным, когда ты прав и твоя сторона побеждает. Установилась долгая пауза. Я раздумывал, что бы сказать такое, чтоб, с одной стороны, выразить свою точку зрения, но с другой — не задеть его чувств. Нацисту я бы нашел что сказать, но ему...

Так ничего и не придумав, я взглянул на фон-Хольтица. Он сидел, словно забыв о моем присутствии, полностью погруженный в свои мысли, и смотрел невидящим взглядом в какую-то ему одному видимую точку. И я снова подумал, как, должно быть, одинок этот человек, брошенный неведомым для меня капитизмом судьбы за тридевять земель от своей родины,

которую он теперь неизвестно когда и в каком состоянии увидит. И тут я определил — мгновенно и точно — выражение, которое почти всегда видел на его лице и которое никак не мог ухватить словами: это было одиночество, именно одиночество — отчаянное, безысходное, безнадежное.

Но, видимо, правильно говорят оптимисты, что безнадежных положений, пока человек жив, не бывает.

Тут нужно сделать маленькое отступление. Последнее время в поле нашего зрения — я имею в виду себя и свою компанию — попала одна молодая женщина, которую часто можно было встретить в ресторанах, театрах, ночных увеселительных местах. Даже в Шанхае, где трудно было удивить кого-либо элегантностью, она выделялась именно этим. Красивой я бы ее не назвал: довольно заурядное лицо с чертами правильными, но ничем не примечательными, молочно-серые глаза и очень светлые, как выразился один мой приятель — перекисеводородные волосы, к тому же не очень густые.

Но рост, но фигура, ноги и вся стать делали ее не просто заметной, а чрезвычайно эффектной и привлекательной, я бы сказал, вызывающе привлекательной для меня и моих друзей, а были мы все молоды, неженаты...

И если бы не одно обстоятельство, ей бы, пожалуй, не устоять, потому что, судя по косвенным признакам, крепость эта была не из неприступных. Но — увы! — она была немка-арийка, да к тому же сотрудница германского посольства, как говорили, секретарша посла, так что ни о каком знакомстве, не говоря уже о чем-либо ином, не могло быть и речи.

И вот как-то раз я увидел ее на улице с фон-Хольтицем!

Молодая нацистка, входящая в самые высокие сферы местной колонии гитлеровцев, и оппозиционер, не скрывающий своего резко отрицательного отношения, более того — отвращения к режиму!

И все же я почему-то не усомнился в искренности убеждений фон-Хольтица.

Кто знает, при каких обстоятельствах они могли познакомиться, чего только в жизни не бывает? Все-таки у них много общего: национальность, возможность говорить на родном языке, воспоминания о родных местах... Только тот, кому довелось долго жить на чужбине, в состоянии понять это.

Фон-Хольтиц был человек независимый, никому в вопросах своей личной жизни не подотчетный, и, вероятно, считал, что политические взгляды хорошенькой женщины, если они вообще у нее есть, не могут иметь большого значения.

Другое дело она, занимавшая официальное положение. Вряд ли начальство одобрит общение с такой одиозной с их точки зрения фигурой, как фон-Хольтиц. Но вот уж благополучие ее служебной карьеры меня ничуть не беспокоило.

Поэтому, увидев вскоре их снова вместе, я одобрительно хмыкнул и про себя подумал: «А он, оказывается, парень не промах!».

Потом я стал встречать их все чаще и чаще. Они были явно увлечены друг другом. С фон-Хольтицем произошла разительная перемена. Я начал замечать иногда на его лице улыбку, и — главное — то удручающее выражение безысходного одиночества исчезло с его лица. Теперь это был человек, несмотря на многие неблагоприятные обстоятельства, живущий полноценной жизнью.

И она, — это безошибочно угадывалось по ее лицу, по тому, как она смотрела на него, — казалась всецело поглощенной своим чувством, и видно было, что для нее больше никто не существует. Да, теперь это была уже не та крепость, которая по нашему, быть может слишком легковесному суждению, не выдержала бы лобового штурма!

Она и похорошела необычайно. Ее заурядное, лишенное ярких черт и красок лицо словно бы осветилось изнутри, тусклые прежде глаза оживились, стали глубже, голубее и выразительней. Ничто так не красит женщину, как сознание, что она любима именно тем, кто дорог и ей.

«А как же все-таки с ее работой, с ее окружением? — думал я. — Не могут же они не знать об ее отношениях с фон-Хольтицем?»

На этот вопрос я вскоре получил ответ.

— Ты слышал? Грета ушла из посольства, — сказал мне как-то один приятель из категории всезнаек.

— Какая Грета? — спросил я недоуменно.

— Ну та самая... Блондинка... С мировыми ногами...

Я все еще не понимал, так как думал о чем-то другом. Мало ли блондинок с красивыми ногами ходит по улицам Шанхая?

— Послушай, ну та самая... — начинал терять терпение мой приятель, — которая с нашим немцем ходит..

Мы, постоянные посетители «Маленького кафе», называли фон-Хольтица «наш немец».

Тут уж до меня дошло.

— Да что ты говоришь?! — воскликнул я, пораженный. — Неужто правда?

— Сто процентов! И из посольства ушла, и с клубом немецким порвала.

Вот это здорово! Значит, у них с фон-Хольтицем дело серьезное. Ведь порвать с официальными германскими кругами в разгар войны, в оккупированном японцами — союзниками Германии — Шанхае значило пойти на немалый риск, уже не говоря о материальном ущербе. В германских учреждениях сотрудникам платили валютой, ставки были очень высокие, а фон-Хольтиц — сколько он мог получать в шанхайском муниципалитете?

Эта пара начинала меня не на шутку интересовать: с одной стороны, импонирующий образ гордого одиночки, избравшего нелегкий путь, но не поступившегося своими убеждениями. С другой — молодая, привлекательная женщина, вполне преуспевающая и, по-видимому, всем довольная. С ее стороны это была несомненно жертва, и немалая. Значит, она по-настоящему любит его, а это чувство всегда внушает уважение. Я сразу проникся симпатией к бывшей нацистке и мне неприятно было вспоминать, что я дурно думал о ней не только как о человеке вообще, но и как о женщине.

Фон-Хольтиц, видимо, жил где-то в моем районе, я его часто встречал на улице. Вернее было бы сказать

«их», потому что с некоторых пор фон-Хольтица и Грете нельзя было встретить порознь.

Если допустимо судить извне о таком интимном и сложном чувстве, как любовь, то это несомненно была обоюдная и очень счастливая любовь. Да, они явно были счастливы вопреки всем трагическим внешним обстоятельствам: ведь шел уже сорок четвертый год и Германия еженощно, а потом и в дневное время подвергалась массированным налетам союзной авиации. Тысячи американских и английских самолетов непрерывно висели в германском небе и долбили, долбили города, промышленные объекты, базы, мосты, пути сообщения. А с востока, как неотвратимое возмездие, накатывал неудержимый вал советских армий. А они — немец и немка — были счастливы в такое время и, право же, я не в силах был упрекнуть их за это.

В «Маленькое кафе» фон-Хольтиц долго не ходил. Видимо, Грете в силу понятной психологической инерции казалось, что появившись она в этом гнезде «большевиков» — ее там разорвут на части. Но в конце концов они все-таки пришли. Я как раз сидел за партией в шахматы со своим постоянным партнером и другом и видел самый момент их появления. Они на минуту задержались в дверях и на лицах обоих читалась напряженная выжидательность. Несомненно, они оба волновались. Но получилось как-то так, что никто на них внимания не обратил — некоторые их не знали, те же, кто знал, помнили и то, какие перемены произошли в их жизни за последний год.

Увидев меня, фон-Хольтиц явно испытал облегчение. Он издали улыбнулся, я ответил приветливым поклоном и отвернулся к доске как ни в чем не бывало. Этим, казалось мне, я покажу ему, что не вижу ничего неуместного в том, что его дама появилась здесь, среди нас.

Но фон-Хольтиц, очевидно, судил иначе, считая меня той тихой пристанью, к которой им, обойдя все рифы и подводные камни, следует здесь пристать.

Рядом со мной был свободный столик и хотя были и другие не занятые, он направился именно сюда.

Леван Хаиндрава. Такая любовь...

Не посмотреть в его сторону, сделать вид, что не замечаешь, когда он, отодвигая стулья для себя и своей спутницы, едва не касался меня плечом, было бы попросту невежливо, и я, оторвавшись от шахматной доски, снова послал ему легкую улыбку. Меньше этого сделать было невозможно, и я намеревался тем и ограничиться.

Но фон-Хольтиц неожиданно обратился ко мне:

— Разрешите представить вас моей жене! — сказал он немного торжественно и в то же время чувствовалось, что он не уверен, как я отреагирую на такое представление.

Я постарался сохранить полное внешнее безразличие. Сделать это было тем легче, что я в общем ждал чего-то подобного. Я встал и учтиво поклонился, не улыбнувшись, однако, что при других обстоятельствах сделать бы следовало. Я считал, что церемония знакомства на этом и закончится. Но Грета, мило улыбнувшись, — она, кажется, быстрее мужа овладела собой, — проворковала:

— Очень рада познакомиться! Мне Клаус рассказывал о вас, — и протянула руку.

Этого еще недоставало! Рукопожатие с недавней нацисткой! В разгар войны! Но что оставалось делать? Руку ее я принял, но, конечно, не поцеловал, что сделать тоже не мешало бы, будь я представлен обычной жене обычного знакомого. Рука у нее была не маленькая, не породистая, но холеная и с достаточно длинными пальцами. По крайней мере с двух из них сверкнули бриллиантами золотые кольца.

Мы обменялись несколькими ничего не значащими фразами — болтала она по-английски очень прилично. Я давно заметил, что после китайцев и русских английский язык лучше всего дается немцам, — и фон-Хольтиц предложил:

— Может быть, выпьете с нами по рюмочке коньяку? Здесь, говорят, есть настоящий «Хэнэсси».

Выручил меня мой друг, мрачно уставившийся на шахматную доску, где положение действительно было сложное.

— Спасибо, но... — и я сделал выразительный жест: и рад бы, мол, да сами видите — недосуг.

1935940
302 00110333

Запомнилась мне еще одна встреча с фон-Хольцманом. Это произошло в ночном клубе «Шехеразада» на той же Аvenues Жоффра, только несколькими кварталами дальше. Собственно, «ночной клуб» слишком пышное определение для «Шехеразады». Это скорее было то, что французы называют *boite de nuit*¹ — маленькое помещение с баром в дальнем конце, вдоль стен крохотные столики, рассчитанные на двоих, такая же крохотная эстрада, на которой уместаются пианино, скрипка, гитара, саксофон, контрабас, может быть банджо. Количество инструментов превышает число исполнителей, потому что музыканты очень хорошие и каждый умеет играть на нескольких инструментах. Музыка негромкая, мелодичная, общее освещение отсутствует. На каждом столике грибок лампочки — синий, бордовый, зеленый, фиолетовый, желтый. Лампочку можно и не включать, тогда около вас полумрак будет еще гуще, что при общей интимной обстановке иногда оказывается весьма кстати...

В этой «Шехеразаде» я бывал часто по двум причинам. Во-первых, потому, что в ней перед возвращением на родину долго выступал Александр Вертинский, страстным поклонником искусства которого я был всю жизнь. По его же усмотрению в свое время было отделано помещение и дано название.

— Вкус — это от бога, — объяснял он мне. — Его нельзя приобрести за деньги. Я велю затянуть стены рогожей и будет красиво!

Я слушал, молчал, впитывал. Грудно в двадцать пять лет не соглашаться с выдающимся артистом, все творчество которого — уникальное, неповторимое и неподражаемое — воплощение изысканного вкуса.

Однако рогожей «Шехеразаду» Вертинский все же не обтянул. В ход был пущен все тот же плюш, но получилось действительно красиво и оригинально: будто находишься в шатре у какого-нибудь средневекового восточного владыки. Владелец «Шехеразады» Жорж Сурми, дошлый одессит с цепкой хваткой не высшего по-

¹ Ночной кабачок. Дословно: ночная коробочка (франц.).

шиба, но смягчавшейся характерной для жакетта теплотой отношения к тем, к кому благоволил, и, конечно же, прекрасным чувством юмора, довольно потирая руки. Он понимал, что его заведение в новом облике, да еще с такой приманкой, как Вертинский, будет работать всюю. Так оно и было, пока Вертинский не уехал.

В этой «Шехеразаде» бухгалтером работал мой близкий друг, доведившийся шурином хозяину. Это и была вторая причина, почему я туда часто заглядывал, возвращаясь поздно вечером из редакции. Когда народу бывало немного, мы, ничего не заказывая, занимали столик в углу и сражались в шахматы. Иногда, под хорошее настроение, Жорж ставил нам по бокалу натурального итальянского вермута «Чинзано», изготовлявшегося, как я доподлинно знал, предприимчивыми китайцами совсем неподалеку от «Шехеразеды». Когда же я бывал при деньгах, то заказывал на американский манер стаканчик «брэнди-лемонэйд» (на два пальца коньяку, остальное лимонад), благо что мне, человеку в этом заведении своему, наливали коньяк хоть и дешевый, но настоящий и считали за «дринк» по-божески. Я уже говорил, что Жорж Сурми был великодушен к тем, к кому благоволил. А от меня он, как никак, одним из первых узнавал новости с фронтов и очень этим гордился, тем более, что новости теперь, в конце сорок четвертого года, всегда были хорошие.

Вот в один из таких вечеров, зайдя в «Шехеразеду», я застал там одиноко сидящего за стаканом виски с содовой фон-Хольтица. Заметив меня, он очень оживился и, привстав, пригласил:

— Присаживайтесь. Я сегодня без жены — она не совсем здорова, — и он вежливо отодвинул мне стул за своим столиком.

В упоминании, что жены его здесь нет, мне почудился намек: ничто, мол, не мешает нам провести часок вместе, и я решил не уклоняться от его приглашения, потому что, как успел сообщить мне швейцар, моего друга — партнера по шахматам — сегодня в «Шехеразаде» не было.

— Первый раз вижу вас здесь, — сказал я, чтоб с чего-то начать.

— Нет, я тут раньше часто бывал, слушал Вертинского. А сегодня случайно зашел и, знаете, — ощущение какой-то невосполнимой пустоты.

Такую же, если не бóльшую, пустоту ощущал и я, но если у меня была надежда после войны, приехав на родину, вновь соприкоснуться с удивительным искусством Вертинского, то у фон-Хольтица такой надежды быть не могло. Но его признание немало меня удивило. Искусство Вертинского, основанное на тончайших нюансах, интонациях, полутонах, где единственным возможным образом звучали не только слова, но даже отдельные буквы, кроме людей, для которых русский язык является родным, было доступно лишь очень интеллигентным французам и китайцам.

— Вы настолько хорошо знаете русский язык? — спросил я, сильно удивленный, потому что всегда, и в данном случае тоже, разговаривал с фон-Хольтицем только по-английски. — Вы жили в России?

— Нет, я там, к сожалению, никогда не бывал. Но я изучал русский язык и литературу в Гейдельбергском университете. Однако курса не кончил. Пришлось уехать в 1934 году.

«Понятно, — подумал я. — К тому времени гитлеровцы уже полностью взяли под контроль всю жизнь в Германии и фон-Хольтицу было не до учения». Тут бы мне спросить, как сложилась его дальнейшая судьба и каким образом он оказался в Шанхае. Но что-то мешало задавать такие вопросы. Поэтому вместо вопроса я сказал:

— Так давайте говорить по-русски!

— О нет, — искренно смутился он. — У меня слишком плохое произношение.

«Если он сам понимает, что произношение у него плохое, значит знает язык основательно», — подумал я, но настаивать не стал.

Мы долго сидели в тот вечер, говорили о Вертинском (я, кстати, вспомнил, что Александр Николаевич рассказывал мне о немецком графе — своем поклоннике. Вот кто, оказывается, это был!), об его отъезде

Леван Уаиндрава. Такая любовь...

на родину и возможной жизни там и как-то незаметно съехали на разговор о правовом статусе самого фон-Хольтица.

— У вас сохранился германский паспорт? — спросил я его в лоб.

— Да, — твердо ответил он и пояснил: — Вы понимаете: отказаться мне, немцу, от германского паспорта, значило признать, что Германия и они (иначе, чем этим местоимением, он тогдашних правителей не называл) — это одно целое. А я никогда с этим не соглашусь. Гитлер сегодня есть, завтра он будет сметен, а Германия была и будет.

Фон-Хольтиц явно разволновался. Обычное безупречное самообладание ему изменило. Я впервые видел его таким. Нервным жестом он вынул из глаза монокль и протер платком, прежде чем снова водрузить на место, и я заметил, что руки у него немного дрожат.

— Вы почти в точности повторяете слова, сказанные Сталиным еще в 1941 году, в очень тяжелый для нас момент.

— Да, я знаю, — кивнул головой мой собеседник, вновь овладевая собой. — А вы сами как считаете? Что будет с Германией? Только скажите мне с полной искренностью, прошу вас...

— Я думаю, это единственно правильный взгляд на проблему.

— Я так и думал... Я рад, что не ошибся в вас. Вы знаете, так тяжело ошибаться в людях, особенно когда вокруг тебя их так мало.

Последняя наша встреча с фон-Хольтицем произошла ранней осенью 1945 года. Он позвонил мне в редакцию и спросил, могу ли я достать для него два билета на просмотр только что полученных из Москвы документальных фильмов о последних боях на советско-германском фронте, взятии Берлина и капитуляции. Я сам не мог решить такой вопрос и сказал, что выясню, попросив позвонить на следующий день. На завтра я сообщил ему, что билеты оставлены в кассе летнего павильона Советского клуба на его имя.

Я тоже присутствовал на этом сеансе. Это были незабываемые дни, когда не только люди на родине, но и мы, жившие далеко за ее пределами, упивались по-

бедой, такой трудной, выплывшей на океане человеческой крови, на ни с чем не сравнимых страданиях родного народа, но победе полной и безоговорочной.

Так получилось, что фон-Хольтиц с Гретой сидели как раз сзади меня и я слышал, что они, особенно когда начали показывать штурм Берлина, переговаривались вполголоса: они узнавали районы своей столицы, отдельные улицы. И еще Грета несколько раз произнесла:—*Wie schrecklich! Wie schrecklich!*¹

И тот же ужас слышался в ее голосе, хотя говорила она очень тихо, почти шепотом. Муж отвечал ей еще тише, и, хотя я не знал немецкого языка, мне казалось, что он говорит ей какие-то слова утешения.

На сеансе присутствовало еще несколько немцев, но к ним я не испытывал такого сложного противоречивого чувства, как в отношении четы фон-Хольтицев. Те немцы были коммунисты, с самого начала четко и недвусмысленно определившие свою позицию. Некоторые из них всю войну проработали у нас в ТАССе и на радиостанции.

А фон-Хольтиц... Ведь едва закончится сеанс, мне предстоит с ним встреча, и не о погоде же будем мы разговаривать? Как мне держать себя, как, если не скрыть полностью (да я и не хотел этого!), то хотя бы приглушить внешне чувство ликования, которое бушевало во мне в эти минуты? Но показать ему свое торжество было бы неблагородно. Враг тогда враг, когда держит оружие в руках и у него есть по меньшей мере равный шанс убить меня, а раз он оружие положил—он уже побежденный и заслуживает если не сочувствия, то хотя бы пощады. А фон-Хольтиц к тому же никогда оружия против нас не держал, да и врагом не был.

Мы, конечно, встретились с ним у выхода. Я давно его не видел. Он был все такой же тонкий, стройный, невозмутимый, немного чопорный, с неизменным моноклом в глазу, и только каштановые волосы его, как всегда безупречно разделенные боковым пробором, слегка засеребрились, да от крыльев носа, огибая углы

¹ Какой ужас! Какой ужас! (нем.).

рта, пролегли две глубокие складки, которых я раньше не замечал.

Грета, наоборот, выглядела подавленной, веки у нее были красные, что ей очень не шло. Она была совсем нехороша в эти минуты.

Чтобы не комментировать просмотренный фильм, я заранее подготовил вопрос, который сейчас и задал:

— Каковы ваши планы, мистер фон-Хольтиц? — спросил я таким тоном, как если бы мы сейчас ничего особенного не увидели и просто случайно встретились в обществе или на улице.

Однако фраза эта, как я сам понял уже произнеся ее, по существу была очень емкая и содержала в себе ряд важных вопросов относительно их будущей судьбы. Только что было объявлено, что подданные бывшего германского рейха будут депортированы в Германию. Но в особых случаях делалось исключение, и я намекнул своему собеседнику, что мог бы устроить, чтобы их не трогали. Ведь мне было что сообщить китайским властям в его пользу, и с моим свидетельством посчитались бы.

— Нет, нет, я еду, — твердо ответил фон-Хольтиц. — Я провел вне Германии почти двенадцать лет. Но это было не по моей воле. Теперь же мой долг быть вместе с моим народом и разделить с ним его судьбу.

В этот момент молчавшая до сих пор Грета произнесла по-немецки, явно просто мысля вслух:

— Mein Gott! Berlin... er ist doch ganz zerstört!¹

Я понял, вернее догадался, о чем она говорит, и стараясь, чтоб слова мои звучали искренно и участливо, сказал:

— Германский народ возродит свою столицу.

Я чувствовал, что не бог весть какое это утешение, но что я мог еще сказать?

Перед отъездом фон-Хольтиц позвонил мне. У нас в редакции было известно, когда и каким пароходом отправляют шанхайских немцев, но я как-то не соотнес это мероприятие союзных властей с моим знакомым, ведь высылали нацистов...

¹ Боже мой! Берлин... он ведь совсем разрушен... (нем.).

Каково-то будет ему больше месяца находиться среди людей, общаться с которыми он отказывался даже в дни их триумфов и которые теперь, будучи поверженными, еще более люто его ненавидят и, конечно же, считают его и там, как он, виновниками постигшей их катастрофы.

— Желаю вам счастья на родине, мистер фон-Хольтиц, — сказал я так сердечно, как только мог. Говорить избитые фразы о том, какую пользу он может принести в восстановлении своего отечества на иных основах и тому подобное, я не считал уместным. В разговоре с таким человеком это звучало бы банально и, пожалуй, даже фальшиво. И тут, вспомнив, я добавил: — Пожалуйста, передайте мои наилучшие пожелания фрау Грете.

— Моя жена не едет, — ответил он после небольшой паузы. — Она пока остается здесь. Грета присоединится ко мне позже.

«Ну что ж, — подумал я, — это разумно. Германия лежит в развалинах. Вполне уместно сперва поехать мужу, осмотреться, разыскать близких, если они уцелели, устроиться и потом уже выписывать жену».

Еще раз высказав друг другу лучшие пожелания, мы закончили свой последний разговор.

* * *

А жизнь продолжалась, и напоминала она какую-то веселую вакханалию.

Люди изголодавшиеся — в прямом и переносном смысле — вдруг получили хорошо оплачиваемую работу, возможность вернуться к прежним нормам существования: жить, не считая каждой копейки, не скрывать своих симпатий и антипатий, делать, в разумных пределах, что им хочется, свободно передвигаться по стране, не рискуя вызвать подозрение ко всему недоверчивых и ко всем недоброжелательных японцев.

На смену им появились, правда, развязные, правда, недисциплинированные и шумные, но щедрые, элегантные и жизнерадостные американцы, сорившие

денгами, и вокруг них завязалась особая жизнь / веселая и бесшабашная, с какой-то лихорадочной важ-
дой несложных, но заманчивых наслаждений, комфор-
та, роскоши и всего того, чего так недоставало в дол-
гие и мрачные годы войны.

Конечно, была и другая жизнь — главная жизнь, не поверхностного слоя непрошенных пришельцев-ино-
странцев, неизвестно по какому праву снимающих пен-
ки, а жизнь коренного населения, которое и должно бы-
ло вскоре сказать свое решающее слово, но жизнь эта
до времени шла подспудно, проявляя себя лишь отдель-
ными вспышками, то там, то здесь возникавшими гроз-
ными сполохами. Чтобы осознать их значение, нужно
было задумываться над судьбой народа — хозяина стра-
ны, надо было хотеть понять его нужды, чаяния и
надежды, а вот этого умения задуматься, желання по-
нять у подавляющего числа иноземцев в Китае не было.

Но бесспорно одно: и тем, кто вел бездумное суще-
ствование, и тем, кто хотел и умел задумываться, жить
стало легче, сытнее, свободнее, веселее, в особенности
в первые месяцы после окончания войны — в пору, ког-
да все не формально, а на деле чувствовали себя союз-
никами, друзьями, товарищами по оружию.

Эта веселая суматоха коснулась и меня. Я был мо-
лод, неопытен и наивен, и в силу вышеприведенных при-
чин мне хотелось верить и потому верилось, что насту-
пил длительный период мира, спокойствия, благополу-
чия. Оправданием такой наивности может служить
только то, что так считали тогда многие. И хотя работы
прибавилось, — стала она более динамичной, насыщен-
ной и ответственной, — находилось время и для развле-
чений. Я часто бывал в ночных ресторанах, барах, ка-
баре.

В одном из этих мест я однажды встретил Грету
фон-Хольтиц.

«Как, она еще здесь?» — удивился я. Ведь для то-
го, чтобы задержаться в Китае так долго, ей наверняка
потребовалось специальное разрешение. Но она была в
компании с американскими офицерами, и это давало
ответ на мой вопрос. Какому-нибудь американскому
полковнику, наверное, не составило большого труда ис-
хлопотать ей соответствующую бумажку.

16.03.2010
01:00:33

Мы встретились с ней глазами и я приветливо поклонился. Она ответила тоже приветливо, но может быть немного суше, чем здоровалась со мной последнее время при муже. Я не сказал бы, чтоб на ее лице выразилось смущение, но в одном был уверен: встреча со мной удовольствия ей не доставила. Более детально я обстоятельства нашей встречи не разбирал — я сам был в приятной и веселой компании и мне было не до медитаций. А потом я о ней попросту забыл за множеством более ярких впечатлений и более важных встреч, которыми изобиловал для меня тот период.

Шло время. Вакханалия первых месяцев немного унялась, начали обозначаться первые трещины в отношениях между союзниками, на севере занялось зарево гражданской войны, но в целом послевоенная жизнь города изменилась мало.

Я продолжал встречать Грету то там, то здесь, то с летчиками, то с моряками, то с сухопутными офицерами. Чаще всего это были американцы, но среди ее спутников — каждый раз новых — попадались и британцы, — других военнослужащих-иностранцев в центральном Китае не было.

Здоровалась она со мной все суше и суше. Признаться, и я, когда оказывалось возможным, старался делать вид, что не замечаю ее.

Мне все было ясно, и когда я вспоминал это словно бы изнутри исходившее свечение ее лица, эти преданные глаза, с огромной нежностью устремленные на фон-Хольтица в пору их любви, мне становилось не по себе. Я не мог понять, куда же все-таки оно делось, ее чувство, во имя которого она пожертвовала столь многим, неужели за полтора года от любви не осталось ровно ничего?

Грета постепенно становилась притчей во языцех, в чем я убедился, когда как-то раз один мой приятель, человек веселый, удачливый и самоуверенный, заметив, что мы с ней обменялись легкими поклонами, спросил, двусмысленно подмигнув:

— И ты ее знаешь?

Леван Хаиндрава. Такая любовь...

Словно предчувствуя, что сейчас произойдет катастрофа, и пытаюсь ее предотвратить, я поспешно и сухо отозвался:

— Это жена моего хорошего знакомого.

Но мой собеседник оказался толстокожим и не уловил владевшего мной настроения. Он хмыкнул и небрежно бросил:

— Она? Ее можно вызвать по телефону... Хочешь номер дам?

— Пошел к черту! — рявкнул я и, вскочив, выбежал из помещения.

Чужие раны не болят, а если и болят, то недолго и лишь когда с ними соприкоснешься непосредственно. Я старался не думать о Грете, и мне это удавалось. Мало ли брачных союзов распалось в те безумные месяцы в Шанхае, мало ли женщин не устояло перед неудержимым напором, щедростью и бесшабашным жизнелюбием молодых мужчин в военной форме, прошедших сквозь ад войны в тропических джунглях атаки «камикадзе», вынужденное аскетическое воздержание и теперь словно обезумевших от счастливого сознания, что все это кончилось, а они живы!

И вдруг я неожиданно для себя получил письмо из Западной Германии от фон-Хольтица. Он писал, что давно уже не имеет никаких вестей от жены, очень беспокоится, и спрашивал, не окажу ли я ему услугу, выяснить, где она, что с ней и собирается ли она приехать к нему. Он приносил извинения за беспокойство, но объяснил, что больше у него никого нет в Шанхае, к кому он мог бы обратиться с подобной просьбой.

Что и говорить, поручение было не из легких, не из приятных. Несколько дней я раздумывал, как подойти к этому делу, но ничего не придумав, решил просто повидать Грету лично и задать ей эти вопросы в лоб.

Выяснить ее адрес труда не составило. Она жила в «Палас Отеле» на углу Набережной и Нанкин Род в том самом, где во время войны дважды в неделю происходили японские пресс-конференции.

Чтоб наверняка застать Грету дома, я решил посетить ее в воскресенье утром. Десять часов, решил я, будет не настолько рано, чтоб застать ее в постели.

но и не настолько поздно, чтоб она успела куда-нибудь уйти.

Было холодное утро поздней осени. С Вампу дул неприятный, резкий ветер, все вокруг было серо, как те военные корабли, вид на которые открылся в про свете между зданиями, когда я подъезжал к своей цели.

Я поднялся на лифте на пятый этаж и с нервно бьющимся сердцем постучал в дверь с цифрой 512. Я волновался: как меня встретят, что я буду говорить? Все дипломатично-нейтральные фразы, которые я исподволь готовил, пока велорикша вез меня через полгорода, выскочили из головы или казались нестерпимо нелепыми, неуместными, неумными наконец.

Я подождал минуту — отклика не было. Я постучал сильнее. Женский голос, приглушенный запертой дверью, произнес что-то односложное, очевидно предлагающая подождать. Я ждал, волнуясь еще больше: она дома, сейчас я встречаюсь с нею лицом к лицу.

Послышалось легкое движение, как бы шелест, и дверь распахнулась. Передо мной стояла Грета, видимо только что вставшая с постели и не успевшая наложить на лицо привычный грим. Она лишь чуть-чуть подкрасила губы и пригладила волосы. На ней был бледно-розовый, полупрозрачный пеньюар, сквозь который явственно просвечивало ее ослепительное тело и остро торчали, словно хотели проткнуть ткань, темные и твердые кончики ее тяжелых грудей.

— НеПо! — произнесла она слишком уж приветливо и, чуть отступив в сторону, добавила по-английски: — Заходите!

Грета явно не узнала меня. Она была настроена на другую волну, а я появился из той ее жизни, которую она или уже забыла, или хотела забыть.

Через ее плечо я видел стандартную обстановку довольно большого гостиничного номера средней руки, в котором царил изрядный беспорядок. Я успел разглядеть интимные принадлежности женского туалета, небрежно валявшиеся на темно-красном бархатном диване. Она перехватила мой взгляд и слегка улыбнулась. Я страшно смутился, будто был в чем-то

виноват, и обратил свой взгляд на нее, но на свою беду попал снова на эти острые, явственно темневшие бугорки под ее пеньюаром. Не поручусь, что это произошло совершенно произвольно. Как ни готов я был к чему-то подобному, должен признаться, Грета взволновала меня, и в эти мгновения я в какой-то мере утратил контроль над собой. Но все же я заставил себя поднять глаза и посмотреть ей в лицо. В этот момент, мне кажется, она узнала меня, и тем не менее, хотя что-то в ее улыбке изменилось, она все так же приветливо (увы, слишком приветливо!) повторила:

— Заходите же! Что вы стоите?

Да, теперь она узнала меня, но для нее это уже не имело значения. Я не был больше приятелем ее мужа, я был потенциальным клиентом...

Вот это и помогло мне.

Я полностью овладел собой и сказал учтиво, но холодно:

— Вы помните меня? Я — друг Клауса. Я получил от него письмо...

Я не мог в эти мгновения назвать фон-Хольтица ее мужем, как и не мог сказать о нем меньше чем «друг», хотя это и было явным преувеличением.

Выражение ее лица резко изменилось. Оно выглядело теперь бесстрастным, холодным и очень чужим — таким, вспомнилось мне, оно бывало, когда она еще работала в посольстве, и, однако, насколько приятнее мне сейчас показалось именно такое выражение ее лица.

А Грета, сохраняя полное самообладание, все же в третий раз, правда уже совсем другим тоном, повторила свое приглашение войти, а сама, пройдя вглубь комнаты, убрала с дивана те предметы своего туалета, вид которых смутил меня поначалу и которые теперь были неуместны. Сделала она это не смущенно, не кокетливо, а просто и деловито: следовало привести комнату в относительный порядок, и она приводила.

— Я подожду вас внизу, — сказал я по возможности непринужденным тоном. — Вы не откажетесь позавтракать со мной?

— Спасибо! — ответила она, попадая мне в тон. — Я спущусь через четверть часа.

Она действительно появилась в малом зале кафе «Палас Отеля» с традиционной немецкой пунктуальностью — ровно через пятнадцать минут. Я встал, придвинул ей кресло и вновь уселся на свое место.

— Я по утрам пью только чашку кофе! — ответила она на мое предложение позавтракать. — Ну и, пожалуйста, рюмку коньяку!

Я вспомнил, что фон-Хольтиц когда-то предложил мне выпить с ними по рюмке коньяку. Это было именно в тот вечер, когда он представил мне Грету как свою жену. Как давно это было!..

Я приглядывался к ней, стараясь, чтобы она этого не заметила.

Да, конечно, она не помолодела, не похорошела, но сейчас, приведя себя полностью в порядок, все-таки выглядела очень эффектной.

Я попытался было для начала затеять легкую беседу, чтоб потом уже перейти к главному, но разговор не клеился. У меня как-то не находились эти шаблонные, пустяковые, но такие спасительные в иные моменты темы. Она же не пыталась облегчить мне задачу, и в глазах ее — может быть, я впал в излишнюю мнительность в те минуты, но мне действительно так казалось — я читал вопрос: «Что, собственно, тебе от меня надо?».

И я, оборвав на полуслове какую-то фразу, полную ненужности которой чувствовали, видимо, мы оба, заговорил прямо:

— Я получил на днях письмо от Клауса. Он просил меня встретиться с вами и выяснить... — я запнулся, не зная как продолжать. — Он очень беспокоится. Давно не имеет от вас вестей.

Она слушала молча, с непроницаемым лицом, но внимательно. Потом спросила:

— У вас при себе это письмо?

— Да.

— Вы можете дать мне его прочитать?

— Да, конечно.

Я полез в карман и передал ей конверт. Она с

тем же непроницаемым лицом быстро пробежала на-
писанное.

— Что мне ему ответить? — спросил я.

Она подняла на меня свои молочно-серые глаза, в которых, как когда-то прежде, ничего нельзя было разглядеть.

-- Я сама напишу ему.

Я наклонил голову в знак того, что принимаю ее слова к сведению. Вскоре она поблагодарила меня за угощение и встала. Поднялся и я. Коротким кивком головы она простилась со мной и, повернувшись, быстро пошла к выходу, легко, но крупно ступая своими красивыми, длинными ногами.

Я смотрел ей вслед, пока она не вышла из зала.

Она сама ему напишет. Но напишет ли? Я в этом не был уверен, но твердо знал одно: сам-то я ему не напишу ничего.

ХРОНИКА

КНИГА СБЛИЖАЕТ НАРОДЫ

В Республиканском Доме политического просвещения ЦК КП Грузии прошла выставка книг издательств РСФСР.

Выставка, посвященная 200-летию Георгиевского трактата, была призвана показать современную экономическую и культурную жизнь республики, отраженную в книге, успехи, достигнутые трудящимися России.

К юбилейной дате специально выпущен целый ряд изда-

ний, который был представлен на выставке. Среди них — альбом факсимильных иллюстраций Серго Кобуладзе к поэме Шота Руставели «Витязь в барсовой шкуре». Большой интерес вызвали последние издания бессмертной поэмы на якутском, балкарском и кабардинском языках, а также антология поэзии «Дерево дружбы», в которую включены стихи русских поэтов о Грузии и грузинских поэтов о России, а также другие издания братской республики.

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

●

Небосвод бесконечно прозрачен,
как еще никогда до сих пор.
Этой ночи, глядящей в упор,
мой душевный настрой равнозначен.

Напряженная тянется нить
меж звенящей вселенной и мною.
С безотчетной ее глубиною
мне сегодня дано говорить.

Я бы мог промолчать, как тогда,
притворившись травой или тенью.
Но горячая строго звезда
призывает меня к откровенью.

●

Начало дня. Петух кричит в столице.
Листвы и ветра поднялась возня.
Я выхожу...
Но замкнутые лица
встречают потрясенного меня.

●

Тяжелее минувших утрат
ожиданье грядущей утраты.
Цвет вечерних небес красноват
там, где вписаны судьбы и даты.
Пусть свершится сегодня! Теперь!
Я готов к этой боли заранее.
...Ночь душна, точно зал ожидания.
И неведомы сроки потерь.

●

Деревья потеряли веру
в возможность добрых перемен.
Листва приподнялась с колен
и мечется теперь по скверу.
Похолодало. Воробьи
повадились летать к оконцу.
В пространство быта и семьи
с опаской заглянуло солнце.
А мы заключены в тиски
домов, похожих на темницы.
Мы, как поверженные птицы,
сдаемся натиску тоски...
Опять слетелись воробьи.
Кружится маленькая стая,
с небес на землю возвращая
раздумья грустные мои
о том, что, попадая в плен
листвы, мятущейся по скверу,
деревья потеряли веру
в возможность добрых перемен.

●

Обрушился на сад, как снегопад,
последний свет последних чисел лета.
Опять душа болезненно задета
неотвратимой близостью утрат.

Опять октябрь тепло берет взаимы.
И мокрых листьев все слышнее всплески.
Но свежее дыхание зимы
по вечерам колышет занавески.

И выпал снег. И все перемешал,
лишив предметы видимой опоры.
Земля летела, как воздушный шар.
И я поверил, что конец — не скоро.

Перевод Наталии СОКОЛОВСКОЙ

◆

Чтобы запела твоя свирель...

Этой черной ночью Мцхета,
древней Картли стольный град,
вся в огромных пятнах света,
как и много лет назад...

Словно не было разлуки,
словно не прошли века...

Снова жадно ищут руки
ту, что вечно далека.

То, что было, не зови ты:
наступила тишина.

Снова яркий, звездный свиток
развернула нам луна.

А над нами, в звездной пене,
проплывают облака...

У причала Зедазени
в ярком свете маяка
разгрузят свои товары
и опять уйдут, пусты...

Но маяк — великий Джвари:
он не терпит пустоты...

Из камней, плющом увитых,
из начала всех начал

— Серафита! Серафита! —
чей-то голос прокричал.

Мне снился сон.

Во сне моем
плескался синий водоем,
и в этой странной синеве
скользили рыбы по траве...

А в глубине,
на самом дне
(так мне привиделось во сне)

мелькнуло бледное лицо...

Рука...

И палец...

И кольцо.

Чтобы запела твоя свирель,
чтобы умолкли медные трубы,
должен вернуться тот самый апрель,
должны улыбнуться те самые губы...
Свершится: больше не станет лжи,
и зазвучат нежножданные речи,
и дом, в котором ты будешь жить,
раскроет двери тебе навстречу...

Как потемнели глаза воды...
Ш-ш-ш... тишина зашумела в ушах...
Звезды, дрожащие в заводи,
неслышно шуршат листвой камыша.
Я тишины не нарушу...
Разве
может быть лучшая музыка в праздник,
которому рада моя душа?

Ты —
маленькая,
крошка-повитель...
Стремишься кверху —
к небу,
к солнцу, к свету...
Есть у тебя своя мечта и цель:
вскарabкаться до самых верхних веток.
Ведь солнце
в недоступной высоте
тебе тепло приберегает где-то...

Мы долго сидели рядом,
о чем-то болтая без толку...

— Скажи, а ты можешь взглядом
поднять хотя бы иголку?

— Иголку? — спросила лукаво,
и я взлетел к потолку...

— Ну, что мне здесь делать, право?

Я — твой, что ты там ни толкуй!

Чтоб мне по стене не ползать,
цепляясь за книжные полки,
навстречу своей судьбе —
спусти меня взглядом к себе!

Галактика висела паутиной,
растянутой на выступах пространства,
но надо было
сквозь нее пройти нам,
чтоб долететь до цели наших странствий...

Летели мы,
как две ночные птицы,
к мечте крылатой,
ныне позабытой...

И надо же нам было зацепиться
за липкую и грязную орбиту!

Ноги изранены в кровь,
а мы с тобой
все тащимся за выдуманым счастьем,
и сами почти перестали верить —
так наша цель далека,

далека,
словно та звезда,
манящая светом ^{красным} усным,
светом,

который летел до нас века...

А может, эта звезда
давным-давно погасла,
и только мы с тобой об этом
еще не знаем пока?

Теймураз
МАГЛАПЕРИДЗЕ

МИРЗА ГЕЛОВАНИ

Р о м а н

Перевод
Киры ВОЛЬФЕНЗОН

ОКРЕСТНОСТИ ЦХИЕТСКОЙ УЛИЦЫ (ныне ул. Меликишвили) к концу тридцатых годов были густо заселены. До белого здания университета район этот, так или иначе, еще можно было назвать городом, за университетом же начинался ряд живописных домиков из красного кирпича, крытых черепицей, окруженных уютными дворами, садами, огородами. Они тянулись до Сельскохозяйственного института, прямо за институтом начиналось уже открытое поле. Особенно узкой Цхиетская улица была в том месте, где сейчас находится гостиница «Сакартвело». Аптека, магазин тканей, скобяной магазин, пошивочная мастерская, тонэ и множество всяких мелких лавок и мастерских вперемешку жались здесь друг к другу.

По улице гроыхал одновагонный трамвай, проносились фаэтоны, цокали копыта осликов, нагруженных банками с мацони, и с раннего ут-

Продолжение. Начало см. «Литературную Грузию» № 9 за 1983 г.

ра звучало на разные голоса: «Мацо-они!», «Ква-виле-бис мица!» (земля для цветов) и прочие выкрики горговцев и ремесленников.

Именно здесь, по соседству с тонэ, помещалась комната, в которой студенткой жила Русудан, а по окончании ею университета и возвращении в Тианети поселился Мирза. Вход был со двора. Пройдя темную, похожую на кладовую, прихожую, вы попадали в узкую комнатку с цементным полом и одним окном. Зимой отапливалась она маленькой электроплиткой. Кровать, стол, простой шкаф для посуды и несколько стульев — вот и вся обстановка. За окном стояла акация с подрезанными ветвями. В вечерних сумерках, когда по улице проезжал трамвай или машина, узорчатая тень дерева пробегала по стенам комнаты и исчезала.

Мирза особенно любил работать по утрам. 1936-й год был довольно плодотворным в его творчестве. Всего до нас дошло сорок стихотворений, помеченных этим годом, и в их числе несколько таких, которые способны вызвать восхищение самого взыскательного знатока поэзии. Давайте попытаемся, отталкиваясь от этих стихотворений, проникнуть в духовный мир их автора и представить себе тот душевный настрой и побудительные причины, которые приводили его к написанию того или иного из них, тем более, что большинство этих стихотворений представляются нам автобиографическими и позволяют «крупным планом» увидеть их создателя. С этой точки зрения интересно стихотворение «Моя генеалогия», где есть такие строки: «Я не знаю своей генеалогии, но знаю, что мои предки даже не слышали слова «поэт» и древесной корой подбивали самодельные лыжи. До сих пор их ремеслом была охота, теперь же их потомок взялся за писание каких-то стихов и утомил свои глаза, изголодавшийся по книгам».

...«Утомил свои глаза, изголодавшийся по книгам»... Эти слова свидетельствуют о неутомимой интеллектуальной жажде молодого поэта.

Разумеется, трудно сказать, что именно читал в тот период Мирза. Мы можем только предполагать. Однако мы знаем среду, в которой жил он в то время, и поэтому наши предположения не могут быть вовсе беспочвенными.

Предоставим слово поэту Шалве Амисулашвили. Вот что он пишет: «Мы часто встречались. То в саду Дома писателей, где с наслаждением слушали песни дроздов, то в салоне, где вместе с другими читали свои стихи — на консультативных собраниях молодых поэтов. Руководил этими интересными собраниями Паоло Иашвили. Он окрестил Мирзу «Мзечабуки¹ с берегов Иори». Для стихов, заслуживших одобрение Паоло Иашвили, не было никаких преград, и мы с Мирзой часто печатались в наших республиканских журналах и газетах, особенно на страницах журнала «Чвени таоба»... Однажды в салоне погас свет, и батони Паоло зажег свечи в медных канделябрах. Отражаемая зеркалами и стеклами шкафов, возникла такая удивительная игра света и теней, что нам, молодым, казалось, что мы во сне. Как раз в это время Мирза Геловани читал свои новые стихи. Одно из них, я это отлично помню, было «Разговор с Иори». И сейчас звучат в моих ушах строки: «Как горец горцу, здесь наедине тебе Важа читал свои стихи. И словно дети, прыгали в волне смешные корни тоненькой ольхи». Он читал, и при дрожащем свете свечей стены салона, казалось, постепенно раздвигались, таяли, и мы вместе с нашими тенями сливались со звездным простором и, как наяву, видели серебристые волны Иори и полощущиеся в этих волнах корни ольхи... Мирза и так был красив, но в ту минуту, когда поэт Валериан Гаприндашвили попросил его прочесть стихотворение «Сойка, убитая во дворе Важа», он и вправду был похож на сказочного солнцеликого юношу — Мзечабуки. Просьбу Валериана Гаприндашвили подхватил и Паоло Иашвили. «Навесьте на меня тысячу сережек из росы, украсьте мне грудь хрустальными бусинами, снимите небо и накиньте его мне на плечи, и разбейте меня о скалу, как Арагви!». Это был истинный праздник молодой поэзии»...

Вот в каком окружении жил тогда Мирза, и лучшего трудно пожелать начинающему поэту. Однако, несмотря на это, его стихи того периода овеяны какой-то грустью.

¹ Мзечабуки — буквально солнечный юноша; древнегрузинское мужское имя.

Нужно сказать, что грусть эта характерна для всего творчества Мирзы Геловани. Это — грусть человека, который видит жизнь, мир не односторонне, не однопланово.

Даже такое трагическое стихотворение, как «К сестре», не омрачено безнадежностью, отчаянием, и его трагизм прежде всего идет от избытка энергии, не находящей выхода. Мирза обращается к Русудан: «Сейчас я одинок, ты — далеко, и горе одинокому, когда перед ним путь, никем не хоженный».

Именно эти строки я счел нужным поставить перед второй частью своей книги, и, думаю, уважаемый читатель поймет меня. «...Путь, никем не хоженный» — так представлялась, очевидно, Мирзе его будущая жизнь, его доля. Он хотел идти путями, не хоженными другими, он хотел покорять вершины, на которые никто еще не поднимался, он хотел пить воду из ключей, из которых до него никто не пил. Это нелегко, это труднее всего, однако только так можно познать подлинный вкус жизни, а Мирза стремился именно к этому. «Я стою в горах, среди черных туч, подняв голову, фиалки и мох вплел я в свои растрепанные волосы», — говорит он. «Встану я утром, росой орошенный, силой крепкий, обгону орла, с криком пролечу над ущельями». Постепенно, незаметно приходило и столь желанное мастерство. «Эти горы похожи на людей, или они — люди? Там виднеются горы Пшави, тут — Накерали. У подножий гор Накерали есть родник прозрачный... Ему снится, оказывается, что придет к нему маленькая девушка. Напьется из него, освежит свою грудь, даст ему поиграть серебряными пуговками у ворота!». Я ничего не говорю об уже упомянутых «Плаче коня» и «Разговоре с Иори», а также о таких стихах, как «Минувшие годы», «Осенний вечер» и «Возвышение», которые, по моему глубокому убеждению, являются образцами поэзии самого высокого ранга. Так писал Мирза Геловани в первый год своей жизни в Тбилиси. Я преднамеренно до сих пор умалчивал о цикле, который стоит как бы особняком и является отголоском самой сокровенной и горестной стороны его

жизни того периода. Над этим циклом вновь витает уже знакомое читателю имя: Нани Ландиа! Имя той своенравной девочки в белом, которая так же данно покинула Тианети, как и появилась в нем, и оставила юному поэту печаль. Эта печаль постепенно утихла, и может быть, утихла бы навсегда, если бы не один случай. «Я брожу по городу, смотрю на улицы, здания, приглядываюсь к жизни людей. Я люблю бродить без дела», — пишет Мирза в одном из писем. И вот, во время такой прогулки по городу, на проспекте Руставели, в витрине фотографа ему на глаза попало вдруг такое знакомое, такое дорогое лицо. Девушка в белом платье, в белой широкополой шляпе. Она сидела в профиль. Ее улыбка тоже казалась странно белой. Мирзу как громом поразило — ведь это же Нани Ландиа!

Этот случай снова лишил юношу покоя, выбил его из колеи, вновь разбудил утихшую было страсть.

И опять — бессонные ночи, безразличие ко всем и ко всему, тоска, — когда, не раздевшись, лежишь на кровати и смотришь широко открытыми глазами в темноту и думаешь только об одном — до умопомрачения: «О, хоть бы она пришла! Хоть бы она пришла!». Потом где-то вдалеке прокричит протяжный гудок паровоза и заставит тебя еще острее почувствовать свое одиночество и неприютность.

Что и говорить, Мирзе не составило труда отыскать Нани в Тбилиси, однако, судя по стихам, их отношения так и не получили желанного для него направления. Воистину любовь — всегда загадка, и пути ее неисповедимы. Все современники в один голос говорили о необыкновенной внешности Мирзы, о его обаянии, о яркости его таланта. Казалось бы, такой человек не мог не нравиться, однако сердце Нани Ландиа осталось глухим к стихам, посвященным ей, пронизанным сильным и высоким чувством. Вот строки одного из них: «Пусть не удивит тебя неба красный цвет. Поверь мне — это вино разлилось, я хотел сказать тебе всё, но не скажу, нет, нет, нет!». Впрочем, жизнь есть жизнь, и во всех человеческих отношениях, увы, присутствует и житейский, земной момент. И если рассуждать с точки зрения обывателя — что мог дать На-

ни Мирза! Она помнила, как жила его семья в Тианети, как жил он в Тбилиси, она видела сама. У него не было ничего, кроме его дара, он ничего не умеет, только сочинять стихи...

Чувство к Нани было особым, потому что это была первая юношеская любовь, к тому же неразделенная; связанные с ней переживания надолго стали неизлечимой раной. С замужеством Нани связано создание одного из лучших творений Мирзы — «Угроза пастуха», в котором звучит сильная, глубокая страсть, безумный порыв: «Погоди, зажму я рану, кровь травой остановлю, — вновь приду на ту поляну, на глухую, на твою. Увезу, умчу, похищу! Зол под нами вороной. Пусть хоть сто друзей, хоть тыщу муж твой бросит за женой — сто ударов, а удары: сто бойцов во мху густом! — мне бы только до чинары — ветки станут мне щитом. Что нищу — сыщу во взгляде, встречу взор горящий твой — эти косы, эти пряди перепутаю с травой. Ничего потом не жалко: пусть убьют средь бела дня, пусть кривой язык кинжала колет землю сквозь меня. Нож мой вечно наготове. Черен крестик черенка. Пролита немало крови эта белая рука. Я когда и пел на людях — втайне горе горевал: горький клич мой не забудет одинокий перевал. Многим очи затворили мы на пару: смерть и я. Подняло немало пыли эхо моего ружья... Погоди, найду не глядя! Только вскрикнет дверь твоя. Черных рук твоих объятья на себе услышу я. Ничего потом не жалко: пусть убьют средь бела дня, пусть кривой язык кинжала сыщет землю сквозь меня».

Глава шестая

1.

С РАННЕГО утра он сидел в светлом, высоком зале публичной библиотеки и читал, читал. Однако уже прошло то время, когда он хватался без разбору за любую книгу. Благодаря внутренней культуре, безошибочному чутью и постоянным размышлениям его вкус постепенно усовершенствовался, и теперь он читал,

строго отбирая. Огромную радость принесло ему знакомство с древнегрузинской литературой. Он читал поразительно ритмичные строки и уже запоминал их наизусть, бормоча их потом во время одиноких скитаний по городу. Он сравнительно быстро изучил грузинскую литературу. В двадцать один год он уже с полным правом мог сказать, что постиг нравственное и эстетическое богатство родной словесности, и это были не пустые слова и не самоуверенность — маленький, но крепко сколоченный его кораблик свободно плавал в ее море. Он стоял на пороге настоящего творчества. Мачари почти перебродило и со дня на день должно было перейти в новое качество — стать терпким, ароматным вином, если судьба будет милостивой, подарит для этого время... Поэзия, вообще литература никогда не были для Мирзы просто забавой. Что поэт послан в мир не только для «звучков сладких», это Мирза знал на примере классиков, но только знать — мало. Прежде чем отправляться самому в большое плавание, нужно было найти свой собственный, выстраданный путь. В 1938 году Мирза пишет стихотворение «Пандури»¹, в котором стремится выразить свое поэтическое кредо: «Зная цену стройным звукам, предок мой пандури эти в добрый час любовно делал вечерами в Хевсурети. До сих пор в мигрельских селах нету выше наслажденья, чем внимать, как вторит песне этих струн сопровожденье. В час, когда родную землю покидал наш Руставели, пел он искреннюю песню, как ребенок в колыбели. И Тамар благословила в дальний путь его печально, все, какие есть, пандури пели в Грузии прощально... Здесь рука Гурамишвили вдоль тягучих струн скользила. Для Важа пандури резал старый мастер из кизила, и когда Важа степенно брал пандури благородный, перед ним склонял вершину и Казбек седой, холодный. ...Да, кого прославит время, а кого прогонит гневно. И, вы знаете, минуют и успех, и шум, и мода, а останется пандури — сердце нашего народа. И оно звенит и бьет-

¹ Пандури — струнный музыкальный инструмент.

ся и сегодня, и веками. И рискнешь его коснуться так уж чистыми руками, и тогда — тогда услышишь, что в душе, как бы в потоке, так и брызжут и kloкочут сочетанья, звуки, строки. Мы умрем — живи, пандури, нашей жизни продолженье. Пробуждай в потомках наших к нам, ушедшим, уваженье...» Может быть, это стихотворение и не отличается особой изысканностью, однако ему не откажешь в том, что мысль в нем сформулирована очень точно. Обратите внимание, как смело и без ложной скромности автор называет своими предшественниками в поэзии великую трицу: Руставели — Гурамишвили — Важа... Воистину нужна смелость и сознание собственной силы, чтобы громко заявить подобное. В конце стихотворения ясно чувствуется, что поэт полностью уверен в силе своего слова, верит, что последующие поколения с уважением будут взирать на его пандури. Нужно сказать, что в смелости и вере в себя у Мирзы вообще не было недостатка. Словно бы он заранее знал, что короток будет его путь, но что созданное им в поэзии станет частицей духовной жизни грузинского народа: «В высоких думах стою я, высокий, и в выси рассветет для меня», — пишет он в одном стихотворении. «Здесь я пью из горной чаши, и после смерти здесь я буду. Здесь оживут моя душа и ненапечатанные мои стихи». Это уже то особое ясновидение, которым бывают одарены лишь избранные. «Но когда я склонюсь подобно Казбеку, когда мой голос осветит мрак каменный...», «почувствуют, как умирал тот, кто потом повсюду будет жить»... «Я двадцатилетний герой, и век несу я на своих плечах», — этими строками завершается «Шавнабада» — одно из крупных произведений Мирзы. «А я, гордый, иду вдоль улицы и, как меч, несу свое тело, так как знаю я, что юношеское чувство переступлю степенно, смело, а потом мои мысли, в ветрах закаленные, времени передам я, как хурджины...» «И вновь иду я, и спокойствие — молчаливый знак того, что победа непременно в конце концов — моя. Я одержу победу, свидетель тому — земля Картли»... «Я знаю, ржавчина меня не покрое!».

Подобные строки, представляющие собой некую

самохарактеристику поэта, довольно часты в его творчестве. И тем более ценны они для нас сегодня, когда само время подтвердило предвидение Мирзы Бесланова. Мы выше упомянули великую троицу: Руставели — Гурамишвили — Важа... Как мы видим, у Мирзы было вполне сознательное стремление считать себя их наследником и потомком, но картина не будет полной, если мы не вспомним тут Галактиона.

После долгих размышлений и сомнений Мирза все-таки решил отнести в редакцию «Чвени таоба» свою балладу «Аон». Ему всегда это давалось с трудом — принести свой труд в редакцию.

Тогдашний секретарь редакции равнодушно окинул взглядом залившегося краской юношу, торопливо, не вдумываясь, просмотрел рукопись и сказал: «Что это ты написал? На кой нам сейчас апология старых, замшелых законов гор? И это вместо того, чтобы отражать перемены, новую жизнь? Нет, дорогой, мы это печатать не можем!». Мирза молча повернулся, подавленный спустился по лестнице. Он всего мог ожидать, но чтобы идея его баллады оказалась непонятой опытным литератором, нет, этого он никак не мог предположить! Что может быть абсурднее? Не доказывать же этому седоволосому человеку, что он ошибается, что он ничего не понимает! Да и стоит ли? К черту! Главное, что сам Мирза верит, что «Аон» ему удался, того же мнения и друзья, то же сказал и Вахтанг Котетишвили. Ну и ладно! Придет время — напечатают! Занятый этими мыслями Мирза сам не заметил, как очутился в саду Дома писателей. Была ранняя холодная весна. На высоких голых платанах сидели вороны и надрывно каркали. И вдруг он увидел Галактиона. Тот сидел с расстегнутым воротом, раскинув руки на спинку скамейки, и, что-то про себя бормоча, пристально наблюдал за воронами. Растерявшийся Мирза хотел было повернуть назад, но Галактион заметил его и с детской, немного беспомощной улыбкой пригласил — пожалуйста, присядьте со мной, дзамико¹. Чувствовалось, что ему очень хочется поговорить, пусть даже с

¹ Дзамико — братик, братец, излюбленное обращение Галактиона Табидзе к собеседнику.

0000000000
0000000000
0000000000

чужим, незнакомым человеком. Мирза робко присел рядом и первое, что он заметил, придя в себя, были руки Галактиона — такие прекрасные, что он с трудом подавил в себе желание склониться и поцеловать их. Сквозь облака проглядывало кроваво-красное солнце. Резко каркали вороны. Молодой человек сидел, не смея заговорить. Разумеется, ему и в голову не пришло сказать — я, мол, тоже пишу стихи. Впрочем, Галактиона, глубоко погруженного в себя, это и не интересовало. Он только спросил Мирзу, как его звать, и этим удовлетворился. А потом без предупреждения, без всякого вступления начал читать тихим, дрожащим, прерывающимся голосом:

Ты носишь имя человека,
Зачем? — постигнуть не могу.
Ты замолчал в преддверье века.
Остался у него в долгу.
Когда б ты каялся, в подмоге
Не отказал бы мир опять,
Но ты уже свернул с дороги,
Тебе уж нечего желать.
О жизнь, нам этой жизни мало,
Мы жаждем тысяч в смене дней,
Чтоб сердце ярче Альп сверкало,
А солнце стало горячеей.

Мирза сидел потрясенный. Неожиданно для самого себя он причастился к чуду — он въявь увидел обнаженную, трепещущую душу поэта... Вот он какой, Галактион, — ребячливый, беспомощный, неприютный, страдающий... Как быть Мирзе, сказать, что понравились стихи? Но ведь стихи эти — крик души, а разве можно говорить о крике души, что он понравился? Галактион снова смотрел вверх, на каркающих ворон. Потом закрыл глаза и долго сидел так — с закрытыми глазами. Может, задремал, или даже уснул? Во всяком случае о Мирзе он уже не помнил. Тот немного еще посидел рядом, с молчаливым восторгом и преклонением глядя на поэта, а потом тихо встал и на цыпочках

ушел, унося с собою боль и смутное предчувствие надвигающейся катастрофы, которые позже так поэтизировал в стихах, посвященных Галактиону: «В детстве далеко, вечером тихим, выбрав обложку синюю эту, я унесен был сказочным вихрем в небо Мтацминды, к лунному следу. И к триумфальным брошен воротам стон в колокольном слыша надрыве, видел, как встало перед восходом первое знамя в первом порыве. Вороном черным утро хрипело. И пробегала дрожь по суставам — даром что солнце молча висело лезвием острым в небе кровавом. Дрожь пробегала... хищно и дико легкие стрелы утро пронзали. Все узнавалось: ну посмотри-ка хоть на Мтацминду, хоть на Исани... Помнишь, как слезы горным потоком переполняли чашу залива? Черною лодкой в русле высоком гроб с нашей славой плыл горделиво. Гроб этот страшен. Крепа чернее, пояс железный доски сжимает... Что нам, когда нам в жизни страшнее: стужа ли в сердце, лед ли в нем тает?.. Как подошла ты тихо и немо! Видишь, как солнце светит светло? Имя поэта! Лавр вместо шлема пусть увенчает это чело. Ныне и вечно славному слава! Бившийся с мраком стоит венца. Стойкая в битве пусть же дубрава дышит и ныне, и до конца. Пусть эти строки книги раскрытой гонят, как звезды, мглу облаков. Пусть, обращаясь к нам за защитой, нас обнимают руки стихов».

Что же касается второго стихотворения Мирзы, посвященного Галактиону и присланного им с фронта в 1943 году, у Шалвы Радиани¹ есть в книге воспоминаний следующие строки: «Галактиону нравились многие молодые поэты, в частности Мирза Геловани. «Мирза Геловани — способный юноша, — говорил он часто, — из него получится настоящий поэт». Эта характеристика особенно ценна для нас. Ведь все мы знаем, как сдержан и скуп был Галактион на похвалу, как редко признавал чью-либо поэзию. И вдруг — «из него получится настоящий поэт...» Эта фраза в устах Галактиона стоит самой высокой похвалы и признания.

Присланное с фронта стихотворение, действительно, одно из лучших в творчестве Мирзы Геловани. В нем

¹ Известный критик, литературовед.

одновременно выражены и восторг поэзией Галактиона, и сознание недостижимости его высоты, и предчувствие, и в то же самое время вера в свои собственные силы. И наконец — предчувствие своей скорой неотвратимой гибели!.. Нужно было быть истинным поэтом, чтобы «под кровавым ливнем» думать о Галактионе, хранить любовь к поэзии. Вот что пишет в этот период Мирза сестре Русудан: «Получил твое письмо — с портретом Галактиона. Очень обрадовался. Ты знаешь, как я люблю Галактиона, и тут, на фронте, для меня это такая поддержка. В 1939 году у меня были такие открытки. Я повесил портрет в моей землянке. Недавно я послал тебе стихотворение, посвященное Галактиону. У меня все как обычно. Грусть, желание видеть всех вас, сознание того, что не скоро вернусь к вам, и надежда на возвращение сменяют друг друга. Тут зима, у вас тоже зима, наверное. Я представляю горы в снегу, и мне грустно. Я представляю зимний Тбилиси: зеленые деревья в снегу, и мне грустно...» Разумеется, само по себе не столь важно, сколько стихотворений посвятил Мирза Галактиону или что пишет он о нем в письмах с фронта. Важна его принципиальная позиция в отношении к творчеству поэта. Галактион был ярчайшим выразителем духовных устремлений грузинской интеллигенции первой половины XX века, и поэтому Мирза боготворил его. В его стихах часто звучат галактионовские интонации, но нужно думать, что это ушло бы со временем и Мирза, несомненно, совершенно по-своему сумел бы заглянуть в душу своих современников.

После неприятного происшествия с балладой «Аон» Мирза больше и не заходил в редакцию «Чвени таоба», однако по-прежнему внимательно прочитывал каждый новый номер этого журнала. Нужно отметить, что «Чвени таоба» того периода не стоит на должной высоте, номера один другого слабее и безрадостнее. Счастливые исключения составляют отмеченные подлинным профессионализмом статьи Акакия Гачерелиа и перевод Константи́не Гамсахурдиа «Божественной комедии» Данте, который печатался в отрыв-

ках. В конце концов назрела необходимость сменить руководство журнала. Новым редактором стал И. Абашидзе, ответственным секретарем — Н. Агиашвили, который проработает в этом журнале долгие годы. Он многое сделает для того, чтобы журнал стал разнообразнее, чтобы создать вокруг него молодой творческий актив, а позже, десятилетия спустя, издаст мемуарную книгу «Юношами остались навеки», где будут удивительно живые портреты Ладо Асатиани и других и в которой воссоздана атмосфера литературной жизни Тбилиси того времени.. Мирза вскоре почувствовал, что в журнале «Чвени таоба» наступила «его пора», и он решил зайти туда — найти брошенную там на произвол судьбы балладу «Аон».

Вот как описывает в своей книге этот эпизод Н. Агиашвили:

«..Осторожно открыл дверь Мирза. Он был без шапки. На нем было что-то вроде куртки или пальтишка ржавого цвета, похожее на панцирь воина. Он вежливо поздоровался со всеми и прислонился спиной к раме высокого окна. Он попросил меня найти рукопись его поэмы «Аон», которую прежний секретарь отказался печатать, сказав, что она — апология старых законов и обычаев гор и нисколько не отражает новую жизнь. По всему было видно, что Мирза обижен, что он сердит и нервничает, но старается не показать этого. Однако в глазах его время от времени вспыхивал какой-то зеленый блеск, и это выдавало его истинное настроение. Когда же я наконец извлек поэму из какого-то ящика и молча принялся читать, он несколько раз попросил: «Лучше верни мне ее. Если она не годится, пусть будет у меня. Я очень люблю эту вещь и пока ничего лучше не написал.. Если вам она не нравится — что поделаешь. Я не обижаюсь..»

«Аон» оказался отличной балладой. Редактор — Ираклий Абашидзе поставил на рукописи визу: «В шестой номер». Мирза был счастлив. В те дни на его лице, покрытом молодым пушком, все время играла теплая улыбка. Он только-только вступил в пору юности. Казалось, его густая золотая шевелюра постоянно залита солнцем. Зеленовато-голубые глаза всегда были внимательны и широко открыты — казалось, во время

разговора он чутко прислушивается к самому себе, одновременно напряженно следит за тем, какое впечатление производит сказанное им на собеседника. Когда он улыбался, лицо его делалось грустным, брови хмурились. При всем этом он бывал искренне весел, однако его веселость, если можно так выразиться, была какой-то хмурой, даже суровой».

«Аон» был напечатан в шестом номере журнала в 1938 году, затем последовали написанные еще в 1936 году «Разговор с Иори» и триптих «Чаргали» («Сойка, убитая во дворе Важа», «Улыбка» и «Угроза пастуха»). Это позволило Мирзе занять должное место среди молодых литераторов, группировавшихся вокруг «Чвени таоба». Н. Агиашвили в своей книге называет их имена: это Реваз Маргиани, Алеко Шенгелия, Андро Тевзадзе, Георгий Каландадзе, братья Убилава — Ладо и Элибар, Иосиф Нонешвили, Габриэл Джабушанури, Шалва Амисулашвили, Васо Ломидзе, Мирза Геловани — «в лице этой молодежи в большой и славной семье грузинских писателей той поры росла воистину достойная смена», — отмечает Вахтанг Челидзе. Действительно, почти все упомянутые выше имена сегодня хорошо известны в Грузии и в дополнительной рекомендации не нуждаются. Однако внимательный читатель, конечно, заметил, что среди этих имен нет одного дорогого всем имени — Ладо Асатиани. Дело в том, что в то время Ладо еще жил в своем родном Кутаиси. Именно тогда он писал в письме своему старшему другу — тому же Нике Агиашвили: «С тех пор как ты уехал, я совсем одинюк. В город выходил лишь однажды. В сторону «Гранд Отеля» и не взглянул—меня душат видения. Сегодня я достал три рубля и хочу посидеть в нашем любимом кафе, за нашим столиком. Хочу подумать о тебе, о других, обо всех, обо всем мире, немного о себе... Мне не с кем перекинуться словом, чтобы меня поняли, чтобы мне стало легче». Из этих нескольких строк явствует, что Ладо, как в свое время и Мирза в Тианети, задыхался в Кутаиси от духовного одиночества. К тому времени ему всего 22 года, но он уже автор нескольких прекрасных стихотворений. Несмотря на мо-

лодость, он много пережил и — увы! — неизлечимо болен чахоткой. Летом 38-го года он покидает и переезжает на постоянное жительство в Тбилиси.

2.

ОНИ не помнили, у кого из них зародилась эта идея — поехать в Тианети. Ладо никогда не бывал в Восточной Грузии. Когда они на Глданском повороте остановили старенький грузовик и забрались в кузов, Ладо раскинул свои длинные руки и радостно заплясал. Он увидит Эрцо, Тианети, настоящих хевсуров и пшавов, причастится к миру Важа и, как знать, может попадет и в Чаргали!.. А ну, пусть теперь шутит Алеша Саджая — разве, мол, под силу «старому коню» гулять по горам, — вот теперь и проверим, под силу или не под силу!... Их было трое в кузове — Мирза, Ладо и мальчишка — «помощник» шофера. В обязанности «помощника» входило вставлять «ручку» в мотор, который то и дело норовил заглохнуть, и крутить ее, покуда мотор не начнет снова тарахтеть. С остановками, со скрежетом и натужным ревом взбирался их грузовик по крутым подъемам Мамкода и Цхваричамиа, трясясь и подпрыгивая так, что его пассажирам порой казалось — их души вот-вот выскочат из бранных тел. Наконец, уже за полдень, они добрались до лесов Сабадур, и Ладо пришел в восторг при виде гигантских вязов. Ветви деревьев вверху тесно переплелись между собой, летний зной не проникал сквозь их зеленую сень, и под нею стояла влажная, живительная прохлада. Тут действительно мог отдохнуть измученный городской жарой человек. Захваченные движением и тряской грузовика, окутанные поднимаемой им пылью юноши, облокотившись на крышу кабины, блаженно пели — каждый что-то свое.

Мирза не помнил, когда еще он чувствовал себя таким счастливым. Каждое дерево, каждая тропинка между скал, каждый склон, весь этот простор, горячее прикосновение солнца — все было до боли родным.

¹ Старый конь — так А. Саджая шутливо называл Л. Асатиани.

близким. А этот высокий парень с обритой головой, высоким лбом, с блестящими, черными, умными и немного грустными глазами, с широкими крестьянскими запястьями незаметно стал таким дорогим Мирзе, что сердце его сжималось от любви, которую он, конечно, никак внешне не выказывал. Ведь в остроумии Ладо, в его повадке, во всем его облике ощущался такой яркий, такой безудержный талант! Однако еще не наступил его звездный час, когда он напишет «Салагобо»¹, «Кладбище», «Маки Крцаниси» и другие свои шедевры и навсегда войдет в грузинскую поэзию. Сейчас он — только начинающий поэт, он широко открытыми глазами смотрит вокруг и жадно, всей своей большой грудью вдыхает живительный воздух Сабадури. Временами он молча, благодарно смотрит на Мирзу. А вот и Эрцо с его широко раскинувшимися полями, с домами, крытыми красной черепицей, с вершинами тополей. В деревне Гулелеби на дороге возникли двое крестьян с перекинутыми через плечо хурджинами. Они остановили машину, забросили в кузов хурджины, потом забрались сами и примостились у борта. Это были пожилые, седоголовые мужчины в тушинских шапках, в пестрых шерстяных носках и каламани. У одного из них на ремне висел кинжал в ножнах из толстой кожи. Они явно были под хмельком, их маленькие, затерявшиеся в глубоких морщинах глазки блестели. Оказалось, что они братья — Геджура и Бибо Заридзе. Разговорчивые старики тут же завели беседу с Мирзой и Ладо, поинтересовались, куда они едут, рассказали и о себе. Один из них направлялся в Схловани, другой — в Артаани к замужним дочерям. «Схловани — на одном берегу Иори, Артаани — прямо напротив, на другом ее берегу», — степенно объяснял дедушка Бибо, а Геджура чрезвычайно удивился, узнав, что Ладо никогда не бывал в Тианети: «Значит, ты не видел Тианети? Тианети — немного город, и народ в нем хороший. Ярмарки в нем богатые бывают —

¹ В переводе Д. Самойлова это стихотворение называется «Раздольное».

из города приезжают люди. Тианети примерно в одной версте от Артаани». Ладо виновато посмотрел на Мирзу. Тот, улыбаясь, подмигнул — поговори, мои приятели, не стесняйся. Откуда Ладо? Из Лечхуми? Где это, интересно? О Лечхуми братья Заридзе не слышали — наверное, где-то в Имерети? Что? Имерети — это Имерети, а Лечхуми — это совсем иное? Ты смотри! Впрочем, какая разница? Разве в Лечхуми не по-грузински говорят? Ясно, и Имерети, и Лечхуми — все одно, наша Грузия. Ладо смеется. Смеются и старики. Потом они интересуются Мирзой. Узнав, что он сын Гедеона Геловани и племянник Шакро Геловани, искренне радуются. Спрашиваешь, знаем ли их? Дедушка Геджура недоуменно поднимает брови: «Что ты говоришь, племянник, кто их не знает в Эрцо-Тианети?» Мирзасияет от удовольствия, а дедушка Геджура не может успокоиться. С трудом преодолевая бесконечную тряску, он развязывает свой хурджин, извлекает из него бурдючок из шкуры козленка и ляжку жареного барашка, вынимает из ножен кинжал, отрезает всем по увесистому куску мяса и произносит тост: «Пока на небе звезды, а на земле — трава, да будут человек и любовь человеческая». Сказав, старик начинает пить прямо из бурдючка. Выпив, он утирает тыльной стороной руки пожелтевшие усы и бороду и передает бурдюк младшему брату, Бибо. И начался пир. Подпрыгивая на каждом ухабе и рытвине, они налетали друг на друга, хохотали и по очереди пили «жипитаури», который быстро разгорячил кровь. Изумлению стариков не было границ, когда они узнали, что оба их юных попутчика «не делают настоящего дела», а только пишут стихи. Да, но чем они кормятся? Как будут содержать семьи, когда они у них появятся? Этот лечхумец — бог с ним, но почему сын Гедеона не займется делом, достойным его отца и дяди? Мирза и Ладо хохотали до слез. Затем дедушка Геджура рассказал, как в детстве двоюродный брат Матиа учил его читать и писать. «Я и Матиа были пастухами. Мы то боролись в траве, то играли на саламури и ствири, то просто дурачились, то он меня учил писать. Сперва он писал для меня прутиком на древесном грибе, потом на камне, потом на дереве и обучил меня тридцати

302.22.0110333

трем нашим буквам. Этот гриб всегда хранился у меня в сумке, я доставал его — то почитаю, то попишу. Когда мы гнали стадо на ночлег, Матиа писал на камнях слова, а поутру, когда мы гнали стадо опять на пастбище, говорил мне: «Ну-ка, глянь, что написано на этом камне?». Я читал: «Отче наш». Таким манером я выучил некоторые буквы». А стихи, стихи он когда-нибудь писал? «Как не писать? Однажды, когда я еще молодой был, недавно только женился, случилась большая засуха, все поле повысохло. Тогда колхозов не было, не то правительство как-нибудь помогло бы голодному народу. Пошел я в поле поглядеть, что там у меня. Прихожу, и что вижу? Посев мой в солому превратился. Я сперва поплакал, потом нашел один гладкий, плоский камень и написал такое стихотворение: «В обиде я на тебя, поле Эрцо, окрестность Таледжи, место ты ровное, сверху смотрит на тебя жгучее солнце. Всю землю, что я имел, я вспахал, когда же пришел жать, горькие слезы пролил. Увы тебе, плод моего труда, не к радости я растил тебя. Много дорог прошел я в поисках хлеба, но все же вернулся к тебе, родная земля, и не таю на тебя зла в сердце».

Мирза и Ладо в восторге переглядываются — вот и не верь после этого Леонидзе, который говорит: «Я знаю, каждый хевсур — Данте». Вымазанный, как трубочист, встрепанный маленький «помощник» шофера, который до сих пор с аппетитом уписывал хлеб с мясом, видя, что поэзия в этой компании в почете, не спрашивая ни у кого разрешения, тоже начал читать мальчишеским звонким голосом: «Оставь горы, ночная тьма, ветерок, всколыхни зеленые травы гор; Глухарь, ударь в колокол радости природы. Солнце, расшей золотом высокие вершины. Ветер, унеси туманы, стоящие у Абано (гора), покажитесь же, прекрасные черные скалистые горы. Утро раннее, солнечное, омой свой лик. Прихорошись и ты, Кавкасиони, вольный и гордый!»¹. Тут Ладо не выдержал, подхватил маль-

¹ Народный стих.

чишку, прижал к груди и расцеловал. И вдруг рассеялась желтая пыль, поднятая грузовиком, и далеко на горизонте, сверкая в солнечном свете, открылись величественные снежные вершины Кавкасиони. Настал черед Мирзы и Ладо читать стихи, но они, потрясенные, не осмеливались произнести и слова. «Нет, брат, — наконец сказал Ладо, — нужно быть Важа, чтобы решиться читать тут, при них».

На закате они добрались до Тианети. Мирза радовался как ребенок — ведь вот Иори, его Иори, колыбель его детства, вот тянутся по ее берегам растрепанные ивы; вон кладбище, а над ним, на склоне — развалины крепости Цхракара... «О, дни детства, никогда вы не вернетесь ко мне, незаметно покинули вы меня, пронеслись, как стая голубей по небу, оставили мне печаль... Где мои сверстники? Где моя Иори?!» — напишет Мирза позднее, незадолго до своей гибели. «Дни детства, о, если бы возвратились вы!» — с присущей ему мужественной грустью воскликнет Ладо в своем стихотворении «Барднала»¹ чуть раньше.

...Вот и центр Тианети — маленькая площадь, окруженная раскидистыми вековыми липами. Здесь грузовик остановился. Я не стану описывать теплое прощание подвыпивших попутчиков — двух стариков и двух юношей, их обмен пожеланиями встретиться вновь, приветами близким и знакомым. Это и так нетрудно представить. Не стану описывать и ту радость, которую вызвал в доме на уютной улице Греми приезд друзей. Все члены семьи были в сборе. Волей ли случая, или влекомые недобрым предчувствием, все дети собрались в родительском гнезде. Здесь была старшая сестра Роэна с мужем, здесь была прекрасная Русудан, был и младший Геловани — Теймураз, которому вскоре предстояло разделить участь обожаемого старшего брата — скитаться по грозным дорогам войны.

О том, в каком настроении был Мирза в те дни, можно судить по короткому письму, отправленному им в первые же дни пребывания в Тианети «летописцу» «Чвени таоба» — Нике Агиашвили. Вот это письмо, бережно сохраненное:

¹ Барднала — название села.

«Брат Ника!

Мы уже в Тианети. По правде говоря, нас очень утомила поездка на машине — четыре или пять часов в кузове. Как я и обещал, первое письмо — тебе.

Да здравствует братство!

...Я как во сне. Если бы ты только знал, какой тут воздух. Едва вдохнув его, я готов был взлететь на забор и закукарекать — я, такой степенный и серьезный человек. Уверяю тебя, я так и поступил бы, не опереди меня настоящий петух... На небе—ни облачка, да и самого неба — нет, а есть лето и повисшее между ветвей солнце. Да здравствует солнце!

А ты, бедный, и сейчас сидишь с начинающими авторами и читаешь, проверяешь и правишь наши грехи. А я, что поделаешь, радуюсь этой чертовой жизни, этому солнцу, этой земле и в экстазе пою:

Да здравствует Тианети!

Прощай. Привет всем хорошим людям. Будь другом, вышли номер «Чвени таоба» по адресу: Тианети, Русудан Геловани. Я жду от тебя и письма.

С приветом, Мирза Геловани».

В столь лучезарном настроении Мирзы «повинен» был, конечно, и Ладо. Он обладал удивительным даром передавать окружающим чувства, которые сам испытывал. А в Тианети он был в полном восторге, он был счастлив! Все ему тут нравилось, все радовало его: и заглядывавшая в окно ветка сливы, усыпанная плодами, и пение птиц на заре, и плавание с Мирзой в синих струях Иори, и молчаливый отдых на траве, в тени ив, и соревнование в мастерстве забрасывать невод (хотя в этом он и не мог сравниться ни с Мирзой, ни, тем более, с дядей Шакро!). Чего только не придумывали Мирза и Шакро, чтобы еще больше порадовать дорогого гостя: они показали ему воистину поразительный архитектурный комплекс X века Кветера, водили его на охоту на гору Икинчи (не беда, что он оказался никудышным охотником!), поднялись с ним верхом к святыне Аона, показали и крепость Бочорма, хотя она и находится далеко от Тианети. Ладо по-детски выражал свой восторг и был счастлив. Он бредил прошлым Грузии, мечтал о ее завтрашнем дне, мечтал создать

Теймураз Маглаперидзе. Мирза Геловани.

такие стихи, которые стали бы национальным гимном Грузии. Пройдет несколько лет, и Ладо действительно создаст такие стихи. Настроение друга, несомненно, передавалось Мирзе, и, возможно, именно тогда родились знаменитые строки «Шавнабада»: «О, Картли, земля наисладчайшая...»

Молодые люди были очень разными: как удачно сказал один писатель, Ладо походил на зрелый, лопнувший плод граната, чье богатство видно всем, Мирза же — на целый, под твердой кожурой которого не каждый может угадать алые, сочные зерна. А иначе говоря, одному недоставало уравновешенности, другому — легкости, непосредственности в проявлении чувств, поэтому они великолепно дополняли друг друга.

Однако для приподнятого настроения у Мирзы в те тианетские дни была и иная причина, кроме присутствия так заразительно счастливого Ладо. Вы помните, в конце письма, которое мы привели выше, он просит Нику Агиашвили выслать ему номер «Чвени таоба». Это был тот самый номер (№ 6, 1938 г.), в котором была опубликована баллада «Аон». Журнал наконец добрался до Тианети, и Мирза со сдерживаемым волнением выслушивал мнение окружающих о своем произведении. «Иссохло ты, древо жизни моей, твою зелень мороз извел, и собака, воя, зовет к небу — помоги, мол, но помощь далеко» — с присущим ему пафосом, резко взмахивая рукой, прочел Ладо и, сверкая глазами, сказал: «Это, брат, настоящая поэзия! Поздравляю!» Кроме того, для Мирзы радостно было то, что после «Аона» его родители, сестры и брат, друзья и знакомые окончательно уверовали, что он занимается серьезной литературной работой, что у него есть что сказать, а, главное, есть и сила, чтобы сказать это. Лучше всех это знал сам Мирза. Он переживал небывалый прилив энергии и, как он писал в одном раннем стихотворении, его тело почти «затопила собственная его сила»... Молодые люди просыпались поздно. Мать наливала им в миски горячего молока, они крошили в него подсыхший хлеб и с аппетитом ели изящными, выточенными отцом, деревянными ложками. К тому времени все уже расходилось по делам. Дома оставалась только мать. Она молча сидела рядом с вязанием в руках и любовно смотрела, как юноши едят. Кон-

135940
302.0010333

чив, Ладо вставал, подходил к ней, говорил «спасибо, дэди (мамочка)» и целовал ее в лоб. В семье Геловани поцелуи и объятия не были в почете, однако Мирза невольно подражал другу, и каждый раз, когда ощущал родной запах материнских волос, к глазам его подступали слезы. Он все хотел попросить Ладо рассказать о его матери и вообще о семье — ведь он так мало знал о жизни друга, однако ему никак не удавалось выбрать подходящий момент. Но однажды Ладо сам сказал, тяжело вздохнув: «Счастливый ты, брат, счастливый, что можешь поцеловать свою мать. Да, ты — счастливый, и цени это». Мирза ничего не понял. Конечно же, он счастлив, что у него есть мать, но разве у Ладо ее нет? Что тут необыкновенного? И тут пораженный Мирза увидел, как кровь прилила к лицу Ладо, как он вдруг поник, растерялся, хотел встать, но не смог... Он положил на стол свои большие руки, и они лежали, как две убитые птицы... Он с мольбой смотрел на Мирзу, и тот прочел в этом взгляде бессилие, страх, боль...

Незаметно пролетела неделя. Наступило время отъезда Ладо. Накануне они еще раз обошли окрестности Тианети, искупались в Иори, навестили развалины Цхракара, потом побывали в доме, в котором подолгу жил Важа, наезжая из Чаргали. Теперь тут жили какие-то незнакомые люди, и только белая мраморная доска напоминала об одноглазом гиганте. Мирзе с детства был знаком этот дом. Ладо же никак не мог уйти от него, долго ходил вокруг, не сводя с него глаз, и что-то шептал про себя. Дома он уединился, а вечером, когда вся семья Геловани села ужинать, тут же за столом зазвучали искрометные строки его «Пшавской баллады», посвященной Важа. Ладо читал стоя, закинув голову, высокий, чуть сутулый. Его надтреснутый голос сопровождали резкие взмахи крупных рук, а лицо, горящее чахоточным румянцем, казалось обожженным пламенем самой поэзии.

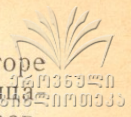
«Пшавская баллада» — воистину шедевр, шедевр, написанный 22-летним юношей на одном дыхании, и это сразу же поняла вся семья Геловани, прекрасно

Мирза: Маглаперидзе. Мирза Геловани

знакомая с поэзией. Были аплодисменты и искреннее восхищение.

Удивительно красили друг друга Розна и ее муж, Девической застенчивостью светилась Русудан. На ее прекрасном лбу и у глаз, какие можно видеть на древних грузинских фресках, еще не было и признака гorestных морщин, ей предстояло жить радостно и полно еще два-три года, прежде чем на нее обрушится несчастье. У младшего брата, Теймураза, начинали пробиваться усы. Его лучистые глаза постоянно были устремлены на Мирзу. А родители, Ева и Гедеон, с безмолвным обожанием смотрели на своих повзрослевших детей, уже покинувших родное гнездо и готовящихся его покинуть. Мирза же незаметно всматривался в родные лица. Он видел на них счастье, но странное дело — сам он не был счастлив, сердце его терзала какая-то глухая боль. У него было такое чувство, точно он знал, что счастьем этому очень скоро придет конец. Причины для этого чувства не было, но оно было острым, пугающим. «У меня, у несчастного, почему так сердце стонет?» — вспомнилась ему где-то прочитанная строка, и он стал еще мрачнее. А сидящие за столом хотят стихов — таких же страстных и пронзительных, какие прочитал Ладо, они с нетерпением ждут, что же прочтет им их Мирза? Окажутся ли его стихи под стать стихам Ладо? Но Мирзу мучает смутное предчувствие беды, и лишь об этом он хочет дать знать сейчас окружающим его дорогим ему людям... Когда все-таки вошел в его сознание трагический образ Шавлего — героя в черной чохе, в одиночестве бьющегося с врагами? Когда он уверовал, что судьба народного героя и его судьба окажутся похожими, как сестры-близнецы? Кто знает! Слова баллады медленно слетали с его губ: «Умираю — ни слезинки... Как безмолвно это место. Не устроит мать поминки. Не распустит кос невеста. Ты лишь, ветер, наготове. Полети в ночи зловещей, прилети к орлам в гнездовье с черной вестью человечьей, словом, свистом. Тайным знаком дай им знать, примчав стрелой: там Шавлего спит, оплакан только ржавою скалою». Мирза кончил читать. Тяжелое молчание нависло над столом, но только сердце матери почувствовало, что неспроста прочел сын эти стихи, что свою судьбу опла

кивает он, и с уст ее невольно сорвалось: «Вай, горе твоей матери, сынок!» Это тихое горестное восклицание еще более усилило напряжение чувств у собравшихся. Ева почувствовала это и, чтобы разрядить атмосферу, послала Роэну за гитарой. О, дни золотого детства! Как прекрасны были те минуты, когда мать брала в руки старинную, украшенную бантом гитару и ее пальцы легко касались струн. Спокойно, очень спокойно пела мама... Звонкий голос Роэны сопровождал ее пение — она всегда так смело и высоко вела партию первого голоса. Степенный, низкий отцовский бас оттенял пение жены и дочери, придавая ему особую прелесть и завершенность... Да, то были прекрасные минуты, но, слава богу, и сейчас все они вместе и так же любят друг друга. Ладо смотрит на них, какой-то невысказанной светлой и горькой грустью полнится его сердце. Он еще раз произносит тост за всю семью Геловани, вспоминает свою полуразрушенную семью, и глаза против воли наполняются слезами...

А на следующий день, не найдя попутной машины, он устраивается на «линейке», отправляющейся в Тбилиси, и долго, долго оглядывается на Мирзу, стоящего с поднятой рукой...

Тут я на два года опережу события. Мирза давно уже уехал из Тбилиси и находится в какой-то военной части в Харькове, а Ладо из-за обострившейся болезни — на лечении в Абастумани. Оттуда, из Абастумани, Ладо пишет Котэ Химшиашвили (талантливейшему беллетристу, трагически погибшему, подобно Ладо и Мирзе) письмо, из которого видно, как он любил Мирзу, как верил в его талант. Привожу отрывок: «Я люблю честных писателей, думаю, ты поймешь, о какой честности я говорю. Это та честность, которая заставила Грибоедова написать «Горе от ума», а многих других — другое. Это — светлая литературная честность. В конце концов ведь писать обо всем невозможно; хорошо, если хочешь, пиши даже обо всем, но эту честность, честность писателя, честность в передаче того, что ты видел своими глазами, — ее нельзя утрачивать. Может быть, нам всем не-

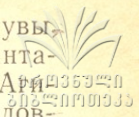

Теймураз Маглаперидзе. Мирза Геловани.

достаёт её, может у кого-то из нас она и есть, но мы не желаем, чтобы у нас «болела голова». Ты прекрасно понимаешь, о какой честности я говорю, именно в связи с этой честностью я вспоминаю сейчас нашего Мирзу Геловани, который один, в холодной России...» Этот отрывок прекрасно характеризует Ладо Асатиани, но в нём — и весь Мирза Геловани, поскольку сказанное имеет к нему непосредственное отношение. По этому отрывку можно судить и о Котэ Химшиашвили, но это уже — другая тема.

Итак, Ладо Асатиани уехал в Тбилиси, и Мирзе сразу же стало одиноко. Он точно утратил равновесие, не мог найти себе места и бесцельно слонялся по дому и по окрестностям. Вывела его из этого состояния работа — он засел за большую поэму, идея создания которой давно преследовала его. Название этой поэмы — «Шавнабада», а эпитафия к ней такова: «Посвящаю эту поэму грозовой поре Бориса Дзnelадзе». Похоже, что молодой поэт от всей души хотел, так сказать, «выполнить социальный заказ» и создать обширное полотно, в котором ожила бы деятельность грузинских комсомольцев двадцатых годов и их вожака — легендарного Бориса Дзnelадзе. Замысел был актуальным и полностью отвечал требованиям времени: назрела настоятельная потребность в создании художественных образов героической молодежи революционной поры, которые могли бы служить этическим примером для подрастающего поколения. Грузинская литература была в долгу перед грузинскими комсомольцами, что прекрасно сознавал и Мирза. Потому-то он и взялся за упомянутую тему. Сюжет поэмы чрезвычайно прост: девушка, пришедшая на свидание с любимым к развалинам крепости Шавнабада, случайно становится свидетелем нелегального комсомольского собрания, хотя многое из услышанного и увиденного она и не поняла, пламенное выступление одного молодого человека затронуло её душу. Позже выяснилось, что это был Борис Дзnelадзе... Вернувшись домой девушку арестовали и сказали ей: «Если хочешь жить, расскажи о собрании». Но девушка упрямо молчала. Потом её, очевидно, отпустили, потому что много лет спустя она, будучи уже пожилой женщиной, в тбилисском саду Коммунаров видит бронзовый памятник, в котором

узнает Бориса Дзnelадзе. Такой сюжет поэмы, увы, отнюдь не поражающий авторской выдумкой и фантазией. Сохранилось письмо Мирзы к тому же Нике Аршавили, из которого видно, что сам поэт не был удовлетворен своей работой.

«Брат Ника,

давно собираюсь написать тебе, но была грусть, и была лень. Я так опоздал со своим письмом, что и не знаю, где ты сейчас, но все же пишу его и надеюсь, что ты его получишь.

Как ты отдыхаешь?

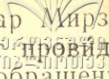
Мне уже тоскливо в Тианети. Если бы не страх обидеть наших и не безденежье, я уже был бы в Тбилиси. Я царапаю какую-то «Шавнабаду», собираюсь представить ее в «Чвени таоба», рассчитываю на ваше милосердие. Мне наскучило такое деятельное безделье, если, приехав, не найду себе работу, будет плохо. До свидания, дай бог тебе всего самого хорошего, С приветом — Мирза Геловани.

12.VII-38. Тианети».

Одним словом, ясно, что Мирзу в связи с поэмой мучило чувство неудовлетворенности, иначе разве написал бы он о ней «царапаю какую-то «Шавнабаду», но бесспорно и то, что многие фрагменты поэмы являются украшением не только творчества Мирзы, но и всей грузинской советской поэзии. Вспомним хотя бы отрывок, широко известный читателю под названием «Клятва»: «Картли милая! В смятенном мире, грозном и бессонном, алым знаменем священным и девятиглазым солнцем я клянусь. И этим статным древом, на костях стоящим. И спасительным остатком спирта в котелке бренчащем. Я клянусь землей, где гряды гор над облачной грядой, ржавым сердцем Шавнабады, этой строчкой молодою я клянусь. Не быть мне сваном, никогда не петь мне «Лиле», если силой иль обманом враг хотя бы горстку пыли на земле моей присвоит. За нее вступая в сечу, я — клянусь! Как древний воин, встречу смерть, улыбкой встречу. Пасть — так пасть, не на колени, и подняться на закате — как не первый, не последний тост за родину, за Картли!»

Теймураз Маглаперидзе. Мирза Геловани.

Нельзя не заметить, что поэтический дар Мирзы, бесспорно, нес в себе очень сильный элемент провидения — даже это, столь мажорно звучащее обращение к родине омрачает предчувствие неизбежности собственной гибели. В «Клятве» поэт берет такую высокую ноту, что кажется — выше уже невозможно. Однако он без всякого напряжения заставляет свою лиру звучать еще громче, еще пронзительнее: «Моя высокая земля! В тумане хмурых дней тебе открыта грудь моя, и видишь — звезды в ней. Сомну огонь и выбью нож, раздам себя дотла — в Тбилиси прилечу, похож на в битве бывшего орла. Но двадцать мне: тогда, сейчас, и двадцать будет впредь. И только вечность на плечах мне не дает стареть». Читатель не усомнится, что здесь все — лично и конкретно, даже, если можно так сказать, автобиографично, но несмотря на это, за процитированными строками встает обобщенный образ молодого человека, для которого созидательный труд, поэтическое парение, рыцарственность и мужество, самоотверженная любовь к родине, одним словом, все то, что испокон веков было святой святых для каждого грузина, является незыблемым кодексом морали. Вот почему лучшим строкам из «Шавнабады» суждена вечная жизнь, вечная молодость... Написаны последние строчки, поставлена точка, завершён немалый труд... Теперь нужны новые впечатления, новые импульсы, чего Тианети уже дать не может. Вот Мирза и пишет Нике Агиашвили: «В Тианети мне уже тоскливо...», и хотя ему и нелегко расстаться с родными, и какое-то предчувствие не оставляет его и постоянно нашептывает, что он больше никогда не увидит родные места, Тбилиси властно призывает Мирзу! Отъезд ускорил приход очередного, восьмого номера «Чвени таоба». В нем был напечатан «Разговор с Арагви». Стихи были старые, написанные еще в 1936 году, однако перечитав их, он остался доволен — да, и прежде он умел писать: «Пускай мой стих, совсем как ты, порой падет на пашни щедрые дождем. Но мне с тобой и просто как с сестрой приятно поболтать о том, о сем...» Да, хорошо сказано, — не зря в свое время эти строчки так понравились Паоло Иашвили. Действительно «настало время для стихов», и где как не в Тбилиси быть теперь?! Но прежде чем отправиться в путь, Мирза еще раз повидался

16935340
512-1110333

со всеми друзьями и знакомыми поры детства и юности, погруженный в сладостные и горькие воспоминания, обошел окрестности Тианети, а когда он лег под старым деревом ткемали и устремил взгляд на солнце, запутавшееся в его ветвях, из мглы воспоминаний против его воли всплыл образ Нани Ландиа. Он отчетливо увидел ее — с ромашками в волосах, смеющуюся и пленительную, безмерно желанную и недоступную. Теперь она уже замужняя женщина. Она принадлежит другому. И Мирза «с гневом и безумием» навеки простился с нею — написал свою «Угрозу пастуха». Нани — уже вчерашний, прошедший день!..

В последнюю ночь перед отъездом мать вошла в комнату Мирзы. В окне стояла большая, круглая, сияющая луна. Ее лучи заливали всю комнату и каким-то нездешним, белым светом освещали спящего сына, и он вдруг показался матери неживым. Сердце застопорилось в ней — и так ее все время терзали нехорошие мысли. Она не выдержала, разбудила его осторожным прикосновением. Мирза быстро сел: «В чем дело, мама?», «Ничего, ничего... Ты спи». «Я видел странный сон. Будто я и Ладо Асатиани бараны, и какой-то грозный пастух с палкой гонит нас куда-то, чтобы принести в жертву». Мать, разумеется, восприняла этот сон как дурное предзнаменование, но не поддала виду. Остаток ночи она провела в молитвах за сына. А утром Мирзу и Русудан ждали оседланные кони. Дело в том, что Мирза решил часть пути проделать верхом — ему хотелось взглянуть на ущелье Чаргали и Арагви. Он собирался добраться до Артаани, оттуда по тропам Сашуби спуститься к Чаргали, потом — к приречным чаргальским лесам, а оттуда уже — на Военно-Грузинскую дорогу, близ Жинвали. Таким образом он повидал бы снова любимые, дорогие сердцу места. Коня было решено оставить в Магароскари у старинного друга семьи Геловани — он приведет его потом Гедену. А Русудан должна была проводить брата до Артаани — так он сам пожелал. Русудан, одетая в пшавский талавари и по-мужски сидящая в седле, иноходью пустила коня вслед за братом.

Теймураз Маглаперидзе. Мирза Геловани.

Так и запомнились отцу сын и дочь — смеющиеся, легко и ловко сидящие на конях. Радующиеся, вдали и молодостью, скачут они, уносятся вдаль...

Так в последний раз Геден Геловани видел своего сына...

Они миновали Тианети. Ехали открытым пологим берегом Иори. Вдали в тумане виднелась поросшая лесом гора Икинчи. Они ехали шагом и беседовали. Ему много о чем надо было сказать сестре, многим надо было поделиться с нею. Ведь Русудан была единственным человеком на свете, который до конца понимал его, верил в него. «Мне жаль каждого потерянного часа, -- говорил сестре Мирза своим низким голосом, -- каждой ненаписанной строки. Ведь их ничто не вернет... Дни, проведенные в праздности, отзовутся великой печалью позже. Помнишь, как у Гурамишвили: «Всегда я ждал досуга (чтобы писать). Лучше бы я не ждал его!». Я готов торговаться с каждым часом, чтобы вырвать у него как можно больше времени для дела. Может быть, и теперь еще не поздно, и я сделаю все, лишь бы мне не было стыдно за себя перед тобой, а тебе -- за меня перед другими, когда зайдет речь о поэзии, о литературе». Еще долго говорил Мирза, Русудан слушала его, и ее сердце сжималось от боли. Почему так беспокойно на душе у брата? Ведь ему всего двадцать один год, и для своего возраста он сделал, пожалуй, больше, чем можно было бы ожидать. Конечно же, хорошо, когда поэт требователен к себе, но ведь его путь только начался! Мирза, точно подслушав мысли сестры, перегнулся к ней с седла и прочел со странной улыбкой: «Облетят дни, рассеются сумерки, обожженные дни снова заколышутся зеленой травой. Когда небо просыпется хлопьями снежными, выгнется над вершиной, тогда ветер замрет, и меня тоже не будет».

Русудан смотрела на эту странную улыбку, слушала, как брат читает печальные строки, и... вдруг пронзило — скоро Мирзы не станет. Это было жуткое прозрение, и оно потом всю жизнь терзало Русудан. Тогда она поняла, да, поняла, что этого златоволосого голубоглазого, широкоплечего юноши, ее брата, самого любимого на земле человека — скоро не будет. И чтобы не дать ему услышать крик, подступивший к

горлу, она зло хлестнула коня. Мирза сперва удивленно проводил взглядом сестру, потом принял ее поступок за вызов себе и понесся за нею следом. Их скачка продолжалась довольно долго. Когда же усталые кони наконец снова пошли шагом, село Артаани уже было рядом. Русудан торопливо простилась с братом — она боялась, что не сдержится, разрыдается и еще больше растрожит Мирзу. Она простилась с ним, припала к шее коня и не оглядываясь ускакала. «Что это с ней? Ведь я ничем ее не огорчил», — думал в недоумении Мирза, любовно глядя на стремительно удаляющуюся сестру. Откуда ему было знать, какую муку уносила она с собой?

Ходит, ступает по святой земле грузинской молодой человек — глаза его излучают свет, ноги и руки неутомимы, сердце полно червонного золота любви. Бог создал его грузином, даровал ему грузинский глагол, он счастлив. Для него еще не настала пора сомнений, мучительных разочарований, обманутых надежд, он еще не задумывается с должной горечью о неизбежной смерти, душа его звенит стихом, и он счастлив тем, что он — живой среди живых. Несколько дней он проводит в Чаргали — не в силах оторваться от обветшалых стен дома Важа. Он встречает солнце на Ахуни, мучается страстями Алуды, стремится проникнуться мудростью Миндии¹... Затем он едет верхом вдоль ущелья Арагви, выходит к Жинвали и обращает лицо свое к Казбеку. Он хочет насытить взор зрелищем ослепительной вершины, Терека, Дарьяла, Георгетской Самебы. Опьяненный бешеным грохотом Терека, он устремляется вдогонку за его волнами и вскоре оказывается в Дзау-Джикау (Орджоникидзе)... В Тбилиси, утоливший жажду странствий и впечатлений, он напишет цикл стихотворений «Чаргали», который будет опубликован в одиннадцатом номере «Чвени таоба». «Навесьте на меня тысячу сережек из росы, украсьте

¹ Алуда, Миндиа — герои поэм Важа Пшавела, Ахуни — вершина.

Теймураз Маглаперидзе. Мирза Геловани.

мне грудь хрустальными бусинами, снимите небо и накиньте его мне на плечи, и разбейте меня о скалу как Арагви!».

Неудержимым потоком, воистину подобным струям Арагви, рвались из его сердца звонкие, солнечные стихи.

«Иду я, путник счастливый, чтобы могучим — сильнее урагана — встретить утро и небо!»

.....

Так прошел 1938 год.

Глава седьмая

1.

НАСТУПИЛ 1939 год. В этом году произошли события, которые в будущем оставили неизгладимый след на судьбах миллионов людей. Нельзя не удивиться, как точно оценил происходящее и предвосхитил грядущее молодой Мирза Геловани, находящийся так далеко от центра событий. В стихотворении «1939» он так описывает катастрофу, неотвратимо надвигающуюся на человечество: «Это был год тридцать девятый, сокрушающий и выбрасывающий на берег корабли, когда потеряли мы друг друга и виноваты мы не были в этом. Когда залаяли гаубицы и в море легли черные мины... Душераздирающе сеяли дождь тучи, душераздирающе метался ураган. В тени стояли столпы смерти, и жестокость испытывала косу свою. Тридцать девятый, тридцать девятый, велик его вес будет в следующем году. Это был год тридцать девятый, охваченный огнем и демоном, когда мы потеряли друг друга — навеки, о, мука моя неизбывная. Когда поднялся, лениво потягиваясь, ветер и на западе крылья расправил, когда ударили в колокол битв и с духов войны сняли узду. Взглядом мерили друг друга нации, тишина была по обгоревшим нервам, тронулись синие крейсера, пересекли море, ища мин. Пуля тоже искала кровавой точки, небо тяжело налегло и начало сочиться кровью... Так закончился тридцать девятый, и сороковой начался так». Это стихотворение было написано в 1940

1935
191033

году. Ни в одном другом произведении грузинской поэзии нет такого отчетливого предчувствия катастрофы, столь обобщенного выражения апокалипсического ужаса, который обрушился на планету и сорвавшейся лавиной понесся по ней. Однако в начале 1939 года Тбилиси, как и весь Советский Союз, жил обычной мирной жизнью. Говоря словами того же Мирзы, человек «взрыхлил никогда не паханную землю и волны Волги укладывал в переплет. Он строил на Мтквари или на Днепре, он заливал все светом. Он поднимался на неприступные горы... Он прорезал тайгу, чтобы позолотить ее рядом домов, и пулей защищал мою родину». Так жили люди в нашей стране, пока еще не замечая тучи, которая медленно надвигалась, затмевая небо. Именно в это время в один прекрасный день знакомые студентки пригласили Мирзу на новогодний бал-маскарад в университет. Вообще-то он не любил бывать в многолюдных местах — чувствовал себя неуютно, терялся, но на этот раз почему-то с радостью принял приглашение, только наотрез отказался от маски. «Какой из меня Ромео!» — говорил он со смехом. Он надел черную блузу навыпуск, галифе и черные же мягкие сапоги. Это был его любимый костюм — наверное потому, что он сам видел, как все это идет ему. Длинношерстая пастушеская бурка и папаха дополнили этот наряд, и Мирза сразу вдруг стал похож на старинного абрека, скрывающегося в горах Дагестана. Разумеется, он выделялся на общем фоне в тот вечер.

В большой угловой аудитории, освобожденной для бала, красовалась огромная, нарядная елка. Звучала веселая музыка, звенели молодые голоса. Кружились пары в маскарадных костюмах. Легко представить, как шел он среди этой праздничной суматохи — высокий, в бурке, своей горделивой походкой горца, чуть выдвинув вперед одно плечо. Он обошел все аудитории и коридоры — пригласившие его девушки куда-то запропастились, и он почувствовал себя одиноко — не с кем было даже перекинуться словом. Он уже сожалел, что пришел сюда — не место ему на маскараде! Стоя у окна, он курил и думал, что лучше было остаться до-

ма, почитать... Но тут произошло нечто, чего Мирза ожидал меньше всего: перед ним остановилась девушка в маске и заговорила с ним так смело, что он просто растерялся. Она прямо, без обиняков, сказала, что давно уже следит за ним, знает, кто он, что делает, где живет, знает все его стихи — опубликовавшиеся и ходящие в рукописях, знает о нем все-все — и мелочи и главное. Незнакомка говорила сердито, раздраженно, как бы мстя — себе или ему за что-то, но Мирза сразу же понял, что за этим тоном она старается скрыть свою детскую слабость и незащищенность. Несколько оправившись от неожиданности, юноша внимательнее рассмотрел ее. Она была в белом. Нежные округлые плечи... на руках — длинные, до локтя перчатки. Ослепительно белая грудь в умеренном вырезе платья. Главное же были волосы — густые, золотистые, ниспадавшие тяжелой волной ниже тоненькой талии и делавшие девушку похожей на сказочную фею. Вскоре резкий, сердитый тон девушки сменился беспомощным плачем, и Мирза не смог придумать ничего лучше, как укрыть ее полой бурки и увести в пустую аудиторию. Прижавшись к нему всем телом, девушка едва слышно всхлипывала. Казалось, она наконец согрелась и расслабилась. Так они стояли посреди пустой аудитории, и Мирза всем существом своим ощущал, что в жизнь его вдруг нежданно и, может быть, незаслуженно, вошло нечто огромное, настоящее, всеобъемлющее. Кто была она, эта удивительная девушка, что так бесхитростно, так искренне и прекрасно предлагала ему свое сердце? Кто? Он попытался снять с нее маску, но она вскинулась: «Нет! Нет! Нет! Ведь вы не любите меня — для чего вам мое лицо? Вы станете смеяться над мной!». Мирза старался успокоить девушку, целовал ее руки — сперва чтобы успокоить, потом — охваченный каким-то неясным чувством, целовал ее плечи, платье, но она по-прежнему дрожала и, вся сжавшись, изо всех сил старалась удержать рыдания. «Имя, хотя бы имя свое скажите мне! — бормотал Мирза. — Где, как я могу вас увидеть?»... Девушка вдруг выскользнула из-под его бурки, бросилась в коридор и исчезла. Потрясенный Мирза остался один посреди пустой аудитории. Он хотел было закурить, но у него не оказалось спичек. В голове было пусто. Внезапно он

почувствовал страшную усталость. Потом подумал, что, может, никогда больше не увидит эту девушку, потеряет ее навсегда... Он обошел все коридоры, аудитории, поднялся на третий этаж. Ее нигде не было... Зато появились вдруг пригласившие Мирзу студентки. Весело смеясь и болтая, они окружили его, но заметив, как он бледен и задумчив, притихли. Что случилось? Что мог им ответить Мирза? На мгновение он и сам усомнился в том, что случившееся было явью. Но нет! Это был не сон — руки так остро помнили трепетное девичье тело!.. Он сослался на головную боль и ушел. Сейчас ему могло помочь только одиночество. На улице шел зимний дождь — холодный, колющий. Он с удовольствием подставил ему лицо, точно дождь мог отрезвить его. Он так был погружен в свои мысли, что не заметил съезжившуюся у ворот, ожидавшую его девушку, ту самую, которую только что так отчаянно повсюду искал... Не мог он тогда знать, что именно ее, странную, экзальтированную, полюбит он единственной, настоящей, зрелой любовью и что она ответит ему тем же, что она — его будущее недолгое счастье, что память о ней будет согревать его душу в кровавом аду войны... Ничего этого он не знал, но всю ночь мучился лишь одной мыслью — где, как отыскать ее теперь? Проще всего было предположить, что вчерашняя незнакомка — студентка университета и что искать ее в первую очередь нужно именно в университете. Но как узнать ее среди сотен девушек, если запомнил он только золотой водопад волнистых волос. Ведь с распущенными волосами никто теперь не ходит — разве только на маскараде, и она тоже, наверное, собирает свои волосы в узел на затылке. Мирза зачастил в университет. Он пытливо вглядывался в каждую студентку, но — тщетно.

Именно тогда написал он стихотворение «Маскарад»: «Шелест, потаенный шаг, — ну, кто еще?! Будто лес, шумит за дверью сад. Плечи синие, как у чудовища, показал оттуда маскарад. Словно сито — свет и мгла кромешная. Нас двоих отсеял этот лес: маска справа — леди белоснежная, маска слева — черный Ахиллес. Эта встреча точно луч без отсвета, как молит-

ва вперехват греха... Флейта бормотала всласть и до-
сыта что-то вроде белого стиха. Всех объединил высо-
кой властью танец, обезумевший в конце. Улыбавшаяся
твоему согласию мне мешала маска на лице... Вслед ог-
ням, их трепету прелестному мы идем устало кто ку-
да. Не в пятау я ранен ахиллесову — в сердце, но смер-
тельно, как тогда... Нет тебя. Слова мои нескладные,
для чего — не знаю, берегу, хоть мелькают ночи мас-
карадные, как олени ноги на бегу. Но заняв и цвет и
настроение у лучей, звенящих на ветру, я с крутой го-
ры, как откровение, прокричу однажды поутру: — Мне
известен этот подлый заговор, заговор завистливых до-
рог, где любая вспять метнется загодя, лишь бы я най-
ти тебя не смог! По садам иду, как за кулисами, эту
маску белую ищу. Не найду за тающими листьями, не
найду — и снова загрущу. Надо мною сквозняком рас-
качаны профили деревьев и домов. Вкруг меня неясно
обозначены медленные дни без вечеров. Отогнав на-
дежд столпотворение, ухмыльнусь не сразу и не вдруг:
всяким маскам гнев мой и презрение, как первопричине
всех разлук». Мирза надеялся, что стихотворение будет
где-нибудь напечатано и таинственная незнакомка уз-
нает из него, что волнует и мучает его автора, однако
все редакции признали стихотворение слишком интим-
ным и декадентским и воздержались от публикации на
неопределенное время. Таким образом Мирза лишил-
ся и этой надежды. Он ходил по улицам, по садам, за-
глядывал в театры, во все людные места, но нигде не
встретил свою незнакомку. Его охватил гнев — гнев
бессилия и разочарования. Он возвращался ночью в
свою холодную, безмолвную комнату и бросался на кро-
вать или метался из угла в угол, как зверь в клетке.
Стихотворение «Моя комната» дает представление о
тогдашнем настроении и состоянии Мирзы: «О, вереницу
скольких дней томительных провел я с тобою, комната
моя. Внутри тебя лились дождем слезы, как по крыше
капали капли. Лежал я рядом с холодным молчанием
вместо возлюбленной, с холодом лежал я, и, усталый
лебедь, в темноте превратился я в вороненка. И когда
тихая смерть позовет меня, позовут молчание и могила,
пусть придут они и скажут — вот тут был тот, кто по-
том повсюду поселился. Пусть придут они в этот пере-
плет узких стен, спросят тебя о в ночи потерянной (по-

гибшей) повести. Тогда не выдавай меня ты, моих стихов тайная печатня. Не выдавай вздох, слезами пролитый, сколько раз ты видела, сколько раз слышала. Не выдавай, сколько поцелуев помню я, сколько страстных стонов. Пусть сами они почувствуют, что порой происходит по ту сторону стихов, фраз, почувствуют, как умирал он — тот, кто потом повсюду поселится». Это стихотворение, разумеется, тоже не увидело света, и оба продолжали мучиться сомнениями и любовью: Мирза — в своей холодной комнате, а его таинственная незнакомка — где-то вдали от него... Так шло время — дни, месяцы, и наконец наступила долгожданная весна. Апрель окрасил в свои цвета улицы и переулки Тбилиси, небо стало высоким и синим, как море. Из трещин на асфальте брызнула первая трава... Этот апрель — апрель 1939 года во многих отношениях был знаменательным в жизни Мирзы. Во-первых, его приняли в Союз писателей, что было его давним желанием. Сохранилось его заявление, датированное 16 апреля 1939 года, в котором он пишет, что вот уже три года печатается в разных журналах и газетах и просит рассмотреть вопрос о принятии его в Союз писателей. Это заявление, как свидетельствует протокол, было рассмотрено на следующий же день, и Мирза единогласно был принят в Союз. Во-вторых, в четвертом номере «Чвени таоба» была опубликована его поэма «Шавнабада». И в третьих, и это — самое главное — в клубе Союза писателей состоялся его творческий вечер. Вечер этот принес Мирзе много радости, наполнил душу его верой, любовью. Прошло каких-то три года с того дня, когда он, паренек из провинции, робко вошел в Союз писателей с тетрадкой стихов, которые так и не решился никому показать. Прошло три года, но какой путь прошел он за это время, как много изменилось, а главное, как возмужал он духовно, раз обрел моральное право подняться на эту высокую трибуну. Да, он обрел это право, и маститые, почитаемые им его собратья по перу признали его. И вот он стоит на трибуне, и на него смотрит переполненный зал. В этом зале сидят люди, которых не введешь в заблуждение, ничего не скроешь от их пронизательных глаз — так хорошо зна-

ют они тайну слова и жизни. Сохранилось коротенькое воспоминание писателя В. Бецукели: «Состоявшийся в 1939 году литературный вечер Мирзы ¹⁹³⁹⁻⁴¹ ~~вызывал~~ ^{казался}, какую огромную любовь у читателей завоевал за какие-то три года этот молодой человек, наделенный большим поэтическим даром. На этом вечере Мирза прочел несколько стихотворений и балладу «Аон». Стихи он читал так вдохновенно, что слушатель с первого мгновения и до конца внимал ему, затаив дыхание...» Из этого воспоминания очевидно, что искушенные литературные «асы» были действительно очарованы чистыми, искренними стихами молодого поэта и не скупилась на ласку и добрые слова в его адрес. Для Мирзы в тот апрельский вечер, когда он читал с трибуны Союза писателей свои стихи, особой поддержкой был Ладо Асатиани — обритый наголо, с пылающим лицом сидел он так, чтобы друг мог его видеть, и после каждого стихотворения вскидывал вверх и вперед сжатую в кулак руку с оттопыренным большим пальцем — мол, все прекрасно, давай, давай! Он был опьянен успехом Мирзы. И еще один человек в этом зале был безгранично счастлив — в последнем ряду, в уголке сидела золотоволосая девушка и, стыдясь поднять голову, исподлобья следила сияющими глазами за Мирзой. А когда он прочел «Маскарад» и следом «Мою комнату», она еще ниже опустила голову и беззвучно заплакала счастливыми слезами. Вечер кончился. Были аплодисменты, было сказано много хвалебных слов, но ничего так не взволновало Мирзу, как тихий голос, прозвучавший рядом:

- Здравствуй, Мирза. Меня зовут Гванца...
- Гванца!..
- Ты узнаешь меня?
- Да... я...
- Поздравляю тебя с победой.
- Я...
- Молчи... Я все знаю.
- Все?
- Да, Мирза, все. Если я заставила тебя страдать, прости...
- Гванца... И ты прости...

Они смотрят друг на друга, и Мирза думает, что именно такими он представлял себе ее глаза — огромные, влажные, как бы взлетающие вместе с тонкими бровями наискосок — к вискам.

Ему кажется, что и имя ее он знал всю жизнь, но просто забыл... Гванца, Гванца... Они смотрят друг на друга, смотрят и оба охвачены одним желанием — уйти, убежать отсюда, ото всех, остаться наедине, быть вместе навсегда... Недолго думая, они так и поступают к полному недоумению друзей и знакомых...

2.

«БРАТ Ника!» Эти несколько дней, проведенные в Шови, позволяют мне надеяться, что ты не узнаешь меня, когда я вернусь. Поросшие елями высокие горы венчают вершины, покрытые вечными снегами. Добавь к этому нормальное питание и сон, и ты поймешь, как я живу.

Большую часть времени я в лесу, дремлю под каким-нибудь деревом или собираю цветы.

И вот прошло уже пять дней...

Когда я ехал сюда, то поклялся себе много писать. А вот приехал и не знаю, можно ли вообще писать. Здесь, по-моему, ничего не нужно, кроме любви!

А ты как думал?

Нико, будь братом, когда выйдет журнал, как-нибудь перешли его мне. Всем привет. Передай всем, что Мирза — счастливый человек!

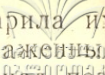
Всего доброго, — Мирза Геловани.

Мой адрес: Онский район, Шови, I Санаторий, 6.VII-39 г.».

Итак, последнее свое лето в Грузии Мирза провел в Шови. И он был счастлив в это лето. Причиной этого счастья была любовь, любовь к Гванце, которая была с ним в Шови. Сейчас уже невозможно установить, каким образом они оказались там вместе, но какое это

¹ Ника Агнашвили.

имеет значение? Главное, судьба щедро подарила им это счастье — провести вместе два долгих блаженных летних месяца. Может быть, она сжалилась над поэтом — ведь это было его последнее лето на родине. «Оказывается, бог не так уж жесток», — сказал один поэт... И началась бесконечная, счастливая череда дней, когда пропадает ощущение времени и человек живет лишь длящейся радостью. Они поднимались вместе с солнцем и, взявшись за руки, спешили к реке Чанчахи, которая мощным гулом наполняла окрестность. Берег был усеян белыми валунами. Одетая темно-зеленым ельником гора еще подернута кисеей тумана. От утренней прохлады тело покрывается «гусиной кожей», но Мирза не из неженков — он раздевается, бросается в упругие, прозрачные, обжигающие холодом струи и плещется в них, как дельфин. Гванца смеется и кричит: «Вылезай, хватит, простудишься», но он долго не выходит из воды. Потом наконец выскакивает, и Гванца заботливо вытирает его бронзовое, мускулистое, покрытое алмазными каплями тело. Между тем солнце поднимается выше, и берегу прибавляется белизны, а реке — синевы, гора, поросшая ельником, скидывает кисею тумана. Мирза и Гванца ложатся на облюбованный ими огромный прохладный валун и, щурясь на солнце, замирают в блаженном молчании, чувствуя прикосновение его горячих лучей к телу, к душе... А лучи поют о единстве человека с природой, поют о бессмертном могуществе любви; лучи поют, а Гванца и Мирза слышат и понимают их песнь. Словно боясь разлучиться хоть на мгновение, они лежат, тесно прижавшись друг к другу. Мирза время от времени открывает глаза, смотрит на профиль девушки, на ее гибкую тонкую шею, на массу золотых волос, рассыпанных по камню, смотрит счастливый: ведь он может коснуться ее, говорить с нею, ласкать ее и всегда встречать в ответ свет радости в ее глазах. Это был не сон, не греза. Это была явь. И бежала счастливая череда счастливых дней, когда пропадает ощущение времени и человек живет лишь длящейся радостью. Потом они подолгу валялись на траве, и Гванца читала Мирзе стихи из маленькой антологии французской поэзии, а потом слово в слово переводила их на грузинский язык. Перед ним открывался новый неведомый мир. Незнакомые французские

слова слетали с губ любимой, как щебет ласточки, и чаровали его, зачаровывали... Лафарг и Ролина, Карбьер и Ренье, Жамм и Фор, Морьес и Валери, Ромен, Вилдрак и Аполлинер... Мирза слушал Гванцу и думал о том, что невозможно создать ничего стоящего, если не причастишься к тому, что создано уже до тебя человеческим сердцем и разумом. Гванца читала: «Я знаю, моя любовь ходит по улицам большого города. Разве мне не безразлично, куда она пойдет, куда поспешит? Нарушена связь времен, и сейчас она — моя любовь. Сегодня она может завязать разговор с каждым. Она забыла все и не помнит уже того, кто души не пожалел для нее и кто издала освещает ей путь, чтобы она не упала».

Гванца умолкла. Мирза молчал. Молчание длилось и длилось. Эти несколько строк, прочитанные девушкой, снова пробудили в юноше то мучительное предчувствие, которое в последнее время отравляло ему жизнь, — предчувствие неизбежной катастрофы... Он ничего не говорил о нем Гванце, не желая омрачать ее безоблачное счастье. Он и сам не хотел этих мыслей, но он не умел заглушить голос, который постоянно нашептывал ему: не сегодня — так завтра, не сегодня — так завтра, не сегодня — так завтра ждет тебя гибель! И лишь ласки Гванцы заставляли его забывать обо всем на свете. Так шли дни за днями. Однажды они решили осмотреть соседние деревни — Глола, Чиори и Геби. Мирза одолжил у лесника коня, и они отправились в путь. Пройдет время, и в 1940 году в Харькове он напишет несколько прозаических фрагментов, один из которых называется «В пути» и, по моему глубокому убеждению, воспроизводит то самое их путешествие. Вот он: «...Неожиданно в лесу стемнело. Ниоткуда не доносилось ни звука. Тропинки не стало видно, может быть, ее уже и не было — этой тропинки. Арчил предложил девушке сойти с коня, чтобы в темноте не наткнуться на ветку. Некоторое время они шли пешком. Юноша останавливался, пытался найти тропу — но и опыт охотника уже не мог ему помочь. Тропы нигде не было.

Теймураз Маглаперидзе. Мирза Геловани.

— Нам придется тут заночевать, — сказал он наконец. — Черт возьми, совсем стемнело.

— Пойдем. Мы найдем дорогу или хотя бы выйдем из леса! — уговаривала девушка, но он убедил ее, что в этом нет смысла.

Они остановились. Арчил расседлал коня, спутал ему передние ноги и пустил пастись, а сам на ощупь собрал хворост и сучья. Через пять минут лес озарило веселое пламя костра. Девушка заметила, как с соседнего дерева взлетела вспугнутая огнем птица и скрылась в чаще.

Она присела на пень. Юноша закурил.

Девушка молчала. Арчил понял причину ее молчания — это был неосознанный страх девушки, оставшейся ночью наедине с мужчиной в лесу.

Какой-то жук с жужжанием упал рядом на землю.

— В ночи огонь — как магнит. Гляди, насекомые летят сюда издали, чтобы однажды познать жар огня, увидеть свет, а потом уйти из жизни. Если бы можно было это как-то определить, я уверен, мы убедились бы, что и эти деревья уже на несколько градусов склонились к огню.

Девушка улыбнулась.

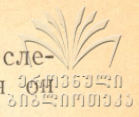
— Я много охотился в пшавских горах, — продолжал юноша. — Сидишь, бывало, где-то у подножия горы и вдруг видишь: далеко-далеко кто-то зажег костер. Я никогда не мог удержаться от искушения — сейчас же вставал и шел на огонь, если даже это было сопряжено с большим риском.

— Человек начинается с открытия огня, — говорил наш старый учитель, — промолвила девушка.

С затаяного тучами неба начал сеяться мелкий дождик.

— Ты много повидал, много прочел. Расскажи мне что-нибудь, — попросила девушка и ближе пододвинулась к Арчилу.

— У царя был шут. Шут поспорил с царем — проведу, мол, январскую ночь голышом на горе Махата. Царь приставил к нему тепло одетых стражников, а он стоял в чем мать родила среди великой стужи. Замерзал человек и вдруг видит: зажег кто-то на горе напротив костер. Протянул шут руки к идущему издали

свету и, хотя мороз стал еще сильнее, согрелся. На следующую день обвинил его царь в том, что грелся у дальнего огня. Так шут проиграл царю спор.

— Где ты прочел эту историю?

— В народе.

Сквозь густую листву деревьев дождь пока не проникал. Вдали кричал сарыч, и конь на каждый его крик вскидывал голову и всхрапывал.

Тина сложила на коленях белые руки, нахохлилась. Арчилу стало жаль девушку. Дождь усилился. Арчил подошел к ней, взял ее левую руку — посмотрел на часы. Было почти одиннадцать.

— Пора спать, — сказал он.

Он пододвинул ближе седло, расстелил перед огнем бурку и предложил Тине лечь. Она отказывалась — лучше, мол, так посижу, Арчил настаивал — не ляжешь спать, уйду, брошу тебя одну. Девушка понимала, что он шутит. Она устала от верховой езды, мечтала поспать, хоть час поспать, но все же упрямылась, пока юноша не поклялся: «Правда уйду, если не ляжешь». Девушка легла на бурку, и седельная подушка показалась ей мягче настоящей.

Шум огня нарастал вместе с шумом дождя. Из-под бурки она видела, как Арчил сел на тот самый пень, на котором она сидела пять минут назад. Он был в одной рубашке.

Он снова закурил. Вдали прокричал сарыч. Клены шумели под дождем. Конь время от времени всхрапывал. Так прошел целый час. Рубашка Арчила промокла.

— Ты озяб, Арчил! — девушка приподнялась.

— Ничего. В моей жизни не было ночи лучше этой. А ты почему не спишь? Я думал, ты уже спишь...

Он умолк, поправил дрова в костре. Капли дождя на его лице засверкали в отсвете пламени.

Они молчали. Молчала ночь. Только огонь попыхивал и дождь шумел в листве кленов.

— Иди сюда и тоже ляг! — сказала наконец девушка. — Нам обоим хватит этой бурки.

— Ничего. Мне и так не плохо.

— Ты замерз.

— Я не замерз.

— Не стесняйся, Арчил, — заупрямилась девушка.

Ему ничего не оставалось другого, и он тоже прилег, положив локоть под голову. Волосы Тины коснулись его губ.

— Спокойной ночи, — сказала она.

Сарыч уже не кричал. Дождь стал слабее и, судя по всему, скоро должен был прекратиться, а огонь дышал, как дышат летние вечера у реки.

Усталость и тепло сделали свое дело — Тина уснула. Во сне она ближе придвинулась к нему, и он ощущал тепло ее тела.

Ему было неудобно лежать, ноги затекли, но он не пошевелился — боялся спугнуть сон девушки. А она вдруг тихо застонала во сне, повернулась и обняла его одной рукой. Он воспользовался моментом и лег поудобнее. Ночь пошла на убыль. Потихоньку рассеивались тучи, и выплыла луна. Ее луч упал на спящую. Она спокойно спала, и лунный свет заливал ее прекрасное лицо. В душе Арчила зазвучали стихи:

«К чему мне солнце, когда из ущелий сарычи громко к ночи взывают, Когда собаки на луну воют и деревья дрожат во тьме, Когда из моря выходят девушки и ищут меня, несравненного охотника. К чему мне солнце, когда на бурке покоится прекрасная, а я караюлю, чтобы лесные духи не спугнули ее сон, Эй, злые духи, внемлите моему голосу, рядом огонь и черная ночь, и чтобы никто из вас не смел покрыть берега Понта полою бури, чтобы никто из вас не посмел с ревом и скрежетом двинуть с вершин лавины. Тут я — грозный повелитель царей, и моя прекрасная покоится на бурке. Тут огонь костра блестит по воле всевышнего, и ночь эта — моя».

Арчил проснулся, протер глаза. Уже было утро. Тина сидела на пне. В руках она держала свернутый лист лопуха, полный воды, мелкими глотками отпивала из него и смеялась:

— Ой, если бы ты только знал, какой ты был смешной, когда спал. Как ребенок! И еще постанывал во сне. Мне было даже жалко тебя.

16935940
8020010333

Она снова рассмеялась. Скорчила рожицу, дразня

Арчила: — Соня, соня!

«Как ребенок», — повторил Арчил про себя слова девушки и улыбнулся. Она продолжала весело смеяться. Он, не вставая, расправил бурку и откинулся на подушку седла. Ничего на свете он не любил так, как утро, каким бы оно ни было, погожим или непогожим. Неумолчно пели птицы. В листве алмазами сверкали капли дождя. Вставало солнце. На небе не было ни облачка, и оно было таким же чистым, как глаза этой лукавой девочки, что смотрела на него и звонко смеялась:

— Боже мой! А ты, оказывается, лентяй. Ты что, не намерен вставать?

Она подошла ближе, ухватила за край бурки, но Арчил опередил ее, схватил за руку, притянул к себе, и она оказалась в его объятиях. «Спал, как ребенок», — промелькнуло еще раз в его голове. Он крепче прижал к себе желанное девичье тело и почувствовал, как все оно напряглось и затрепетало. Тина сама нашла его губы...»

. . . . .

Они действительно потеряли дорогу, но это не огорчало их. Главное, они были вместе. Гванца удобно устроилась в седле, Мирза вел лошадь за повод и что-то напевал про себя. О, если бы эта дорога не кончалась, если бы так всегда — идти, идти ему вместе с Гванцей... Шуршали сухие прошлогодние листья. Под кронами огромных кленов еще было сумрачно. И все же, где же деревня? В какую сторону идти? Мирза никак не мог избрать правильное направление. В конце концов он махнул рукой и повел коня наугад. Со вчерашнего дня они ничего не ели. А Гванца все шутила, смеялась, называла Мирзу «заблудившимся путешественником», который не может вывести девушку на дорогу, а хвастается, что охотник. Неожиданно за поредевшими деревьями, над обрывом он заметил прозрачный дымок. Несомненно, это либо костер пастуха, либо одинокое жильё. Обрадованные, они вскоре вышли из леса. У речки, на противоположном берегу которой начинал-

ся обрывистый склон, Мирза помог Гванце сойти с коня и сказав, что скоро вернется, ловко стал взбираться по склону.

«...Рассвет разливался по небу. Небо подобрало свой серый подол, желтые лучи — нежные персты еще не взошедшего солнца пронзили легкие облака, и небо засверкало, как позолоченный купол в полдень. Вдали Буба и Шода¹ дымились туманом.

Арчил и не заметил, как одолел крутой и длинный подъем. Медленно всплывает золотое солнце. В такое утро наши предки затевали перхули² и горы вторили им:

«Оо, Лиле, о...»

Хлынувший с неба свет заливал землю. Вокруг звучал хор голосов — голосов летнего утра.

Вниз по дороге маленький мальчик гнал ослика, несущего с собой запах хлеба и глиняные банки, полные мацони.

Арчил закинул руки за голову. Прохладный ветерок упруго касался его открытой груди, и у него было такое ощущение, точно он, как и это солнце, в это утро впервые явился в мир, явился чистый и полный неистраченных сил.

В Арчиле вдруг проснулся его предок, глаза его точно никогда не изнемогали от чтения, голова — от дум, а сердце — от любви, пережитой миллионами людей и вечно новой любви. Он запел в полный голос сванскую песню.

Вдоль дороги тянулся маленький огород. Между грядок лука стоит красивая рачинка в белом платке юная, как это утро.

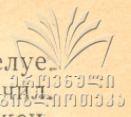
— Доброе утро! — Арчил прислонился к забору. — Рано же ты вышла на работу. А может, меня дожидаясь?

Женщина смеется. Ей нравится дерзость юноши, и она говорит в ответ:

— Что ты пел? Я впервые слышу, чтобы мужчина пел на заре! — она поправляет белый платок и выбившиеся из-под него пряди волос.

¹ Буба, Шода — вершины.

² Перхули — мужской танец.

— Я благодарил бога и мечтал о твоём поцелуе. Я воспевал утро и шел к тебе, — говорит ей Арчил.

— Уй, разрази тебя гром! — снова смеется женщина. — У меня муж, который с одного удара может разрубить дерево с тебя ростом.

Она указала через плечо, и Арчил увидел шагавшего между грядками смуглого парня в черной блузе. Он шел и посвистывал. Заметив Арчила, перестал свистеть и поздоровался:

— Доброе утро!

«На него тоже действует это утро, — подумал Арчил. — Иначе он сказал бы просто «здравствуй».

— Шиола, этот парень просит меня, чтобы я его поцеловала. Что ты скажешь на это?

— Вот и поцеловала бы! Что может быть лучше поцелуя в такое утро!

Потом он повернулся к Арчилу и, улыбаясь, спросил его, откуда он, куда идет, и узнав, что тот заблудился и что внизу, в овраге, его дожидается женщина, искренне озаботился, заторопился, велел жене собрать завтрак, а сам с легкостью борзой перепрыгнул через забор.

— Пошли, приведем ее. Отдохнете у нас, перекусите.

Дул легкий ветерок, и по колосающемуся, готовому к жатве полю проходили золотые волны. У забора Шиола и Арчил жали друг другу руки. А на маленьком огороде смеялись женщина и солнце».

Я не стану подробно описывать, как приняла семья Шиолы Гванцу и Мирзу. Молодой крестьянин очаровал их своей простотой, степенностью, манерой говорить, тонким юмором, чистосердечием и щедрым гостеприимством. Примечательны были и отношения супругов — за шутливым обращением друг к другу чувствовались глубочайшее уважение и любовь. Мирза смотрел на них и думал — вот оно, сердце моего народа, исполненное доброты, вот он, ум моего народа, его исконная, древняя природа. Они пили красное как кровь вино «алексandreули», и их пронизывала щедрость солнца и земли. Слегка подвыпивший Шиола

Теймураз Маглаперидзе. Мирза Геловани.

поднял бычий рог и вторично произнес тост за своих гостей: «Легко и красиво несите ярмо супружества» — говорил он им. — Вы так подходите друг другу, сам бог соединил вас, таких одинаково прекрасных. Ваши дети — и мальчики и девочки будут такими же золотоволосыми...» Долго он так говорил. Разумеется, они на минуту не сомневался в том, что Мирза и Гванца — муж и жена. Такое просто не могло прийти ему в голову. Но если бы он повнимательнее следил за девушкой, то заметил бы, как вспыхнуло ее лицо, а глаза с мольбой обратились к Мирзе. Мирза понял ее, склонился к ней, поцеловал крепко в губы и сказал: «Гванца, с сегодняшнего дня ты — моя жена перед богом и людьми!»

Август был на исходе — август 1939 года. Гванца и Мирза вот-вот должны были вернуться в Тбилиси. Было солнце, был покой и одуряющий аромат нагретой хвои, и была большая, нашедшая свои берега любовь. Но был еще и зловещий, глухой гул планетарного вулкана, из кратера которого очень скоро должна была вырваться лава, все сметающая на своем пути...

Приближалась мировая война.

23 августа Советский Союз и фашистская Германия подписали пакт о взаимном ненападении сроком на 10 лет.

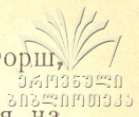
А в первых числах сентября Гитлер начал вторую мировую войну — напал на Польшу.

Газета «Коммунисти» опубликовала сообщение: «Президиум Союза советских писателей Грузии постановил созвать в Тбилиси в сентябре текущего года в здании Союза писателей Второй всегрузинский съезд советских писателей.

На повестке дня:

1. Отчетный доклад о работе Союза советских писателей Грузии (докладчик тов. А. Машашвили).
2. Образ Сталина в советской грузинской литературе (Ш. Дадияни).
3. О советской грузинской критике (С. Чиковани).

Были и организационные вопросы — о литературе и о ревизионной комиссии, а также выборы правления. В газете сообщалось и о том, что для участия в рабо-

те съезда в Тбилиси прибыли А. Фадеев, О. Форш, П. Антокольский и С. Михалков.

Я не стал бы столь подробно останавливаться на этом съезде, если бы не наткнулся случайно на информацию в газетной хронике: «Вчера на вечернем заседании выступил Мирза Геловани. Он говорил о «значительном идейно-художественном росте литературной молодежи». Докладчик не дал оценки работе таких писателей старшего поколения, как Нико Лордкипанидзе, И. Гришашвили, Д. Шенгелая, Г. Кикодзе и др.».

Вот и все, что сообщалось в газете, но к счастью сохранился полный текст выступления Мирзы¹. Вот он: «Наше государство всегда уделяло и уделяет огромное внимание той части интеллигенции, которая называется писательской. Даже в пору преодоления величайших трудностей наше правительство находило время для заботы о литературе, поэзии, о величайшем историко-литературном наследии нашей страны.

И вот перед писателями встала почетная задача отразить небывалый подъем, охвативший нашу великую страну, и преобразование ее людей. Справилась или не справилась с этой задачей литература — об этом тут много говорилось, и я уже не стану на этом останавливаться. Я хочу лишь сказать несколько слов о молодых писателях, которых от предшествующего поколения отличает не только их молодость, но и новизна художественного вкуса и восприятия.

Молодые писатели, большинство которых относится к послереволюционному поколению, за последнее время достигли значительных успехов. Я назову произведения, с которыми читателей познакомил журнал «Чвени таоба» и которые вызвали большой интерес. Например, «Мирангула» Р. Маргиани. Эта блестящая обработка народной баллады о сванском юноше производит огромное впечатление; стихи Александра Саджая об Армении — «Огонь и скульптура», «Наш Хасан»; «Нико Пиросмани», «Форели на выставке», «Пшавская баллада» Ладо Асатиани; цикл стихотворений

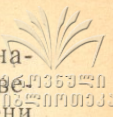
¹ Приношу благодарность сестре Мирзы Розне Геловани за то, что она передала мне текст этого выступления.

Теймураз Маглаперидзе. Мирза Геловани.

Табриэла Джибушанури «Арагвиэлни», «Туры»; новеллы Котэ Химшиашвили, Ладо Авалиани, Ладо Бабаури и др. Нельзя не признать достоинств перечисленных произведений.

Сегодняшняя грузинская поэзия (я не говорю о творчестве молодых, так как когда у нас говорят о поэзии, молодых никогда не принимают в расчет) — описательная, созерцательная, порой опустившаяся до фотографии. В стихотворении говорится о том, что камень лежит на камне, дерево стоит, как женщина, цветы цветут, а раньше тут был кошмар, но вот вошло, оказывается, солнце, и все очень легко образовалось. Я мог бы привести примеры из стихов того или иного поэта, но не стоит. Да, именно такова сегодня поэзия в Грузии. Для того чтобы быть инженером человеческих душ, нужно действительно дать что-то чьей-либо душе, а изображенная на уровне фотографии всеобщая радость ничего дать никому не может — каждый крестьянин сам чувствует все это гораздо лучше. Поэтому, товарищи, я думаю, что необходима критика тех недостатков, которые имеются в жизни как нашей деревни, так и города, а также в поэзии, живописи, балетистике, в перевоспитании отдельного человека. Восхваляя достойное восхваления, мы должны писать и о повседневных недостатках. Так поступали классики. Потому-то вся Грузия пела когда-то песни на стихи Акакия и Ильи. Да, так должно быть, но нынешняя поэзия начинается с описания какого-либо факта и кончается плакатным славословием, и в результате почти все поэты похожи друг на друга. Причина этого, как я уже отметил, кроется в том, что если некоторые решили, что раз пишешь о колхозе или о политических, экономических преобразованиях, то нет необходимости проявлять свою авторскую индивидуальность, показывать события глазами искреннего, честного художника. Однако об этом, я думаю, другие скажут лучше меня. Я же хочу остановиться на взаимоотношениях писательской молодежи и старшего поколения. Кстати, они нашли выражение и в выступлении тов. Машашвили. Невооруженным глазом видно то взаимное недовольство, которое существует между молодыми писателями и руководством Союза. Я уверен, что определенная группа молодых писателей уже заслужила право печататься

не только в молодежной прессе, но и в других журналах и газетах, однако существует мнение, что произведения всех молодых должны печататься только в «Чвени таоба».

Если бы мне не претило говорить о самом себе, я мог бы привести множество фактов и документов, подтверждающих предвзятое отношение редакций к нам, молодым. Вот уже четыре года мне не удается напечататься в газете «Литературули Сакартвело» (Литературная Грузия). Редактор Шалва Дадиани говорит мне, что очень хочет напечатать меня, но я уже давно сомневаюсь в искренности его желания. На отличных стихах моих друзей Г. Натрошвили и Д. Бенашвили стоят резолюции — «Напечатать в ближайшем номере», «Напечатать в следующем номере», однако дальше этого дело не пошло. Замкнутый круг, созданный Дадиани, почему-то никому не удалось разорвать. Если в стихотворении молодого поэта проявляется малейшая оригинальность, смелость, его уже не печатают. Ш. Дадиани не напечатал стихотворение, написанное на актуальную, современную тему, лишь потому, что в нем упоминалась грузинская земля и меч Саакадзе. Не найдя повода для отказа, он прямо говорит — в этом номере, мол, публикуются известные авторы, и публикует бессодержательные, бесцветные, безвкусные стихи... Не будет преувеличением сказать, что в «Литературули Сакартвело» печатается все, кроме литературы. Сухие рецензии, информации, хроника, юбилейные отчеты и одно-два бездарных стихотворения — вот приблизительно содержание этой газеты из номера в номер. То же самое можно сказать о журнале «Мнатоби». Этот журнал не снисходит до новелл и годами печатает толстые романы, которые уже вышли отдельной книгой и давно распроданы.

Критика в Грузии никогда не была на должной высоте, потому что не имеет своих традиций. Ильи Чавчавадзе и Арчила Джорджадзе недостаточно для создания традиции. В нынешнем веке критика начала утверждаться, но пока еще она основательно отстает от поэзии и прозы. Вот почему сегодня мы все требуем от критики активности. Наши же критики или

Теймураз Маглаперидзе. Мирза Геловани.

перепевают десятки раз уже сказанное о классическом наследии, или до такой степени превозносят какого-нибудь поэта, что статьи их просто невозможно читать, или раздражаются бранью: «такому-то автору мешает незнание языка и жизни ... натурализм» и т. п.

О молодежи, если не считать одной статьи Д. Бенашвили и одной — И. Абашидзе, вообще ничего не написано, хотя журнал «Чвени таоба» выходит вот уже пятый год. А если и публикуется статья о современной поэзии, после восхваления поэтов старшего поколения вы можете найти несколько строк: «Те же тенденции проявляют в своих стихах последнего времени и молодые поэты», после чего следует перечень имен, неизменно в скобках! И каждый критик считает своим долгом подчеркнуть нашу неосведомленность, наше абсолютное невежество и т. д.

Товарищи, в отчетном докладе положение обрисовано так, что можно подумать, что речь идет не о молодых поэтах, а о пастухах. Почему А. Машашвили думает, что молодые ничего не знают? Раз так, то я должен сообщить уважаемым товарищам, что большинство молодых писателей, которых называют передовыми, либо заканчивают университет, либо уже его окончили. Некоторые из них работают в аспирантуре и помимо русского языка знают еще один-два иностранных, знают, может быть, не так, как грузинский язык, но во всяком случае настолько, чтобы читать в подлиннике то, что некоторые читают в переводах Ониашвили. Тут я мог бы провести параллель, сравнить произведения известных писателей и молодых, написанные на одну и ту же тему, и наглядно показать вам, сколь ошибочно мнение, будто молодые ничего не делают, однако боюсь, как бы уважаемые слушатели не сочли это за ту самую рисовку, о которой столько говорят и прямо, и намеками.

Я утверждаю, что Машашвили неправильно подходит к вопросу о молодежи. В зале много прекрасных писателей старшего поколения, и они несомненно чувствуют, уважаем мы или нет их творчество, их лично. Все обстоит как раз наоборот. После доклада все молодые были огорчены тем, что о таких писателях, как Нико Лордкипанидзе, Демна Шенгелая, Иосиф Гришашвили, Геронти Кикодзе, и некоторых других ораторов

011935940
3.02.02.0110333

тор говорил так, точно случайно вспомнил, что они вообще существуют и посетовал — почему, мол, они не рождаются.

Товарищи, многие представители моего поколения родились после революции. Нас взрастило новое время, и мы вовсе не заслуживаем те необоснованные выговоры, которые нам часто приходится выслушивать, так как все мы дышим одним и тем же воздухом. Прошлого мы учили по ленинизму, и я говорю от имени всех моих товарищей, что мы не только люди, пишущие стихи. Из тех молодых писателей, чьи имена обычно несправедливо заключают в скобки, трое уже сражаются на фронте, они уже красные лейтенанты. И если Родине понадобится, все мы готовы сложить за нее свои головы!»

Вот каким было выступление Мирзы Геловани. Наверняка для некоторых, присутствовавших на съезде, оно оказалось пощечиной, и так оно и было задумано. По всему видно, что определенной части талантливой молодежи, пришедшей в литературу, опротивели помпезные хвалебные стихи, писанием которых увлекались многие поэты, и молодые решили заявить об этом с трибуны съезда Союза писателей. Несомненно, с текстом выступления Мирзы каждый из них был знаком досконально. Не исключено, что оно в определенной мере было даже итогом их общего мнения, а в таком случае оно приобретает силу и значение манифеста. Долой бесталанную «фотографическую» поэзию! Долой надменное, бездушное отношение к молодым! Долой невежественную критику! Не существует литературы старшего и младшего поколения, есть одна литература, которую на равных правах создают представители всех поколений. Да здравствует такая литература! Вот тезисы этого «манифеста», и, как мы видим, в них нет ничего спорного или неприемлемого. Молодые писатели стремились к духовному единству с Галактионом, Н. Лордкипанидзе, К. Гамсахурдиа, Г. Кикодзе, Д. Шенгелая и др. Это поколение, хотя оно и было богато самобытными и яркими талантами, вовсе не стремилось к ломке старых форм, а напротив, считало се-

бя законным наследником своих предшественников восставало лишь против тех, кто сознательно или бессознательно толкал грузинскую литературу на неверный путь. Не случайно, что в конце своего выступления Мирза напомнил присутствующим, что его поколение — поколение родившихся с революцией, что он и его сверстники воспитаны этой эпохой и отношению к прошлому учились «по ленинизму», и что, если нужно, они жертвуют собой во имя Родины. И это поколение доказало, что для него слово и дело были едины. Очень скоро Мирза и Ладо Асатиани были призваны в армию. Других их сверстников иначе испытывала твердость судьба, и в результате только несколько из этих талантливейших людей дожило до сегодняшнего дня...

Самым радостным для Мирзы на том памятном съезде было следующее: Константинэ Гамсахурдия в черном смокинге, элегантный, недостижимый Константинэ Гамсахурдия неожиданно остановил его, крепко пожал ему руку и многозначительно сказал: «Приятно очень приятно было мне ваше выступление, юноша. Я по мере возможности слежу за вашей работой в поэзии и очень доволен вами. Буду рад, если таким неприемлемым и бескомпромиссным вы останетесь до конца. Эти слова произвели на Мирзу неизгладимое впечатление, они еще раз убедили молодого поэта в непосредственной, кровной связи — своей и всего своего поколения — с большой литературой их предшественников.

В один из дней Мирза, возвратившись домой, увидел на столе желтую повестку из комиссариата. Он вышел на улицу и безотчетно пошел к дому Гванцы. Гванца жила на Вере¹, рядом с так называемой «синей церковью», в маленьком домике с двориком. Прохожие здесь попадались редко. Был вечер. Небо, затянутое черными тучами, изредка появлялась бледная луна и тут же снова скрывалась. Во всем городе ощущалась какая-то молчаливая тревога — так казалось Мирзе. Скоро он покинет его, этот город, которому так прикипело его сердце, покинет и исчезнет где-то, в неведомом далеке, и, кто знает, может быть — навсегда. Неужели и тогда город будет про-

¹ Вере — старинный район в центре Тбилиси.

должать жить так же, как и до сегодняшнего дня, неужели ни на чем не скажется его, Мирзы, отсутствие? Боже, как горько даже думать об этом!... Окно мирно светилось. Мирза подошел ближе, ухватился за железную решетку, заглянул. Гванца сидела перед зеркалом и задумчиво, ленивыми движениями расчесывала золотистую массу своих чудных волос. Как ему сейчас позвать ее, сказать ей? А может быть, лучше вообще никому не сообщать о своем отъезде — ни родным, ни близким, ни друзьям, ни Гванце? Зачем понапрасну волновать их, пугать? Он уедет, и если ему суждено вернуться, пусть тогда прольют они слезы радости, видеть же слезы прощания он не в силах — это еще больше обострит чувство одиночества и неприютности... И какой только демон нашептал ему это? Что заставило его принять это жестокое решение?.. Он еще раз окинул взглядом волосы Гванцы, плечи Гванцы и уже отошел было от окна, как вдруг какая-то внутренняя сила толкнула его назад и заставила постучать в стекло. Гванца вскочила и стремительно распахнула обе створки окна.

— Мирза? Родной, как хорошо, что ты пришел. Сейчас я открою тебе.

Пауза.

— Случилось что-то?

— Я уезжаю, Гванца.

Пауза.

— А как же я? — совсем тихо говорит Гванца.

Пройдет время, и Мирза не однажды вспомнит ветреную тбилисскую ночь, Гванцу в белом, с распущенными волосами, и ее потрясенный и потрясший его шепот: «А как же я?».

Внешне все шло по-прежнему, на самом же деле время как бы растянулось — все теперь происходило, как бывает при замедленной съемке — люди медленно разговаривают, медленно двигаются, и ритм улицы замедлен в два или в три раза. Сам Мирза хотел это, и другие тоже словно старались, чтобы все окружающее как можно глубже запечатлелось в его душе. И тем не менее он по возможности избегал товарищей перед отъездом, ему легче было одному, и только

с Гванцей он не расставался, и она сама ни на минуту не хотела оставлять его. Они не говорили ни о любви, ни о разлуке, и только ночи напролет со всею силой отчаяния, прижавшись друг к другу, плакали горькими слезами. Когда им еще доведется быть вместе, и доведется ли вообще? И он еще крепче обнимал Гванцу, сжимал зубы и зарывался лицом в душистую волну ее волос — только бы не выдать себя вырвавшимся стоном или возгласом. А однажды ему приснился странный сон, а может, то было видение:

...Дул страшный ветер. Он хлестал деревья, гнул их к земле... Лил дождь такой силы, что казалось, он все смое с лица земли... И вдруг стали слетаться стаи птиц. В воздухе стоял непрерывный жалобный птичий крик. Босоногая белая девушка, у которой было лицо Гванцы, упорно шла сквозь дождь через голое поле, сводя глаз с тревожного небосвода. Ветер развеивал ее длинные волосы. Внезапно все вокруг озарилось зловещим светом, струи дождя превратились в стрелы и возникли огненные воины в шлемах. Они окружили белую девушку, схватили ее и унесли с нею в поднебесье. «Что вы творите? Кто вы? Какое вы имеете право?» — хотел громко закричать Мирза, но губы у него оказались зашиты грубой нитью, колени подкосились, и, упав лицом в грязь, он зарыдал... Идет, течет огромная толпа людей — женщины, дети, мужчины, старики, слепцы, хромые, увечные. Они идут и кричат: «В имя бога, помилуйте». И снова спустились на землю воины в шлемах и с мечами в руках. Из глаз их сыплются искры, и они кричат страшными голосами: «Смерть им! Чтобы ни один не ушел живым! Истребите их!». И они истребляли беззащитных. Плач, вопли, стоны... Кровь лилась как вода. У Мирзы от ужаса волосы встали дыбом, он не оглядываясь бежит, но никак не может вырваться из толпы... Вот слышен ступ заступа. Это роют могилы... А в голом поле маячат две столба с перекладиной.

- Что это?
- Виселица.
- Кого-то повесят?
- Да. Вон палачи.
- За что же?

— Преступница сеяла среди людей добродетель и любовь!

И тут Мирза увидел — огненные воины в шлемах поднимают на виселицу белую девушку, ту — гордую, нежную. Палачи схватили ее своими грязными руками и повлекли к петле. У Мирзы потемнело в глазах — «Умереть, немедленно умереть, но не увидеть ее смерти». Он громко кричит и прорывается сквозь толпу. Все с надеждой смотрят на него. И вот, в тот момент, когда Мирза был уже готов вцепиться в горло палачу, один из воинов со всего размаха ударил его мечом. Умирая, счастливый, он слышал, как толпа восторженно кричала:

— Спасена! Спасена! Белая дева спасена! Трижды порвалась веревка!

Это страшное видение вернуло Мирзе решимость и твердость. Он понял, что должен идти туда, где белой деве, несущей добро и любовь, угрожает опасность, обязан защитить ее, пусть даже ценою собственной жизни! Это — его долг, святой долг сына Грузии, поэта Грузии! Долг перед всем человечеством. Перед самым отъездом, как вспоминает Вахтанг Бецукели, Мирза сказал: «Я хочу на себе испытать опасную жизнь воина, и, кто знает, может быть стать участником великой бури. И если я вернусь, в моих стихах будет больше правды и мужества».

Он не вернулся!

Кто провожал Мирзу на вокзал? Как они добрались до вокзала? Что ему говорили? Что говорил он? Было утро или вечер? Шел дождь, или, может быть, дул ветер? Пусть все это читатель домыслит сам... В руке плачущей Гванцы остался листок, на котором она прочитала:

«При виде коротко остриженных светлых волос я вспоминаю волосы-бичи. Как не хочу я, как не хочу я, но все-таки уезжаю, расстаюсь с тобою... Так разлучают старые сказки Аспурцелу и Окростмебиани¹. Ве-

¹ Аспурцела и Окростмебиани — буквально Тысячелистник и Златовласка — герои народных грузинских сказок.

тер разорвал все паруса, и я встречу рассвет, тоскую
о тебе. Я — путник, я доверяюсь мыслям о тебе и бе-
зопасной игре с призраками... Я вернусь, да, вернусь
меня вернут твои волосы».

Это было последнее стихотворение Мирзы, написан-
ное им в Грузии.

Эшелон тронулся.

Часть III

«ТАМ, ГДЕ ДРУГИЕ УПОДОБИЛИСЬ КАМНЯМ» (1939—1944)

Неистовый гений войны,

желтый

как старая ржавчина,

перекрыл пурпурное небо,

чтобы принести день

горького рока.

Галактион

Глава восьмая

1.

12 МАРТА 1940 года на шестой сессии Верховного
Совета СССР первого созыва с докладом о меж-
дународном положении выступил народный комиссар
по внешним делам. К тому времени уже закончилась
война с Финляндией и с ней был подписан мирный до-
говор. Однако все понимали, что этим дело не кончит-
ся.

Все чувствовали, что дело пахнет войной. О том
же говорил и доклад наркома по внешним делам. И
каждый мыслящий человек понимал, что главная опас-
ность надвигается со стороны Германии.

Литературная жизнь тоже стала более жесткой.
Газета «Литературули Сакартвело» печатает статьи
под заглавием «Против самодовольства и экзотики»

¹ Перевод подстрочный.

(№ 15, 1940 г.), автор которой упрекает молодых поэтов в излишнем увлечении историзмом и экзотикой. «Никого уже не удивишь песнями о «бедном Нико»¹ и о духанах, об этом пели и с этим покончено», — пишет он, и далее обвиняет молодых поэтов в декадентстве. Нетрудно было догадаться, что он, говоря о певце «бедного Нико», имел в виду Ладо Асатиани. На городском собрании Союза писателей слушался доклад «Работа Союза советских писателей Грузии и задачи литературы», в котором было раскритиковано и объявлено явно символистским прекрасное стихотворение Ладо Асатиани «Что заставит меня забыть твои прекрасные глаза». Далее отмечалось, что «тот же мотив перепевает и Мирза Геловани в стихотворении «Из записной книжки», и в доказательство приводилась строка: «Поднимется, как белый олень, моей мечты молчаливая мука». Докладчик заодно разругал и новый тогда исторический роман К. Гамсахурдиа «Десница великого мастера». Взгляды одного из героев, перса Фарсмана, он объявил идентичными мировоззрению самого автора...

Бог знает, как додумались причислить к символистам и декадентам Мирзу Геловани. Правда, быть признанным последователем столь выдающихся поэтов, как Бодлер и Блок, само по себе лестно, однако в те времена такое обвинение было хуже любой брани.

Имелись ли на самом деле основания считать Ладо Асатиани и Мирзу Геловани декадентами — это никого не интересовало. Отвести от себя какое бы то ни было обвинение было тогда невозможно, да и Мирза находился уже далеко — в Харькове, к тому же у него элементарно не было времени на литературные дискуссии, пожелай он даже в них участвовать. Вот что он пишет в одном из писем к родным: «Выходных дней у нас нет. Ежедневно мы занимаемся почти по 13 часов ...Времени совсем не хватает. Не мог даже написать вам...» Как и все, он чувствует, что война вот-вот разразится, старается как можно лучше подготовиться к ней, учится на шофера, получает права во-

¹ Нико Пиросмани.

дителя. «Если идти (на войну), так хотя бы подготовленным — мне же будет легче. Нет худа без добра — если останусь жив, останутся при мне специальность водителя и опыт. Первое всегда пригодится, второе — главное в жизни», — пишет он и добавляет: «Посылаю стихи, которые умудрился написать, несмотря на страшную ежедневную усталость». Действительно, надо было умудриться писать стихи в таких условиях: «Пишу в перерывах, пишу перед сном, или на собраниях — если удастся сесть так, чтобы этого не заметил председатель. Пишу, когда бываю дневальным — усталый и измученный бессонницей». Так писал стихи Мирза Геловани, когда они приходили к нему, так он жил — после того как был призван на военную службу в ноябре 1939 года.

Трудно было поэту привыкнуть к строгому распорядку дня в армии, к постоянному необходимому общению с фактически полужнакомыми людьми, к доведенному до автоматизма выполнению приказов. Он спал в длинной казарме на двухъярусных нарах, вставал на рассвете, занимался строевой подготовкой, с песней ходил в столовую, и так день за днем. Внешне он теперь ничем не выделялся из одноцветной, одетой в серые шинели массы, в которой долгое время не различал отдельных лиц и воспринимал всех разом, как единый одноликий организм. Прошло довольно много времени, прежде чем он стал выделять отдельных людей и запоминать их. До того он и сам был лишь составной частью этого целого — и больше ничего. и если чем-то все же отличался от остальных, то лишь тем, что в его сердце, хоть и засыпанная пеплом, все же тлела благодать поэзии и затаенная мечта о том, что осталось в далекой дорогой Грузии, и полноценным человеком он чувствовал себя лишь в те минуты, когда рождалась строка или когда появлялась возможность думать о доме. Однажды в наряде Мирзе неудержимо захотелось записать стихи, которые внезапно нахлынули на него. Он присел на лафет орудия, прислонил тут же винтовку, вынул записную книжку и начал писать тупым карандашом: «Взгляните — мое сердце, тысячу раз измученное, изрешетили ветер, ночь и холод. Вы говорите о каком-то чистом (нетронутом) цветке вместо моих безмолвных слез. Я помню

86 035340
012 0110333

лишь — ветер безрадостно нес, раскачивая, судьбу беспризорную. Вы бессовестно, о, бессовестно, да, бессовестно лжете, сударь. Корабль мой у вспененных волн не просил спасения, не просил удара. У меня — биография без детства, и этим я исключителен на этом свете». Лампочка на столбе бросала тусклый свет на орудия, и их дула холодно поблескивали.

Интересно, который теперь час? По двору ходит часовой. Слышно, как он ходит. Вокруг спят уставшие за день солдаты. Порой кто-то что-то бормочет во сне или застонет. И снова тишина, только во дворе — размеренные шаги часового. Интересно, который теперь час? Над головою окно. На противоположной стене тень дерева, освещенного лунным светом. Дерево раскачивает ветер — тень мечется по стене, и, как в детстве, перед глазами Мирзы возникают одна за другой самые невероятные картины. Иногда тень почти соприкасается с деревом — это тогда, когда оно клонится к стене. На соседних нарах лежит Гуревич — длинный, нескладный юноша с впалой грудью и по-детски незавершенным лицом, покрытым светлым молодым пушком. Поразительно — он как будто никогда не спит. Во всяком случае у Мирзы создалось такое впечатление. Когда бы он ни проснулся, он всегда слышит его тихое певучее бормотание. Потом он понял, что Арон Гуревич бормочет стихи. Стихи и сблизили их в дальнейшем. Стихи и скрипка. Гуревич, наверное, был единственным солдатом, который явился в армию со скрипкой. Как только выдавалась свободная минута, он садился где-нибудь в уголке и играл. Солдаты добродушно посмеивались и слушали, и не подозревали, что их огрубевший слух ласкают божественные мелодии Баха, Моцарта, Бетховена, Брамса. Мирза тоже не мог похвастаться музыкальной эрудицией, но чутье подсказывало ему, что этому нескладному пареньку были доступны совершенно новые, неведомые ему измерения, и он в глубине души хотел сблизиться с ним. Однако Гуревич был очень замкнут и неразговорчив, он жил в каком-то своем мире, и никто из окружающих его не интересовал.

Теймураз Маглаперидзе. Мирза Геловани.

Именно Арона Гуревича избрал своей мишенью сержант, человек жестокий, мелкий, для которого самым большим удовольствием было помыкать своими подчиненными. Он называл Гуревича «несчастным интеллигентишкой», заставлял выполнять самую тяжелую работу и, довольно хихикая, смотрел, как тот надрывается. Он даже хотел было отнять у него скрипку, но этого уже не допустили солдаты — они заступились за «интеллигентишку» и поставили сержанта на место. С Мирзой, в котором сержант инстинктивно чувствовал глухое, но сильное сопротивление, у него тоже было столкновение. После этого столкновения сержант уразумел, что с Мирзой ему лучше не связываться, и теперь, побаиваясь его, оставил в покое и Арона Гуревича, и маленького казаха Ваута Исмаилова, над которым тоже любил издеваться. Оба вздохнули свободно, оказавшись под покровительством Мирзы. А однажды ночью, когда в казарме все уже спали, Гуревич тихонько окликнул Мирзу: «Вы спите?» «Нет». «Я хотел бы вам что-то сказать, если позволите». «Разумеется». «Знаете ли, я вам бесконечно благодарен! Бесконечно! И если это возможно, прошу вас считать меня своим другом». «Я буду рад, Гуревич». «Так получилось, что в жизни дороже всего для меня музыка и стихи. Разрешите, я почитаю вам». «Что может быть прекраснее стихов и музыки!» «Вы так думаете? Правда так думаете, или просто говорите мне в утешение?» «Нет, Гуревич, я действительно так думаю». «Спасибо. Так я почитаю вам...» И Гуревич дрожащим от волнения, хриплым шепотом стал читать Уитмена. Потом Мирза читал ему Важа, Галактиона вперемешку со своими стихами, умалчивая о том, что они его. Он читал и переводил по мере своих возможностей. А в казарме сладко спали бритоголовые парни и видели во сне матерей, родные поля, своих любимых. Так прошла ночь, в окно уже заглянул рассвет, и когда протрубили подъем, Гуревич с воспаленными от бессонницы глазами благодарно прошептал Мирзе: «Я так счастлив, что встретил вас».

Так подружились Арон Гуревич и Мирза Геловани. Они стали поддержкой друг для друга и вместе старались украсить тяжелые армейские будни поэзией.

живущей в сердце каждого из них, щедро одаривая ею друг друга.

А события между тем стремительно разворачивались: в 1940 году нацистская Германия одним ударом захватила Бельгию, Голландию, Норвегию. Над ратушами их столиц развевались знамена со свастикой. Наступил черед Франции. Поль Рейно произнес по радио речь: «Мы защитим Париж, мы будем сражаться за каждый квартал, за каждый дом...» — сел в автомобиль и вместе с правительством сбежал в Бордо. Париж был объявлен открытым городом, и 14 июня в столицу Франции вступили фашисты.

К тому времени часть, в которой Мирза проходил службу, была переброшена из Харькова на север, в ленинградском направлении.

Перед отправкой Мирза пишет большое письмо писателю Раждену Гветадзе. Это письмо во многих отношениях является интереснейшим документом, и, так как оно никогда не публиковалось, я привожу его целиком:

«Уважаемый Ражден!

Я пишу Вам из Харькова. Это мой последний день в Харькове. Вечером я уезжаю отсюда, и кто знает, может вернусь, а может — нет. И сейчас, когда я задумался, кому написать мне свое прощальное письмо, то не обнаружил в своей памяти ни одного лица, которого бы не коснулась тень, ни одного человеческого сердца, которое счел бы достойным этого. И вот я пишу Вам, так как Вас я всегда поминаю добром... Так или иначе, делаю я это совершенно искренне.

В обычных условиях наше обучение должно было бы закончиться 1-го июля, однако в соответствии с новым приказом закончилось оно 25-го февраля. Достичь этого мы смогли ценой занятий с 6 часов утра до 6 часов вечера и без выходных, и отлично изучили все, что было нужно. Такая жизнь даже подходит для моего сурового и выносливого характера, однако сердцу, душе все это наскучило... Я бы предпочел быть в Тбилиси, где на каждом шагу — знакомые лица.

Теймураз Маглияперидзе. Мирза Геловани.

Несколько раз я бывал на городском южном вокзале, который всегда полон грузинами. Едут опаленные солнцем парни, и когда эшелон останавливается, гудят замерзшие вагоны:

«Ваи ме чемо, ваи ме чемо венахо...»¹.

Некоторые специально, ради забавы отстают от эшелона, слоняются по городу, потом усталые являются в городскую комендатуру и просят отправить их дальше. В комендатуре они ничего не понимают, бессильно разводят руками, пока их снова не везут куда-то, чтобы они могли на ближайшей станции нагнать свой эшелон.

Я, простой солдат, не думаю о себе. Я думаю о них, о возвращенных на мчади смуглых парнях, и мне жалко их семьи, оставшиеся без сыновей (наша семья тоже в таком положении после того, как взяли и моего брата), и мне хочется кричать во всю силу голоса, чтобы вернули их грузинской земле. Только бы вернули их, а я пусть стану жертвой первой же пули.

Пусть Вас не удивляет то, что я написал. Ведь может же существовать человек, который так думает, мучается, но молчит.

Вы еще не знали меня, но сумели увидеть меня таким, каков я есть. «О нем нужно позаботиться...», — сказали вы, но никто не позаботился обо мне, а когда я собственными силами выбрался на дорогу, меня забрали... В краткий срок обучили меня военному искусству — как легче убить врага. Оказалось, это значительно проще, чем думать о синтаксисе, и на этом поприще я непременно преуспею... Интересно сражаться там, где никогда не сражались твои предки...

Вы напечатали мое первое стихотворение, должно быть, вам же следовало бы позаботиться и о моей первой книге, и с Вами же я хочу поделиться всем, что волновало меня и что волнует меня теперь.

Находясь тут, я иногда думал о жизни, о поэзии, о моей будущей слабой книге, которую я считал только началом. Даже не началом, а неким средством приобретения права голоса, после чего в будущем я надеялся приобрести право сказать другое, сказать смелее, но все это как-то мелькнуло и исчезло, и я не знаю

¹ «Горе мне, горе мне, мой виноградник...»

теперь — что случилось с Мирзой Геловани, у которой была великая мечта и великая вера в свою победу.

Для чтения у меня нет времени, иной раз пересматриваю «Курс автомобиля». Все остальное, наверное, и не мое дело, так как я должен идти и убивать, чтобы не быть убитым.

Вот так-то! Завтра меня уже тут не будет. Впереди — дорога и вопросительный знак. Позади остается обида и грусть. Пропорция не нарушена, а только видоизменена.

Вам, возможно, покажется ненормальным это мое письмо, Вы можете подумать, что я боюсь или жалуясь. Нет! Я только хотел сказать, что на меня по ошибке навесили номер и лишили меня собственного имени! Я только хотел проститься с Вами... Желая Вам всего наилучшего!

Мирза Геловани
8.III.1940 г. Харьков».

Как видите, Мирза обладал удивительно обостренной интуицией — он предвидит надвигающийся конец, и ему тяжело. Но это — не жалоба слабого человека. Невозможно равнодушно читать строки, посвященные смуглым грузинским парням: «Только бы их вернули, а я пусть стану жертвой первой же пули». Трудно написать такие слова, а еще труднее выполнить сказанное. Мирзе под силу было и первое и второе, что он и доказал через каких-то четыре года.

А беспокойная солдатская жизнь между тем шла своим чередом. Мирза привык к обстановке, к людям и уверенно занял среди них свое место. И начальство, и солдаты относились к нему с уважением. «Мой ничтожный опыт в военном деле и вообще в жизни завоевал мне уважение товарищей и старших по чину», — пишет Мирза в одном письме и тут же продолжает: — «Я удивительно наловчился говорить по-русски. В свободное время рассказываю моим русским товарищам о грузинских писателях. Я рад, что они полюбили меня. Они добрые парни, а некоторые из них даже украдкой заботятся обо мне». Пройдет какое-то время, всего несколько месяцев, и Мирза напишет сестре следующее:

Теймураз Маглаперидзе. Мирза Геловани.

«Армия немало хорошего дала мне, дорогая моя. Тут я узнал по-настоящему людей и жизнь в их подлинной глубине, сложности и красоте. Тут я узнал, как дорого любящее сердце и как мы мало ценим его. Тут я увидел, как меняется человек в зависимости от условий, в которых он находится, как он приноравливается к действительности. Тут я преодолел много трудностей, и это льстит моей гордости. Тут и без книг и без профессоров яснее ясного то, над чем столько бьются и книги, и профессора, а все равно не могут найти объяснения столь понятной житейской истины. Ты не можешь представить, как беспокойна и все-таки привлекательна солдатская жизнь. Тут даже обычные предметы совсем иначе воспринимаются человеком... Когда я иду по улице, мне все кажется, что все меня рассматривают, как существо необыкновенное, у которого иные чувства и иное сердце по сравнению с обыкновенными гражданами».

Так и живет Мирза. Скоро он станет «средним командиром», нашьет на рукав маленький красный треугольничек и будет возглавлять двадцать своих товарищей. Так и живет Мирза — свыкается, приноравливается, старается поделиться сердечным теплом с ближними, и только порой ему невыносимо хочется «грузинского хлеба, грузинского вина, грузинского воздуха», грузинской речи, и тогда он уединяется, чтобы скрыть от окружающих свою боль. И вдруг однажды приходит такая телеграмма: «Еду Москву, буду проездом Харькове. Встречай. Гванца». Мирза бессознательно сжимает в кулаке скомканную телеграмму и плачет.

2.

Он в сотый раз прошел из конца в конец перрон харьковского вокзала, выкурил бог знает какую по счету папиросу, прикуривая новую от окурка предыдущей, купил газет, бессмысленно, не понимая ни слова, просмотрел их и тут же запихнул в урну, несколько раз, не ощущая вкуса, пил пиво у пивного киоска, потом снова ходил, ходил взад и вперед в толпе, среди спящих и спешащих куда-то людей с че-

моданами и узлами. Время ползло невыносимо медленно. Он почистил сапоги у чистильщика — старика армянина, и в его будке, среди фотографий Орловой и Утесова, смотрел на свое похудевшее, загоревшее лицо в маленьком зеркальце. Понравится ли оно такое Гванце? Но разве это теперь имеет значение? Только бы она приехала, только бы увидеть ее, коснуться ее. И вдруг всем существом он понял, как виноват перед ней, как нехорошо, как жестоко поступил с ней. Последние три или даже четыре месяца он не написал ей ни одного письма. Сжав зубы, со слезами на глазах читал он ее отчаянные, полные тревоги за него письма и не отвечал на них. В минуту одиночества и горечи он почему-то решил, что все, кроме родных, забыли его, а Гванца если и пишет, то лишь из жалости и из чувства долга. Ему не нужна ничья жалость! Он и сам проживет! Письма Гванцы стали приходиться реже, и наконец совсем перестали приходиться, и Мирза со злорадством думал: «Оказывается, как я был прав». Теперь же, на вокзале, все его «теории» рухнули, и он понял, понял навсегда, что значит для него Гванца, их отношения, и уже ничего не хотел на этом свете — только бы увидеть ее поскорее. И еще его мучило раскаяние. А когда остановился поезд и в дверях вагона появилась Гванца — в белом, с золотыми своими косами, Мирза задыхаясь бросился к ней и оба онемели. Они смотрели друг на друга и молчали... Вот ее глаза — в них беспредельная любовь к нему, вот ее губы — между ними, когда она улыбается, сверкают ослепительно белые зубы. Вот ее косы, толстые, золотые — на ее плечах. Неужели это действительно она, Гванца, перед ним? А может, это сон? Нет, не сон — он видит и чувствует, как Гванца касается пальцем сперва его лба, потом — носа, потом — шеи и смеется: «Что это с нами? Здравствуй, Мирза!»

Следующий московский поезд уходил в 11 часов вечера, и в их распоряжении был весь день. Правда, у Мирзы увольнительная была лишь до шести, но какое это имело значение! Они сдали вещи Гванцы в камеру хранения, купили для нее билет, и тут возник вопрос:

«Куда идти?» «Разве гостье задают такие вопросы?» смеялась Гванца. В это время у перрона остановился пригородный поезд. Счастливая мысль осеняет Мирзу, недолго думая, он схватил Гванцу за руку, и вот они бегут к открытому летнему вагону. Людей много. В основном это усатые крестьяне и пышные крестьянки с мешками и корзинами. Звучит звонкая украинская речь. Стиснутые в толпе, тесно прижатые друг к другу, трепещущие и счастливые молодые люди не могут посмотреть друг на друга.

А поезд идет, гремит по украинской степи. Поля, поля, выбеленные хаты, фруктовые сады, кудрявые ивы, а на горизонте — ветряные мельницы, которые всегда ассоциируются с Дон-Кихотом.

Маленькая белая платформа. Тут они сходят. Сразу за платформой начинается спуск, проселочная дорога сбегает к широкой реке, к утонувшему в зелени селу, а справа — тропинка. Она ведет к фруктовому саду. Гванца и Мирза вступают на эту тропинку и идут между деревьями, усыпанными красными вишнями. Тут и там — стога свежескошенной травы. Пройдя заросли ежевики, они наткнулись на шалаш садовника, вошли... В прохладной полутьме одурманивающе пахнет травой. Сели... Солнце, синее небо, спелые вишни, аромат свежескошенной травы и — тишина.

«Расскажи о Тбилиси»...

«Что рассказать?»

«Все, что хочешь. Мне все интересно».

«А меня ничего не интересует, кроме того, что мы вместе».

...Золотые волосы Гванцы волнами ложатся на зеленую траву. Она видит солнце, синее небо, красные вишни и синие, как небо, глаза Мирзы...

Окончание следует

5940
002-1170933

К 200-ЛЕТИЮ
ГЕОРГИЕВСКОГО
ТРАКТАТА

ХОТЯ древнерусское государство и находилось вдали от Грузии, а его границы не достигали Кавказа, грузины и русские, не будучи даже близкими соседями, были издревле знакомы. В результате исследования древних памятников — грузинских и русских, армянских, греческих и других — выясняется, что контакт между Киевской Русью и Грузией был налажен еще в древности. Установлено, что в X веке грузины и русские уже знали друг друга (в научной литературе убедительно показано, что эти народы могли получать сведения друг о друге при посредстве византийцев, осетин, хазар, армян и албанцев, а встретиться они могли в Византии и даже на Кавказе).

Вскоре это знакомство переросло в интенсивные взаимоотношения, интересная картина которых предстает перед нами по дошедшим до нас немногочисленным документальным данным о русско-грузинских отношениях в древности. Достаточно упомянуть несколько фактов: в 1154 году великий князь Киевский Изяслав Мстиславович женился на дочери грузинского царя; в 1185 году сын известного русского князя Андрея Бо-

Леван МЕНАБДЕ

**ПО ПУТИ
СБЛИЖЕНИЯ**

голюбского (около 1111—1174) Юрий (Георгий) стал супругом царицы Тамар.

Это были глубоко продуманные действия грузинских и русских государственных деятелей, любыми путями стремившихся к установлению тесных политических связей с целью сближения своих стран.

Большой урон развитию этих отношений нанесли монголы, почти одновременно завоевавшие обе страны. Усиление так называемой Золотой Орды надолго прервало взаимоотношения между Россией и Грузией.

С новой силой возобновились они после усиления Московского княжества, ставшего в XV веке оплотом необъятных русских просторов, борцом за государственное и национальное единство великого русского народа, за его свободу, мощь и независимость. Москва превратилась в центр политической жизни России, ее международных связей.

Параллельно с формированием и укреплением Московского государства рушилось государственное единство Грузии.

Ко второй половине XV столетия единое грузинское государство существовать перестало, его место заняли мелкие царства и княжества. Между различными политико-административными единицами разгорелась внутренняя борьба. Ее обострение осложняло положение грузинского народа, еще более ослабляло страну. В этой ситуации насущной необходимостью стала солидарность и единомыслие грузин, объединение разрозненных царств и княжеств. Но существовавшее в стране положение исключало эту возможность. Многолетняя неравная борьба с врагами показала, что, опираясь лишь на собственные силы, Грузия уже не может справиться с постоянными набегами окружавших ее магометанских государств. Зудучи не в состоянии сохранить свою независимость, грузины повели настойчивый поиск ориентации. Не раз наши предки обращались к Западной Европе, призывая ее к объединению сил против иноверцев-магометан. Но их усилия не дали желаемых результатов.

После усиления России Московское централизованное государство становится «притягательным центром и опорой для братских народов, боровшихся против иноземных поработителей». Обратились к Москве и грузины, возлагавшие на Россию свои надежды, связанные с избавлением от захватчиков. Хорошо понимая роль и значение централизованного

русского государства, они при выборе ориентации особое значение придавали внутренней мощи России. Правильно оценивая существующее положение, разбираясь в реальных государственных интересах России, связанных со странами Ближнего Востока, грузины надеялись на помощь со стороны русских. Несмотря на то, что Грузия в результате связи с Россией испытала немало невзгод, подвергаясь многочисленным нашествиям турков-османов и иранцев, она не теряла надежды на своего северного союзника даже вопреки ряду политических неудач.

Ранние взаимосвязи русских и грузин не имели особых военных и политических последствий. На том этапе Россия не могла оказать Грузии активной помощи, но ее надежда была непоколебима — мощь русского государства укрепляла в грузинах национальное чувство и вселяла уверенность в избавление от агрессии магометан.

В XVIII веке русско-грузинские взаимоотношения вступили в решающую фазу. Совпадение интересов обеих стран подготовило благоприятную почву для их совместных действий. Россия смело вступила на политическую арену в Передней Азии, и ориентация Грузии стала более очевидной. Вера в то, что лишь Россия в состоянии спасти грузин от уничтожения, крепла вместе с усилением военно-политической мощи русского государства. Грузины понимали, что в противовес экономически и культурно отсталым Ирану и Турции Россия являлась единственной силой, покровительство которой могло сохранить национально-государственную и культурную самобытность Грузии.

В сороковых годах XVIII столетия границы России сместились к Кавказу. На передний план выдвинулся закавказский вопрос. 24 июля 1783 года в Георгиевске был подписан «Дружественный трактат». Россия брала на себя покровительство и защиту Картли и Кахети. 3 ноября 1783 года русские войска вступили в Тбилиси, а в 1801 году Картлийско-Кахетинское царство присоединилось к России.

Этот акт имел величайшее значение: Грузия усилилась политически, окрепла экономически, стала развиваться ее культура. Несмотря на субъективный реакционный характер политики царизма, объективно воссоединение с Россией имело для Грузии благотворные последствия. Она была избавлена от магометанской агрессии и сохранила себя физически.

Прекратилась междоусобная война феодалов, было по-
кончено с политической и экономической раздробленностью.
Страна отмежевалась от восточного магометанского окружения
и вместе с братским русским народом стала на путь прогресса.
Она начала залечивать многовековые раны и возвращать себе
отторгнутые завоевателями свои исконные территории (Ад-
жария, Самцхе, Джавахети). «Утихомирилась давно уже не
видевшая покоя, усталая страна, отдохнула от разорения и
опустошения... исчезли полыхающие пожары, в которых гибли
дома и имущество наших предков, канули в вечность граби-
тельские набеги» (И. Чавчавадзе).

История полностью оправдала и блестяще подтвердила
правильность пути, избранного нашими предками. Союз и
дружба с русским народом спасли Грузию от турко-осман-
ского и иранского насилия, прорвав цепь агрессии, избавили
страну от многовекового рабства, обеспечили ее государствен-
но-политическое и социально-экономическое развитие, благо-
даря чему грузины сумели сохранить свое национальное ли-
цо и богатую национальную культуру.

Интенсивные русско-грузинские государственно-политиче-
ские взаимоотношения подготовили почву для культурных и
научно-литературных связей этих стран. Даже по дошедшим
до нас немногочисленным материалам можно судить, что
русско-грузинские культурные отношения имеют давнюю ис-
торию. Как уже отмечалось, грузины и русские издавна
встречались в Византии, и не исключено, что их литератур-
но-культурные контакты зародились там же, в частности на
Афоне, где находился Ивирон — крупнейший грузинский
культурно-просветительский центр.

Знаменателен тот факт, что упоминание о русских встре-
чается в древних памятниках грузинской письменности. Мы
можем сослаться на летописцев (Сумбат Давитисдзе, автор
«Летописи Картли», анонимный историк XIV века и др.), на
представителей церковной, духовной литературы (Евфимий
и Георгий Мтацмидели) и светской литературы (Чахруха-
дзе).

Начиная с XI—XII веков сведения о Грузии и грузинах
часто содержатся в русских источниках. В русской летописи
упоминается немало моментов из истории Грузии. Так, кро-
ме вышеотмеченного факта говорится о бегстве сюда одного из
половецких вождей Отрока (по грузинским источникам Ат-

рака Шараганисдзе), о нашествии врага на Грузию в 1224 году, о распространении здесь в 1346 году эпидемии захвате нашей родины Тамерланом, о прибытии послов кахетинского царя Александра (1476 — 1511) к великому князю Московскому Ивану III (1462 — 1505) и т. д.

Не лишено интереса и то обстоятельство, что в «Житии» Константина (Кирилла) — просветителя славян есть сведения о грузинской письменности, а в «Житии отцов» Киево-Печерского патерика сказано об участии грузинских живописцев в оформлении главного храма Киево-Печерской лавры.

Отметим здесь же, что влияние грузинского искусства зафиксировано в архитектуре Чернигова и Владимира, в живописи Новгорода (Нередица), в орнаментах некоторых рукописей (в свою очередь следы работы русских живописцев видны в Марткопи, Гречи, Алаверди и т. д.).

В XI веке на русском языке появился популярный душеполезный роман «Мудрость Балавара» («Повесть о Варлааме и Иоасафе»), переведенный с греческого. Сейчас почти общепризнано, что автором греческого текста, точнее переводчиком с грузинского на греческий, является замечательный представитель нашей национальной культуры Евфимий Мтацмидели (955—1028).

Не исключено, что русским переводчикам была известна история этого сочинения и связь его с грузинской литературой.

В XV веке в России был создан заслуживающий внимания литературный памятник «Повесть о Вавилонском царстве», одним из героев которого является Обезанин (Обез) — грузин.

Грузинская тематика (исторические эпизоды, сказания, легенды и пр.) постепенно проникает в русскую литературу и закрепляется в ней. Особый интерес представляет «Повесть о царице Динаре» (XVI в.) — первое полное сочинение о Грузии и грузинях.

В XVII — XVIII столетиях Россия стала пристанищем для грузин, хотя и потерпевших поражение в многолетней борьбе с захватчиками, но не павших духом и непреклонных. Примечательно, что наши предки, стремясь к союзу с Россией, имели не только военно-политические цели. После того

как турки-османы взяли Константинополь (1453 г.) и отрезали Грузию от западных культурных центров, наша страна оказалась в окружении магометанских государств. Грузины стремились к культуре, просвещению. После того как оживились русско-грузинские государственно-политические связи, они воочию убедились в том, что уровень культуры и просвещения в России довольно высокий. По их мнению, «Россия — это новые Афины» (И. Хелашвили), «солнце на юге стало восходить с севера» (М. Бараташвили), засияло «солнце мудрости с севера» (И. Хелашвили). Поэтому стремление грузин к России, наряду с политическими причинами, усиливалось и культурно-просветительскими интересами.

Передовые круги грузинской общественности хорошо осознавали значение русской науки и просвещения. По инициативе мудрых и прозорливых грузинских правителей молодые люди направлялись в Россию для получения образования. Одни (Д. Саакадзе, Г. Бараташвили, И. Хелашвили и др.) учились в Московском и Петербургском университетах, другие окончили славяно-греко-латинскую академию. Грузинские философско-теологические семинарии в Тбилиси (1755 г.) и Телави (1758 г.) основывались на русских традициях. Более того, даже устав этих учебных заведений был заимствован у Московской академии. Перевод его осуществил выпускник Московской академии Г. Бараташвили (1746 — 1821), первый ректор Телавской семинарии. Учебники для слушателей грузинских семинарий также были переведены с русского языка.

Большую роль в интеллектуальном развитии грузинской интеллигенции сыграл Московский университет. В свою очередь, грузинские деятели — Г. Багратиони (1712 — 1785), Н. Зандукели (1768 — 1832) и другие также внесли свою лепту в его основание и дальнейшее развитие.

Грузины, нашедшие приют в России, не только были избавлены от угрозы нашествия захватчиков, но и получили возможность продолжать прерванную на родине научно-литературную деятельность, приобщиться к знанию, культуре. Это обстоятельство укрепляло в них надежду на получение военно-политической помощи со стороны России.

Москва, Петербург, Астрахань, Моздок, Миргород и другие пункты стали важными очагами грузинской культурно-литературной деятельности. Грузины-эмигранты были близки к русскому царскому двору, сотрудничали и поддер-

живали дружеские отношения с видными русскими деятелями, имели тесный контакт с местной общественностью, активно участвовали в государственной жизни, проводили многогранную научно-просветительскую и творческую деятельность: создавали оригинальные сочинения и переводили книги с русского языка, как собственно русские, так и переводные (с греческого, сербского, французского, немецкого и т. д.).

С русского языка на грузинский была переведена богатая научная, военная, политическая, техническая и художественная литература. Благодаря стараниям грузинских писателей, подвизавшихся в России, на грузинский язык переведены сочинения: Кирилла Туровского (XII в.), П. Могилы (1596 — 1647), И. Копинского (сконч. в 1634 г.), С. Яворского (1658 — 1728), Ф. Прокоповича (1681—1736), В. Тредьяковского (1703 — 1769), М. Ломоносова (1711 — 1765), А. Сумарокова (1718 — 1777), Д. Фонвизина (1744 — 1792), Ф. Эмина (1735 — 1770), В. Левшина (1746 — 1826), М. Хераскова (1733 — 1807), Г. Державина (1746 — 1816), Н. Карамзина (1766 — 1826) и других.

В грузинской литературе значительное место было отведено русской тематике. Стал развиваться жанр мемуарно-описательной литературы. создавалось множество сочинений, насыщенных сведениями об истории и географии России, описаны русские города (Москва, Петербург, Тула, Воронеж и т. д. Вспомним, например, сочинения В. Орбелиани, Г. Ратишвили, Р. Данибегашвили, И. Хелашвили, Т. Багратиони и др.).

В произведениях грузинских авторов нельзя не заметить восторг, вызванный усилением военно-политической мощи России. Они с чувством радости писали о славных победах русских, восхваляли видных полководцев (А. Багратиони, М. Бараташвили, Д. Гурамишвили, П. Ларадзе, Д. Багратиони и др.).

Грузинские писатели основательно изучили русскую культуру, литературу, народное творчество и науку, расширив тем самым свой умственный горизонт и способствуя дальнейшему развитию отечественной науки и культуры.

В соответствии с интенсивным ростом и развитием русско-грузинских культурно-литературных отношений усилилось

Леван Менабде. По пути сближения.

влияние русской культуры, науки и литературы и на грузинскую действительность. Немало грузинских деятелей испытывали влияние русской литературы и народного творчества. Достаточно назвать тут стихотворения М. Бараташвили («На лад черничко», «Не смущай меня, дорогая» и др.) и Д. Гурамишвили («Ах, как скучно», «Не дам покою, пойду с тобою», «Казак, душа правдивая» и т. д.).

В XVII — XVIII веках и русские, в свою очередь, лучше узнали Грузию и грузин. Определенный вклад в знакомство и сближение этих народов внесли неоднократные приезды русских посланников в нашу страну. Имеется в виду приезд Ф. Волконского и А. Хватова (1637 — 1640), Ф. Елчина и П. Захарьева (1639 — 1640), Е. Мышецкого и И. Ключарева (1640 — 1643), Н. Толочанова и А. Ивлева (1650 — 1652) и других. Дипломаты, направляемые российским царским двором в Грузию, познакомились со страной, детально и тщательно описывали географическое положение грузинских царств и княжеств, их политическое и экономическое состояние, население страны, местную военную организацию и т. д. Тем самым они играли роль посредника в процессе взаимного ознакомления этих народов.

Много сведений о грузинах сообщили русским читателям путешественники, пилигримы, купцы (например, В. Гагара, который в 1634 году побывал в Картли, А. Суханов, дважды посетивший Грузию (1637 — 1640, 1652 и др.). Немало интересных сведений о грузинских культурно-просветительских центрах, находившихся за пределами нашей родины, сохранилось у И. Вишенского, В. Григоровича-Барского и других.

В свою очередь много данных о Грузии и грузинах предоставляли в распоряжение русских деятелей дипломаты, посланники от грузинских царств и княжеств, направляемые в Москву и Петербург, — в частности игумен Харитон (1618 г.), архиепископ Феодосий (1624 г.), митрополит Никифор (1635 г.), Росеп Георгиевич (1736 г.), А. Амилахвари и С. Макашвили (1752 г.), Л. Багратиони и католикос Антоний (1774 г.) и другие. Любопытно, что не раз в состав посольства включались и писатели — Т. Габашвили, В. Габашвили и др.

Особо следует оговорить такой чрезвычайно важный момент в знакомстве и сближении наших народов, как прибытие грузинских царей и царевичей в Москву и Петербург

Ираклий Давидович — 1653 г., Теймураз Первый — 1658 г., Арчил — 1685 г., 1699 г., Вахтанг VI — 1725 г., Теймураз Второй — 1761 г. и т. д.). Сопровождавшие их лица, обособившись в России, устанавливали тесные связи и родственные отношения с местным населением, что способствовало оживлению русско-грузинских контактов. Накапливались и расширялись сведения о нашем народе, о нашей стране. Об этом свидетельствует тот факт, что русские писатели XVIII века в своих произведениях упоминают Кавказ, Грузию, Колхиду, Иверию, в частности М. Ломоносов («На день восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны»), В. Майков («Стихи ко празднеству императорской Академии художеств»), И. Богданович («Душенька», «Стихи великой монархини»), М. Херасков («Россиада»), В. Петров («На взятие Измаила»), Г. Державин («На возвращение из Персии графа В. А. Зубова»), А. Радищев («Бова», «Песнь историческая») и другие.

Знакомству русских с Грузией служат работы И. Гюльденштедта (1745 — 1781), С. Бурнашева (1743 — 1824) и других. Особо важную роль сыграло и то обстоятельство, что грузины, обосновавшиеся в русских городах, вели разностороннюю культурно-просветительскую и научно-литературную деятельность. Заслуживают внимания опыты перевода произведений грузинской литературы на русский язык и их публикация, имевшие целью заинтересовать русского читателя письменными памятниками грузинской литературы (например, С. Эгнаташвили (С. Игнатъев) перевел «Барамгуландамиани» — «Похождения новомодной красавицы принцессы Гуланданы и храброго принца Барамы» (1773 г.), А. Амилахвари «Историю Георгианскую» (1779 г.); в 1804 году был опубликован перевод «Нового шиха» Д. Багратиони, а в 1815 году — «Путешествие в Индию» Р. Данибегашвили и др.).

Значительно возрос интерес к истории и культуре Грузии. В 1730 году была напечатана грузинская азбука, а в 1737 — 1744 годах — русско-грузинская. В 1758 году вновь опубликована «Азбука грузинская», а в начале XIX века — «Грамматика грузинского языка» (на русском языке). Свои работы о Грузии на русском языке печатали Д. Багратиони (Краткая история Грузии, 1796 г.), В. Багратиони (Письма,

1812 г. и Обозрение истории грузинского народа, 1814 г.), А. Туманишвили (Описание грузинского города Гори, 1816 г.) и другие.

Постепенно сведения о Грузии стали проникать в русскую научную литературу. Видный русский историк В. Татищев (1686 — 1750) в «Российской истории», которую он писал в 1727 — 1738 годах, упоминает грузинские племена, географические пункты и т. д. Известный общественный деятель Н. Новиков (1744 — 1818) напечатал материалы о посольстве Н. Толочанова и А. Иевлева в Грузии. Он же опубликовал материалы о прибытии Теймураза Первого в Москву, о принятии русского подданства царем Арчилем и другие. Особо следует отметить в этом отношении «Опыт исторического словаря» Н. Новикова. В московской и петербургской прессе того периода печатались интересные материалы о Грузии и грузинах, на страницах русских журналов помещались произведения грузинских авторов.

В самом начале XIX века (1802 г.) вышло в свет «Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ее состоянии» писателя и ученого Е. Болховитинова. Это первая русская книга, в которой упоминается Руставели и приводятся отрывки из первого русского перевода «Витязя в барсовой шкуре».

Е. Болховитинов дал краткий обзор истории и культуры Грузии, состояния церковных дел и уровня образования, ознакомил своих соотечественников с присоединенной к России страной и ее населением. Несмотря на некоторые ошибочные положения (а в книге они встречаются довольно часто), вклад Е. Болховитинова в ознакомление русской общественности с грузинской культурой несомненно значителен.

Его книгой пользовались многие русские ученые и писатели. Мы можем назвать Г. Державина (1743 — 1816) — «Рассуждение о лирической поэзии или об оде», Н. Карамзина (1766—1826) — «История государства Российского», А. Шишкова (1799—1832) — «Кетевана или Грузия в 1812 году».

Наконец необходимо упомянуть еще один опыт ознакомления русской общественности с грузинской культурой, в частности с древнегрузинской литературой. Мы имеем в виду «Краткий взгляд на грузинскую литературу» С. Додашвили (1805—1836) — первую критическую статью, в которой автор по возможности полно характеризует и оценивает древне-

44735940
00101033

грузинскую письменную культуру. Заслуживает внимания тот факт, что статью С. Додашвили (опубликованную в Грузии в 1832 году на грузинском и русском языках) вскоре (в том же году) перепечатала одна из московских газет, а в 1836 году она была включена в русский перевод «Истории древних и новых литератур, наук и изящных искусств» А. Жарри де Манси.

Выше указывалось, что во многих городах России появились грузинские поселения, грузинские колонии, многие из которых стали важным очагом культурно-литературной деятельности грузин. Здесь уместно остановиться на Московской и Петербургской колониях и представить краткий обзор литературно-просветительской деятельности их обитателей.

Как государственно-политический центр России, Москва с давних времен являлась очагом интеллектуально-литературной жизни грузин. Для тех из них, кто оказался на чужбине, это средоточие творческой мысли и культурной жизни русского народа стало также родным и близким.

Хотя прежде грузины часто посещали Москву (вспомним многократные приезды послов, в разное время побывавших в столице русского государства), тогда они не могли создать своих поселений, заложить основы грузинской колонии, ибо жили здесь временно и вскоре возвращались на родину.

Основы грузинского поселения в Москве были заложены лишь в середине XVII века, когда в столицу России прибыл кахетинский царевич Ираклий Давидович. Некоторые члены свиты царевича Ираклия остались в Москве на постоянное жительство и породнились со здешними семьями.

В 80-х годах того же столетия в Москву направился царь Арчил (1647—1713). Блестящий представитель грузинской художественной литературы, глава нового литературного движения, неутомимый борец за чистоту родного языка, известный поэт и дидактик-моралист, он не рассчитывал остаться в Москве навсегда. Его задачей было установить непосредственный контакт с русским царским двором, возвысить тем самым свой авторитет в глазах внешних и внутренних врагов, получить финансовую и военную помощь, освободить свою порабощенную захватчиками страну.

Из-за неупорядоченности внешнего и внутреннего положения Грузии царь Арчил обратил свои взоры к России и в

Леван Менабде. По пути сближения.

1685 году прибыл в Москву с семьей и многочисленной свитой в надежде получить от нее помощь, но на этом этапе Россия не могла удовлетворить его просьбу и спасти Грузию от агрессии магометан. Так царь Арчил и все сопровождавшие его лица остались в Москве, слившись с местной грузинской колонией.

Русское правительство радушно приняло новых грузинских эмигрантов, оказало им финансовую поддержку. Для них были выделены жилые дома и поместья, пожалованы крепостные крестьяне и т. д.

Несмотря на всю сложность положения, царь Арчил плодотворно трудился на культурно-литературном поприще, сочинял, переводил, знакомился с работой русской типографии, разрабатывал план создания грузинской типографии, мечтал о печатании грузинских книг. С 1699 года он навсегда обосновался в Москве, установив с Россией еще более тесные связи, как личные, так и литературные и политические.

Грузинские эмигранты основали довольно большое поселение во Всесвятском (Всехсвятском), которое называли иногда Сесенцкой или Свенцкой (ныне это место находится в пределах Москвы, в районе станции метро «Сокол»).

Обитатели московского грузинского поселения — царь Арчил, члены его семьи (Александр Арчилович — генерал-фельдцейхмейстер русской армии, Дареджан Арчиловна) и близкие (Д. Туркистанишвили, Б. Сологашвили, Д. Кавкасидзе, Г. Чхаидзе, Д. Маграквелидзе, П. Некадзе и др.) вели плодотворную культурную, в частности литературную деятельность. Несмотря на то, что упомянутые выше лица находились вдали от своей родины и в последнее время потеряли даже надежду на возвращение в родные края, деятельность их была многогранной. Будучи на чужбине, они по мере сил трудились для обогащения сокровищницы грузинской культуры, стремились пополнить грузинскую литературу новыми оригинальными памятниками и переводными сочинениями. Жизнь их была преисполнена мыслями о своем народе, отчизне, своей национальной культуре.

Центральной фигурой московской грузинской колонии был царь Арчил, с именем которого связаны укрепление и пополнение ее новыми литературными силами, охрана и расцвет Донского монастыря — блестящего памятника русского зодчества, основание в селе Всесвятском грузинского поселения, заложение основ типографско-издательской деятельности.

собираение библейских книг, подготовка их к печати и начало печатания, сочинение новых художественных произведений перевод с русского.

Известно немало памятников, относящихся к московскому периоду оригинальной творческой деятельности царя Арчила («Восхваление и порицание царей» и др.). Именно в Москве осуществил он перевод «Александрии», «Хронограф», «Православного исповедания веры» и других сочинений.

Плодотворной была деятельность и его соратников, которые вместе с ним или по его инициативе и при его поддержке создавали оригинальные сочинения, переводили с русского языка, составляли сборники, множили рукописи и т. д. Так, сын его Александр Арчилович (1674—1711) не только занимался о реорганизации русской артиллерии и подготовке ее кадров, но мечтал об усилении военной мощи Грузии, принимая с этой целью определенные шаги. Он перевел книгу по артиллерии, в которой приводятся наставления практического характера, описание снаряжения и т. д. Под руководством Дареджан Арчиловны (1665—1740) Г. Чхеидзе осуществил перевод учебника Ф. Прокоповича «Первое учение отрокам», напечатанное в Москве (1739 г.).

В 1725—1726 годах туда прибыла большая группа грузинских деятелей во главе с Вахтангом VI (1675—1737), также присоединившаяся к грузинской колонии.

Колоритный представитель древнегрузинской общественной жизни, Вахтанг VI являлся общепризнанным руководителем интеллектуальной деятельности грузин, талантливым организатором культурно-творческой работы, ее идейным вождем и практическим предводителем, мастером художественного слова и широко образованным ученым, известным меценатом и мудрым государственным деятелем, самоотверженным борцом за светлое будущее своей родины.

Понимая, что в час испытания только Россия могла быть верным союзником и покровителем его отчины, Вахтанг VI лишь в сотрудничестве с ней видел надежную перспективу освобождения своей родины. Он открыто продемонстрировал свою политическую ориентацию, прибыв в Россию с многочисленной свитой, чтобы установить непосредственный контакт с российским царским двором и самому урегулировать вопросы русско-грузинских взаимоотношений. Вахтанг VI

Леван Менабде. По пути сближения.

стремился приблизить тот желанный день, когда объединенные русско-грузинские войска выступят против магометан и его многострадальная отчизна будет освобождена от захватчиков.

Русское правительство выделило в Москве (вначале на Пресне, а позже — на Арбате) новоприбывшим место для жительства, пожаловало поместья (близ нынешнего города Горький), назначило ежегодное пособие и т. д.

Вахтанг VI и его приближенные временно обосновались в Москве. Мечтая о возвращении в Грузию, они готовились к участию в борьбе за освобождение своей родины. Но время шло, а желанный день не наступал. Будущее пока не сулило никаких надежд.

Грузины развернули в Москве многогранную культурно-творческую деятельность. Вахтанг VI сочинял стихи («Любовные», «Маджама» и др.), излагал в стихотворной форме «Амиранасариани». Он предпринял шаги с целью возобновить печатание грузинских книг в Москве, продолжил работу над учебником по химии и т. д. По его примеру и под его непосредственным руководством в литературно-просветительскую работу включились многие представители московской грузинской колонии. Это были Вахушти Багратиони — выдающийся ученый, известный географ и историк, непревзойденный картограф и плодовитый переводчик, М. Бараташвили — замечательный мастер грузинского стихосложения и тонко чувствующий поэт, Н. Орбелиани — опытный сотрудник Тбилисской типографии, известный литургист и искусный каллиграф, З. Орбелиани — бессменный и неутомимый сотрудник Сулхана-Саба Орбелиани, каллиграф, Е. Туркистанишвили — переводчик, М. Кавкасидзе — каллиграф, Г. Геловани — переводчик и другие. Постепенно к ним присоединялись приезжавшие из Грузии писатели (В. Орбелиани, Д. Саакадзе, Д. Багратиони и др.). В 1729 году это был Д. Гурамишвили, чье поэтическое крещение произошло в Москве, во дворце Вахтанга VI (на Пресне).

Изучение культурно-литературного наследия московского грузинского поселения убеждает в том, что умственный кругозор местных грузинских деятелей был весьма широк, а литературные интересы очень многогранны. Московские грузины создали немало оригинальных произведений, перевели русские и европейские памятники научной и художественной ли-

ратуры, подготовили прекрасные сборники (так, в Москве
вершилось составление «Арчилиани» — полного собрания
чинений А. Багратиони, здесь была написана также «Про
» — «Поучение о сложении стихов» М. Бараташвили, соз-
ны глубоконаучные труды В. В. Багратиони и т. д.).

Потомки грузинских эмигрантов внесли определенный
клад и в историю русской культуры. Очень большое значе-
ие имело возобновление грузинского типографско-издатель-
ого дела в Москве, принявшего благодаря деятельности
Багратиони, Х. Гурамишвили и других грузинских книж-
ников довольно широкий размах.

Оторванные от родины грузины безгранично полюбили
Москву и это нашло отражение в их сочинениях. Представи-
тели различных поколений грузинских эмигрантов, обосно-
вавшихся в России, описывали Москву, восхваляли ее, худо-
жественными средствами отображали жизнь и быт местных
грузин (царь Арчил, М. Бараташвили, Т. Габашвили, И. Ге-
ванишвили, И. Хелашвили, Г. Ратишвили, И. Багратиони,
Б. Багратиони, П. Ларадзе и другие). Путешественник Р. Да-
нибегашвили писал, например: «Благодаря провидению я
достоился видеть Москву. Сердце, давно уже горевшее силь-
ным желанием узреть сию знаменитую, древнюю столицу
России, наконец удовлетворилось в своем желании, и удов-
летворение сие тем для него восхитительнее, что я в самом
уществе видел те великолепные здания, те колоссальные
рамы и башни, ту многочисленность жителей, то богатство
их, ту благоразумную пышность, и — что всего дороже —
ту образованность умов, ту кротость и доброту сердец, то
гостеприимство и приветливость, о которых до сих пор знал
по одним только отзывам».

«В городе Москве мы ждали солнца», — в этих словах
Гурамишвили выражал веру и надежду грузин, переселив-
шихся в Россию и обосновавшихся там.

Московская грузинская колония сыграла значительную
роль в политическом и культурном сближении русского и
грузинского народов.

Не менее притягивал к себе грузин и другой столичный
город — Петербург. Еще до его основания на берегах Невы
русские сражались с врагами русского народа упомянутый
А. Багратиони. Впоследствии сюда часто приезжали гру-

ван Менабде. По пути сближения.

зинские государственные деятели, писатели и ученые, работники типографии и каллиграфы. Постепенно закладывались основы грузинской колонии.

В 1725 году и последующие годы в Петербурге находились Вахтанг VI и его приближенные. Известны некоторые факты их творческой деятельности: Вахтанг VI написал в Петербурге несколько стихотворений, его сын Вахушти — перевел русские книги, М. Кавкасидзе — размножил рукописи и т. д.

В 1736 году «в стольном граде Петербурге находилось прошедший сквозь многие испытания» В. Орбелиани, который по совету соотечественников посетил Петергоф и детально описал его сады и дворцы.

В 1761 году в Петербург прибыл Теймураз II, представивший российскому царскому двору план совместной борьбы с Ираном. Теймураз близко сошелся с петербургской общественностью, принимал участие в праздничных собраниях, посещал спектакли (в Петергофе). Побывал он и в типографии Российской Академии наук, где в его присутствии был набран и напечатан текст на русском и грузинском языках. Известны лирические произведения Теймураза II («Акростихи», «Прения с Руставели» и др.), созданные им в Петербурге.

Особенно широкий размах деятельность грузин здесь получила после прибытия сюда представителей грузинского царского двора с многочисленной свитой. В начале XIX века в Петербурге собралось много грузинских литераторов (Иоанн Давид, Баграт, Теймураз и другие, Багратиони, Г. Ратишвили, Г. Авалишвили, И. Хелашвили, П. Кебадзе, С. Табидзе, Г. Пиралишвили, П. Ларадзе и другие). Российская столица стала важнейшим очагом грузинской культуры.

В Петербурге грузины глубоко и основательно изучали русско-европейскую науку и литературу, развернули многогранную и плодотворную творческую (оригинальную и переводческую) деятельность, должным образом усвоили и перевели на грузинский язык наследие многих мыслителей, дополнили и обогатили сокровищницу отечественной литературы, подняли на высокую степень национальную культуру. Все это было обусловлено как их литературными интересами и усердием, так и местным культурным окружением, кипучей литературной жизнью.

Многие грузинские научные и художественные сочинения («Калмасоба» или «Хождение по сбору» И. Багратиони

«Новая история» Д. Багратиони, «История Иверии» Т. Багратиони и др.) были созданы в Петербурге. С русского языка была переведена художественная, историческая, географическая, медицинская и другая литература. Здесь невозможно перечислить всех переводчиков и все переведенные ими памятники, но нельзя не отметить, что именно благодаря грузинским деятелям в Петербурге — Т. Багратиони и С. Размадзе — впервые на грузинском языке зазвучали пушкинские строки. С русского языка были переведены произведения многих европейских авторов (Вольтера, Ж. Ансилона, А. Фергюссона и др.).

Развернулась типографско-издательская деятельность, было напечатано немало грузинских книг («Мученичество святой царицы Кетеван» Д. Багратиони в 1819 г., «Самоучитель» Г. Пиралишвили в 1820 г., а также сочинения, переведенные с русского языка Б. Багратиони, Т. Месхишвили и другими). Там же на русском языке вышли книги грузинских авторов, некоторые из которых были здесь уже названы («Новый ших» Д. Багратиони. «Письма» В. Багратиони и др.).

Особо следует отметить интенсивную научную деятельность грузинских эмигрантов, увенчавшуюся созданием петербургской картвелологической школы, основателями и блестящими представителями которой были почетный член Российской Академии наук, уже упомянутый выше Т. Багратиони, академик М. Броссе (1802—1880) и профессор Д. Чубинашвили (1814—1891). Нельзя переоценить вклад, внесенный этой школой в развитие картвелологии.

Дружба и научно-литературное сотрудничество достойных сынов русского и грузинского народов наглядно проявляются во взаимоотношениях петербургских грузинских и русских культурных деятелей.

Петербургское грузинское поселение в значительной мере способствовало дальнейшему сближению и дружбе между Россией и Грузией.

«НАСТАЛА НОВАЯ ПОРА...»

ОЦЕНИВАЯ факт породнения Грузии и России, буржуазно-националистическая историография отмечает только отрицательные стороны учреждения новых порядков управления в нашем крае, видит в них лишь средство национально-колониального гнета, умалчивая об объективно положительных результатах этого явления.

Между тем более совершенная новая политическая система в корне подорвала старую феодальную систему «сатавадо», способствовавшую разжиганию внутренней междоусобицы и препятствовавшую экономическому развитию страны. А вступление ее в состав русского государства избавило грузинский народ от систематических вторжений иноземных захватчиков и грабительских набегов дагестанских феодалов, разорявших Грузию, доведших некоторые ее провинции до состояния полного опустошения. Грузинский писатель и общественный деятель Илья Чавчавадзе писал: «С этого замечательного дня Грузия обрела покой. Покровительство единоверной страны рассеяло страх перед внешним врагом, довлевший над Грузией. Пребывавшая в постоянной тревоге, истерзанная страна обрела покой, избавилась от войн и нашествий, от разорений и погромов... Настала новая пора... мы вступили в пору мирного существования».

Обезглавив реакционную феодальную группировку, правительство России избавило грузинский народ от губительной братоубийственной междоусобицы и анархии, использовать которые в своих интересах стремились шахский Иран и Османская империя, а также стоявшая за их спиной английская и французская буржуазия. Поэтому присоединение Грузии к России имело важное международное значение. Был нанесен удар по агрессивным планам Ирана и Турции в Закавказье, которые разделялись и поддерживались Англией и Францией.

С помощью русского народа сбылась вековая мечта грузинского народа: в результате ряда победоносных кавказских войн против Турции и Ирана Грузия была в значительной степени восстановлена в своих исторических границах. Центром движения за

Присоединение всех грузинских земель стала Восточная Грузия. С присоединением Чаро-Белакани, Джавахети, Самцхе-Саатабаго, а также Аджарии и побережья Черного моря с удобными гаванями Сухуми, Поти, Батуми, откуда раньше велась оживленная торговля пленными, Грузия вновь обрела возможность выхода к Черному морю. Таким образом, для нее открылись важные пути, связавшие ее с Россией, с государствами Ближнего Востока и Европы.

Почву для культурного и хозяйственного подъема Грузии, вовлечения ее в общероссийский и европейский товарообмен подготовляли также правительственные мероприятия по реконструкции и благоустройству таких имевших не только стратегическое, но и хозяйственное значение дорог, как Военно-Грузинская, пути через Сурамский перевал в Западную Грузию, из Тбилиси в Гянджу, Тери, Цалку и другие, по строительству мостов, переправ и т. п. Началось судоходство по реке Риони до Орпири. Для расширения экономических связей центра Закавказья с промышленными центрами России большее значение имело открытие судоходства по реке Куре от Соляни до Мингечаура, откуда грузы сухопутным путем доставлялись в Тбилиси. С 50-х годов XIX века началось регулярное судоходство по Черному и Каспийскому морям.

Налаживанию экономических и торговых связей способствовали также установление почтовой связи с крупными городами России, регулирование таможенных цен и введение русской денежной системы. Постепенно возрастал ввоз в Грузию промышленных товаров из России и из-за границы, а торговый капитал сосредотачивался в руках местных купцов. Оживление торговли и ремесел стимулировалось пребыванием здесь русских войск и правительственных чиновников.

Резко сократилась, а затем полностью прекратилась торговля пленными, губительно сказывавшаяся на производительных силах Грузии. Кроме того, принимались энергичные меры против стихийных бедствий — голода и эпидемических заболеваний.

Решающее историческое значение имел тот факт, что русское централизованное государство спасло грузинский народ, находившийся на грани физического уничтожения.

После присоединения к России население Грузии стало неуклонно возрастать. Так, если в 1800 году численность населения составляла здесь 675 тысяч человек, то в 1865 году она возросла до 287 тысяч человек. Особенно заметно росло число городских жителей и прежде всего в Тбилиси, который вскоре стал административно-торговым и культурным центром Грузии и Закавказья, а

по словам К. Маркса, и «центральным пунктом русской власти в Азии».

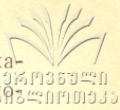
Относительная стабилизация внутреннего и внешнего положения Грузии способствовала укреплению и развитию сельского хозяйства. К середине XIX века в связи с возросшим спросом на хлеб значительно увеличился посев зерновых культур за счет возделывания запущенных угодий и освоения новых земель. Принимались меры для восстановления и развития садоводства и виноградарства. Несмотря на господство феодально-крепостнического строя, в деревне постепенно развивались товарно-денежные отношения.росло производство хлеба, вина, габака, хлопка на продажу, осваивались новые сорта технических культур (табака, чая, хлопка и др.). Налаживался ввоз в Грузию более усовершенствованных сельскохозяйственных машин. Особое значение уделялось развитию шелководства и животноводства.

Капитализм стал проникать не только в сельское хозяйство, но и в старые ремесленно-кустарные промыслы. Грузия постепенно становилась рынком сбыта и источником сырья для развивавшейся русской промышленности. В Грузии, и в частности в Тбилиси, появились мануфактурные предприятия, основанные на эксплуатации труда наемных рабочих. В 1850 году в Тбилиси были открыты механический и чугунолитейный заводы. В Ткибули началась разработка залежей полезных ископаемых. Развивались торговля и товарообмен между городом и деревней.

Таким образом, Грузия, связав свою судьбу с судьбой России, стоявшей на более высокой ступени экономического и культурного развития, в рамках всероссийского рынка получила необходимые условия для развития своих производительных сил. На этой основе прогрессировал процесс общественного разделения труда, росло товарное обращение.

Несмотря на то, что царское правительство проводило политику разжигания вражды между народами, входившими в состав Российской империи, грузинский народ в результате более тесного экономического и культурного общения еще больше сблизился с русским народом, с братскими народами Закавказья и с другими народами России. Определенную роль играл и тот факт, что грузинский народ не испытывал религиозного угнетения, как исповедовавший одну веру с русским народом.

Царское самодержавие вместе с дворянами-помещиками жестоко эксплуатировало трудящиеся массы русского народа, но еще большей эксплуатации подвергались входившие в состав Российской империи нерусские народы.

В Грузии царизм проводил политику насильственной русификации, стеснял развитие грузинского языка и культуры, жестоко подавляя освободительное движение, натравливал народы империи друг на друга. В проведении этой реакционной политики царизму помогали прислужники русской буржуазии — великодержавные шовинисты и грузинские феодально-монархические, а впоследствии буржуазные националисты.

Но разгул реакции после разгрома Наполеона проявлялся не только в отношении культур нерусских народов, но и в усилении полицейского надзора за русской передовой культурой, революционной общественной мыслью, подвергавшейся беспощадным гонениям со стороны царизма.

В. И. Ленин всегда подчеркивал необходимость различать две России: Россию царизма, помещиков и буржуазии и Россию прогрессивных народных масс. «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре, — указывал он. — Есть великорусская культура Пуршкевичей, Гучковых и Струве. — но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова». (Полн. собр. соч. Изд. пятое, т. 24, с. 129).

В революционно-освободительной борьбе против царизма и крепостничества, развернувшейся в России в XIX веке и получившей отражение в русской классической литературе и в передовой общественной мысли, ведущую роль играл великий русский народ, его прогрессивные силы. Грузинская культура на протяжении всего периода установления и укрепления культурно-политических связей между грузинского и русского народов испытывала огромное влияние русской культуры.

Прогрессивные деятели Грузии видели единственно правильный путь развития своего народа в совместной борьбе с русским народом против царского самодержавия и его политики социального и национального угнетения, за уничтожение сословных привилегий. В 1865 году Нико Николадзе поместил в «Колоколе» Герцена статью о положении крестьян в Грузии с резкой критикой царизма. Так и русские революционные демократы, Николадзе писал о большом значении крестьянской общины для проведения радикальных преобразований общественной жизни: «Наилучший идеал государственного и общественного строя, по нашему мнению, ранее всего может осуществиться в России, поскольку русский народ по возможности сохранил главный принцип этого строя — общинность». Исходя из этого, Николадзе связывал будущее Грузии с русским народом, с Россией. «По этим соображениям мы думаем, что, по-

Александр Брегвадзе. «Настала новая пора...»

сколько Грузия свяжет свою судьбу хотя бы даже с современной Россией, она скорее получит наилучшее устройство своего положения, чем тогда, когда у нее союзником или покровителем будет какая-либо нация Европы, не говоря уже о Турции или Иране, которых в Грузии не желает ни один здравомыслящий человек».

Такую же оценку присоединению Грузии к России давали своих произведениях и публицистических статьях другие видные писатели и прогрессивные общественные деятели — А. Церетели, Г. Церетели, Я. Гогешвили, Важа Пшавела.

XIX век в Грузии, так же как и в других составных частях Российской империи, характеризовался чрезвычайным обострением классовой борьбы. Стихийные восстания крестьян расшатывали устой грузинского феодального общества, заставили царское правительство провести крестьянскую реформу и в Грузии. Хотя она и не уничтожила крепостничества полностью, личное освобождение крестьян наряду с другими буржуазными реформами ускорило развитие зародившихся капиталистических отношений. Но пережитки крепостничества сохранились вплоть до победы социалистической революции в Грузии.

Развитию Грузии по капиталистическому пути способствовало строительство фабрик, заводов и Закавказской железной дороги, которая связала главные города и порты Черного и Каспийского морей с промышленными центрами России. О значении развития капитализма в России для хозяйства Грузии В. И. Ленин писал: «Русский капитализм втягивал... Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости, — создавал себе рынок для своих фабрик» (Полн. собр. соч., т. 3, с. 521). Эти особенности становления капитализма на Кавказе обусловили преимущественное развитие в Грузии добывающей и обрабатывающей промышленности. Несмотря на быстрое развитие капиталистического способа производства, Грузия в промышленном отношении в значительной мере отставала от промышленных центров России.

По мере утверждения капиталистического способа производства формировался новый класс грузинского общества — промышленный пролетариат, который с самого начала был интернациональным. Формирование рабочего класса Грузии ускорило процесс национальной консолидации грузинского народа. Экономическая и политическая консолидация страны обеспечила подъем грузинской культуры. Таким образом, с утверждением капиталистических отношений завершилось формирование грузинской буржуазной нации.

В 70-х годах XIX века в Грузии под влиянием народнического движения в России создаются народнические кружки, в 90-х годах стал распространяться марксизм. Одними из первых пропагандистов идей марксизма в Грузии были русские ссыльные социал-демократы.

Колониальный гнет царизма и усиление капиталистической эксплуатации вызывали протест и ожесточенное сопротивление грузинского народа.

В конце XIX — начале XX веков центр мирового революционного движения переместился в Россию. Российский рабочий класс стал активной политической силой, способной революционным путем решить задачу свержения самодержавия. Возглавила революционный натиск народов России созданная и закаленная Лениным Коммунистическая партия — боевой авангард мирового пролетариата.

Рабочее движение в Грузии развивалось как неразрывная составная часть общероссийского пролетарского движения. Грузинский рабочий класс также встал на путь решительной борьбы с царизмом, проводившим антинародную колониальную русификаторскую политику, и с буржуазным национализмом — злейшими врагами пролетарского интернационализма.

Грузинские буржуазные националисты, исходя из своих классовых интересов, сотрудничали с царизмом, проводившим политику разжигания национальной розни и разъединения трудящихся масс многонациональной России. Широко развернув шовинистическую пропаганду, они стремились задуть рабочее движение и подорвать многовековую дружбу русского и грузинского народов.

Когда в 1901 году грузинское дворянство праздновало столетие присоединения Грузии к России, в первом номере ленинско-искровской газеты «Брძоლა» была опубликована статья Ладო Кецохели, в которой с марксистских позиций разъяснялось прогрессивное значение присоединения Грузии к России. Статья заканчивалась пламенным призывом к рабочим Закавказья: «У нас тоже будет свой праздник, но только тогда, когда нынешнее правительство с его опорой падет и развалится, когда... знамя, на котором написано: «Подлость и насилие», будет заменено нашим знаменем с надписью: «Свобода и дружба!» Так объединимся же, друзья, объединимся, рабочие всех стран, для победы над самодержавным гнусным правительством!!!»

Под непосредственным руководством русских пропагандистов марксизма и последователей В. И. Ленина — М. И. Калинина,

---

Александр Бреговдзе. «Настала новая пора...»

Ф. Е. Афанасьева, С. Я. Аллилуева, В. К. Курнатовского, Н. И. Лузина и других были созданы ленинско-искровские социал-демократические организации, группы и кружки, которые в 1903 году объединились в Кавказский союзный комитет РСДРП. В его состав входили А. Цулукидзе, Л. Кецохели, М. Цхакая, И. Сталин и другие, а также русские социал-демократы В. Бобровский, Д. Посталовский и другие. Социал-демократические организации Закавказья превратились в подлинный оплот большевизма на Кавказе. (Очерки истории Коммунистической партии Грузии. Тбилиси, 1982, с. 70.).

Когда в начале XX века в России поднялась революционная волна, трудящиеся Грузии также поднялись на борьбу против самодержавия. Пролетариат промышленных центров Грузии и Закавказья вместе с русским пролетариатом выступал против своих классовых врагов. Рабочее движение Грузии вступило в качественно новый этап массовых политических выступлений.

Революционные идеи марксизма-ленинизма постепенно получали распространение и в среде сельских тружеников Грузии. В период первой буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. особый размах получила революционная борьба крестьянских масс в Грузии. Гурийский комитет РСДРП создал военно-революционный штаб для руководства восстанием. Вооруженные отряды крестьян захватывали помещичьи земли, почту, телеграф, разрушали железнодорожные линии и разоружали полицейских. Почти год власть была в руках революционных крестьянских комитетов.

Под руководством большевистской партии российский рабочий класс в союзе с крестьянством привел многонациональный народ России к победе Великой Октябрьской социалистической революции.

Опыт истории показал, что путь братского единства и союза избранный русским и грузинским народами, был единственно правильным. Буржуазные националисты всех мастей, в том числе и меньшевики, пытались нарушить братский союз грузинского народа с великим русским народом, сеяли рознь и вражду среди народов Закавказья. В период господства в Грузии меньшевиков и иностранных интервентов рабочие и крестьяне России сочувственно относились к той борьбе, которую вели трудящиеся Грузии против злейших врагов грузинского народа — буржуазных националистов, меньшевиков, против насилия иностранной буржуазии.

Рабочие и крестьяне Грузии с надеждой смотрели на молодую Советскую Россию, ожидая помощи от нее.

Под руководством большевистской партии русский народ и на

этот раз оказал братскую помощь грузинскому народу. В феврале 1921 года в Грузии была свергнута диктатура меньшевиков.

Грузинский народ приступил к осуществлению ленинского плана социалистического строительства. В условиях капиталистического окружения, когда еще не были ликвидированы пережитки буржуазного национализма, по непосредственному указанию В. И. Ленина с целью максимальной мобилизации всех сил и средств для социалистического строительства Коммунистическая организация Закавказья добилась федеративного объединения советских республик Закавказья. 13 декабря 1922 года I Закавказский съезд Советов принял решение о создании Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики в составе Союза ССР.

Инициатором и организатором прочного государственного объединения всех народов Страны Советов, которое диктовалось объективным ходом исторического развития и задачами построения социалистического общества, была Коммунистическая партия.

Выступая на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета Союза ССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 60-летию юбилею СССР, Первый секретарь Компартии Грузии Э. А. Шеварднадзе говорил: «Что за сила влекла грузин к братству с северным соседом? Надежда на избавление от физического и духовного уничтожения? Безусловно, да. Но не только это! Главное, что притягивало Грузию к России, — это сама природа великого русского народа; его универсальная одаренность, как сам Ломоносов; его яркий, солнечный талант, как сам Пушкин; его совесть, нравственность, мудрость, как Толстой; его самопожертвование, готовность отдать жизнь во имя социальной справедливости, — все то, что принесли с собой декабристы, революционные демократы и в конечном итоге — большевики; его прозорливость и классовое самосознание, его революционный дух, его гений, гений великого Ленина».

В дружной семье равноправных республик за годы Советской власти в результате неуклонного проведения Коммунистической партией ленинской национальной политики Грузинская Советская Социалистическая Республика превратилась в могучую индустриально-колхозную страну с высокоразвитой социалистической производительностью и национальной по форме культурой.

Так же как и другие советские народы, грузинский народ с помощью великого русского народа успешно борется за построение коммунизма, за претворение в жизнь великих пророчеств Коммунистической партии.

Гурам ШАРАДЗЕ

«ЭТО МИЛЕЙШИЙ НАРОД...»

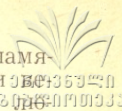
ЛЕВ ТОЛСТОЙ, АННА
ТАРСЕЙ И ГРУЗИНСКИЙ
КНЯЗЬ МАЧУТАДЗЕ

ПРЕДПРИЯТОЕ известными английскими грузиноведами — братом и сестрой Уордроп в 1894—1895 годах путешествие по Грузии произвело на них неизгладимое впечатление. Вот как описывает Марджори Уордроп в своем дневнике первые дни их приезда в Гурию в январе 1895 года: «Обещав кутаисцам вернуться, мы выехали из города и вместе с нашими учтивыми хозяевами посетили в Нигоити супругу князя Мачутадзе. Эта добрая женщина-англичанка пользуется большим уважением. Она постоянно заботится о своих крестьянах. В трудные минуты они часто обращаются к ней за советом или утешением. Ее дети владеют английским языком так же свободно, как и грузинским. Семья Мачутадзе приняла нас весьма гостеприимно».

Кто же она, эта «отзывчивая англичанка», «супруга нигоитского князя Мачутадзе»?

Марджори Уордроп ничего не говорит об этом, однако согласно бытующему в семье Мачутадзе преданию, записанному Ж. Непаридзе, ею, бесспорно, должна была быть Анна Тарсей. По дошедшим до нас первоисточникам, в частности с учетом воспоминаний, дневниковых записей и личных писем Льва Толстого и членов его семьи, нам удалось восстановить ее подлинную биографию.

Анна Тарсей родилась в 1845 году в Лондоне. Она была дочерью садовника Виндзорского королевского дворца. Через одного англи-

канского пастора Лев Толстой в 1866 году пригласил ее для воспитания своих детей. В Ясную Поляну Анну Тарсей привезла ее старшая сестра Джени, работавшая гувернанткой в семье соседей Толстых — князей Львовых (ее воспитанник Г. Е. Львов впоследствии стал премьером Временного правительства).

Анна Тарсей жила в Ясной Поляне и воспитывала старших детей Льва Толстого с 1866 по 1872 год (тогда у него уже были Сергей, Татьяна, Илья, Лев и Мария). Вся семья Толстых привязалась к ней и глубоко уважала ее за добрый характер и внутреннюю культуру. Более того, Татьяна Сухотина-Толстая ставит Анну Тарсей в один ряд с отцом и матерью: «Трем людям я особенно благодарна за свое детство: ОЦУ, руководившему нашей жизнью и поставившему нас в те условия, в которых мы выросли, МАТЕРИ, в этих условиях украсившей нам жизнь всеми теми способами, которые были ей доступны, и ХАННЕ, нашей английской воспитательнице, прожившей в нашей семье шесть лет и давшей нам столько любви, заботы и твердых нравственных основ...» (Сухотина-Толстая Т., «Воспоминания», М., 1976, с. 29).

Второй сын Л. Толстого — Илья с удовольствием вспоминает годы, проведенные в воспитательнице — англичанкой, хотя точно не может припомнить, когда Анна Тарсей приехала к ним, так как тогда был еще слишком мал. Но она на-

всегда осталась в его памяти спокойным, добрым и совсем человеком. Дети били ее и слушались во всем. («Мои воспоминания», М., 1969, с. 41).

А вот что писала свояченица Л. Толстого — Татьяна Берс, в замужестве Т. А. Кузминская: «Она (Анна. — Г. Ш.) мне нравится. Живая, энергичная, умелая с детьми и веселая. Соня ею очень довольна. Так же одобряет ее и Лев Николаевич. Дети уже успели привыкнуть к ней...» (Кузминская Т., «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне». Тула, 1973, с. 427).

Слова своей тети подтверждает и старшая дочь писателя — Татьяна Сухотина - Толстая: «Мой отец выписал Ханну прямо из Англии для нас троих, старших детей. Он находил, что самая лучшая литература, особенно детская, — это английская. Он хотел, чтобы мы выучились по-английски, чтобы читать эти книги в оригинале...»

Помню ее всегда веселой, всегда бодрой, с работой в руках, — зиму и лето в чистом светлом ситцевом платье и фартуке...

Первое, что она завела у нас, — это ежедневные ванны для всех детей. Для этого она выписала ванну из Англии, которая и до сих пор жива в Ясной Поляне. Потом она обратила внимание на чистоту полов, найдя, что у нас их не умеют чисто мыть. Она выписала такие специальные щетки для мытья полов из Англии

и сама мыла ими пол в нашей детской.

Из Англии же она выписала нам коньки, на которых выучила нас кататься». («Воспоминания», М., 1976, с. 40—43). В письмах ко Льву Толстому, написанных в разное время, Софья Андреевна не раз упоминает Анну Тарсей. Вот, например, как описывает она ее первый приезд в Ясную Поляну 12 ноября 1866 года в своем письме ко Льву Толстому, находившемуся в то время в Москве: «Мой милый друг Лева! Перед обедом вдруг является длинная англичанка Львовых с своей сестрой — нашей англичанкой. Меня даже всю в жар бросило, и теперь от волнения голова болит. Ну, как тебе все это передать? Она такая, какую я ее и ожидала. Очень молодая, довольно мила, приятна лицом, даже хорошенькая очень».

Личность Анны Тарсей занимает определенное место и в «Дневниках» Софьи Андреевны (См. С. А. Толстая, «Дневники», I—II, М., 1978, с. 80, 86).

Поделится своим первым впечатлением о встрече с Анной Тарсей и только что возвратившийся из Москвы в Ясную Поляну Лев Толстой в своем письме к Г. С. Башилову от 19 ноября 1866 года: «Я нашел всех здоровыми и англичанку очень удовлетворительною» (Толстой Л., ПСС в 90 томах, т. 61, М., 1953).

В марте 1870 года Лев Толстой писал Д. А. Дьякову: «Ханна уехала, но по всем вероятностям, вернется. Она очень желает вернуть-

ся, и мы надеемся. Дети скучают по ней, особенно Таня» (там же). В записке к Т. А. Кузминской, посланной в апреле 1873 года, Л. Толстой прямо говорит: «Кнецер (тульский врач, лечивший Льва Толстого. — Г. Ш.) как-то раз, заговорив о Ханне, заметил, что другой такой он не видывал, и все так о ней думают, кто ее знает и сравнивает с другими» (т. 62, с. 22).

Интересно, что А. Тарсей явилась прототипом одной из героинь романа «Анна Каренина». В научной литературе отмечается, что воспитанная Анной Карениной английская девушка названа Львом Толстым в честь Анны Тарсей (См. С. А. Толстая, «Письма к Л. Н. Толстому», «Academia», М.-Л., 1936, с. 69).

В последние годы жизни в Ясной Поляне здоровье Анны Тарсей серьезно пошатнулось, она заболела лихорадкой. Озабоченная Софья Андреевна сообщала об этом Льву Толстому. В частности, 28 июня 1871 года она пишет ему: «...Ханна опять больна, у ней опять лихорадка и боль в лице и зубах» (Письма, с. 103).

И Лев Толстой отвечает: «Как меня мучает ее болезнь» (т. 83, с. 132).

Как выясняется, Лев Толстой был вынужден послать Анну Тарсей для поправления здоровья в Кутаиси к свояченице — Татьяне Берс (1846—1925), муж которой — Александр Михайлович Кузминский (1843—1917) после окончания училища правоведения (в 1864 году) был следователем тульского

окружного суда. В ту пору он познакомился с сестрой жены Льва Толстого Татьяной Берс, жившей тогда в основном в Ясной Поляне. А Лев Толстой, как известно, писал «Войну и мир» именно в 60-х годах, и Татьяна Берс послужила ему прототипом Наташи Ростово-вой. В 1867 году она вышла замуж за А. Кузминского, который после женитьбы в разное время работал в судебных ведомствах Петербурга и окраин. В 1871 году он служил в Тбилиси, а с 1872 года с семьей переехал в Кутаиси. Именно к ним и послал Лев Толстой Анну Тарсей.

После этого, по словам Татьяны Сухотиной - Толстой, «между Ясной Поляной и Кутаисом установилась деятельная переписка» («Воспоминания», с. 117).

Из писем, посланных Львом Николаевичем и Софьей Андреевной в Кутаиси, мы узнаем, с каким вниманием следили они за здоровьем Анны и как нетерпеливо ждали ее возвращения в Ясную Поляну.

Софья Андреевна писала своей сестре Татьяне: «Я ей, бывало, и радость и горе — все поверяла...», или еще: «Радуюсь, что здоровье Ханны лучше. Попро-си ее всегда и побольше писать о ее здоровье. Мы все о ней часто говорим и всегда думаем... Таня очень желает ехать в Кутаис... Говорит: все мое счастье там...» (там же).

Л. Толстой, по-видимому, остро переживал разлуку с А. Тарсей. В письмах к А. Фету он не раз сетовал: «У нас все, слава богу, здо-

ровы, но новое горе, уехала наша англичанка. Ханна едет с Кузминскими в Таис, и мы остались без никого при детях...» (См. Л. Н. Толстой, «Переписка с русскими писателями», т. I, М., 1978, с. 402, 418).

В Кутаиси Анна Тарсей приглянулась грузинскому князю Дмитрию Георгиевичу Мачутадзе, который и женился на ней в 1874 году (см. С. А. Толстая, «Письма к Л. Н. Толстому», М.-Л., 1936, с. 69).

Вот как рассказывает об этом Т. Сухотина-Толстая: «...весной 1874 года мы получили от Ханниной сестры Дженни письмо о том, что Ханна выходит замуж за грузинского князя Мачутадзе.

Нас всех это известие поразило. Как? Ханна выходит замуж! Мы никогда такой возможности не могли предвидеть. И мы не знали, радоваться ли нам за Ханну или огорчаться за себя.

Полетели письма на Кавказ и с Кавказа. Ханна писала нам, как случилась ее помолвка, и звала нас в гости к себе в Кутаис.

Мы, разумеется, обещали навещать ее и звали ее и ее мужа в Ясную Поляну.

Как мы потом узнали, замужняя жизнь Ханны в первое время была далеко не счастлива. Родители ее мужа были очень недовольны женитьбой их сына на бедной иностранке. Но молодой князь не послушался своих родителей и против их воли женился на ней.

Так как старые князь и княгиня перестали давать

своему сыну средства на жизнь, то молодые жили отдельно и в первое время очень бедствовали. Ханна огорчалась тому, что разлучила сына с родителями.

Примирило их рождение первого ребенка. Когда старики узнали, что у них родился внук, и когда убедились в том, что Ханна была хорошей, любящей и скромной женщиной, они призвали молодых к себе, помирились с ними и пригласили жить вместе с ними.

Старики Мачутадзе жили недалеко от Кутаиса и занимались тем, что делали для продажи овец (?) сыр. Поселившись с ними, Ханна приняла деятельное участие в их производстве, и оно в ее руках пошло так удачно, что скоро старики передали ей все дело.

Там, в этом имении, близ Кутаиса (подразумевается село Нигойти. — Г. Ш.) Ханна провела весь остаток своей жизни.

В первое время после ее отъезда мы часто с ней переписывались. Она прислала нам карточку своей дочки, очень похожей на нее. Потом наши письма стали реже, но никогда мы вполне не прекращали с ней переписки.

Ханна писала, что она надеется когда-нибудь опять увидеть «*dear old Iasnaia*» — «милую старую Ясную» и привезти к нам свою девочку.

Ничего из этого не сбылось. Никто из нашей семьи, кроме Сережи, никогда больше ее не видал. Сережа один имел эту радость... Уже почти старым человеком он был по делу на Кав-

казе и заехал навестить нашу старую воспитательницу.

Я завидовала, потому что теряла надежды на то, что и мне когда-нибудь удастся с ней свидеться.

Потом пришло известие, что она серьезно больна. А скоро после этого мы узнали, что Ханна нашей уже нет больше в живых.

Она умерла не старухой. Ей, вероятно, было немного за пятьдесят лет» («Воспоминания», с. 157—159).

После своего замужества Анна Тарсей действительно не прекращала своей переписки с семьей Льва Толстого. Об этом свидетельствует письмо от 7 октября 1885 года, сохранившееся в архиве Софьи Андреевны (См. Лев Толстой, ПСС в 90 томах, т. 83, М., 1938, с. 520).

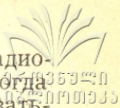
Таким образом, подводя итоги сказанному, можно утверждать, что в январе 1895 года в гурийском селе Нигойти Уордропов принимали князь Дмитрий Мачутадзе и его супруга — Анна Тарсей, родом из Лондона, бывшая воспитательница детей Льва Толстого в Ясной Поляне.

Благодаря помощи историка Нино Гогоберидзе нам представилась возможность познакомиться с некоторыми представителями многочисленного потомства Дмитрия Мачутадзе и Анны Тарсей. Это — ныне проживающие в Тбилиси Кетино и Ираклий Размадзе, Лия и Гайоз Мачутадзе, а также Теймураз Канделаки. Они поведали нам о своих предках, показали уникальные семейные фотографии.

Нельзя не вспомнить и еще об одном потомке этой семьи — Тариэле Дмитриевиче Мачутадзе, прожившем короткую, но яркую жизнь и оставившем по себе добрую память. С ученических

лет он был увлечен радиотехникой, которая тогда только начинала развиваться в Грузии. После окончания в 1933 году Ленинградского электротехнического института вернулся в

Дмитрий Мачутадзе, Минни Мачутадзе, Анна Тарсей и Дженни Мачутадзе.

Тбилиси. С 1939 года работал в системе Госкомитета авиации в Москве, а в 1940 году несколько месяцев — в Батуми. С самого начала Великой Отечественной войны Т. Мачутадзе по собственной просьбе был направлен на передовую. В Севастополе его назначают начальником службы наблюдения и связи при главной базе Черноморского флота. Вскоре ему присваивают звание инженер - капитана 2-го ранга. Замученный в гестапо, Т. Мачутадзе погиб 27 июля 1942 года в возрасте 35 лет. Его жизнь поистине можно назвать героической, о чем говорят факты и свидетельства очевидцев. Супруга Тариэла Мачутадзе — известная грузинская пианистка Гаянэ Мачутадзе — является профессором Тбилисской государственной консерватории.

У Дмитрия Мачутадзе и Анны Тарсей было шестеро детей: Дмитрий, Минни, Виктор, Дженни, Татьяна и Надежда. Из них вторая дочь — Дженни Мачутадзе — вышла замуж за своего английского кузена — Джорджа Тарсея, и их дети и внуки живут в Лондоне. По рассказу юриста Ираклия Размадзе, Джордж Тарсей, прекрасно владевший грузинским языком, был директором одного из отделений Гарриманской марганцевой концессии в Чиатура. Он явился пионером тенниса в Грузии. В Чиатура, во дворе усадьбы Церетели, Джордж устроил теннисные корты, где обучал грузинскую молодежь этой новой для нее, заморской игре. Именно у Дж. Тарсея по-

лучил первые уроки тенниса впоследствии известный советский теннисист Ян Гомер. А зять (муж сестры) Джорджа Тарсея Оскар Зиверт, который жил в Потти и руководил экспортом марганца, был первым, кто завез в Грузию футбол. На специально устроенном поле он организовывал футбольные состязания, выставляя против потийской молодежи команды из прибывающих на иностранных кораблях офицеров и моряков, сам же играл защитником. По сведениям, полученным от Бориса Пайчадзе, известного советского спортсмена, первые грузинские футболисты именно здесь научились этой игре.

В семье Ираклия Размадзе мы увидели вещи, подаренные Анне Тарсей Львом Толстым. Привлекает внимание деревянный кубок для карандашей с его письменного стола, на одной стороне которого выгравирован портрет великого русского писателя, а на другой — надпись: «Вятка»; это позволяет предполагать, что он выполнен мастером-вятичем. Кроме того, здесь хранятся три тома из собрания сочинений Льва Толстого, изданного в 1887 году — I, IV и XII тома. Остальные утеряны. На корешке каждого тома тиснение: «Подарок от автора».

Все это свидетельствует о любви и уважении, с которым относился великий русский писатель к Анне Тарсей, вышедшей замуж в Нигонти. Думается, этим можно объяснить и особый интерес Льва Толстого к прекрасному уголку Грузии

5940
10033

— Гурии и гурийцам. Впоследствии, с 1896 года, сближение писателя с Ильей и Нино Накашидзе подтвердило еще раз эту его заинтересованность.

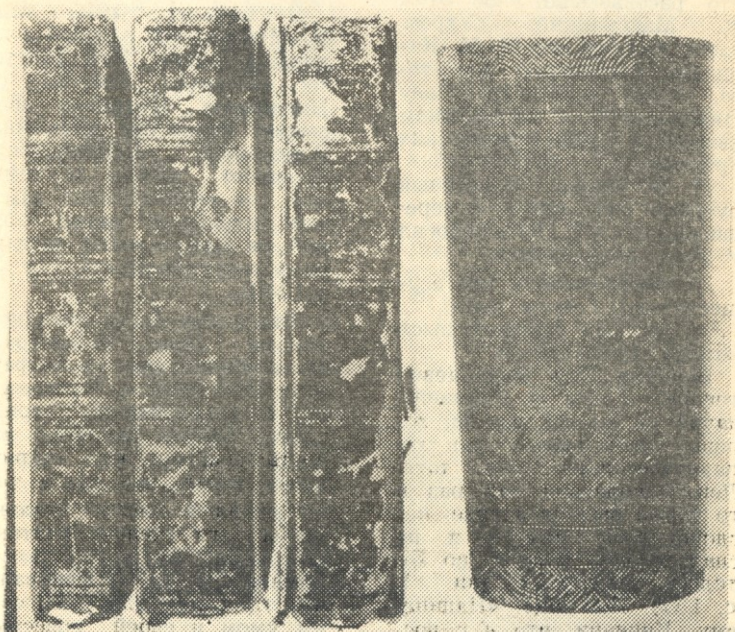
Не так давно Академия наук СССР совместно с Академией наук Словакии издала книгу личного врача Льва Толстого, словака по происхождению, Душана Маковицкого «Рядом с Толстым», 1904—1910 (Яснополянские записки) в пяти частях в 90-м томе серии «Литературное наслед-

ство»¹. В этом монументальном издании встречается не одно заслуживающее внимания высказывание Л. Толстого о грузинском народе, о его лучших сынах.

Как известно, в 1851-52 годах он проходил военную службу на Кавказе. Посетил и Тбилиси. На Кавказе началась творческая деятельность писателя.

Д. Маковицкий рассказывает: «Лев Николаевич вспо-

¹ «Литературное наследство», М., 1979, 1981.

Три тома из собрания сочинений Л. Толстого и деревянный кубок для карандашей, подаренные писателем Анне Тарсей.

минал с восхищением о Кавказе, видно было, как милы ему эти воспоминания, как радостно, счастливо протекала его жизнь там» и приводит слова Л. Толстого о днях, проведенных им в Тбилиси (кн. I, с. 152).

Известные события 1905 года в Гурин до глубины души взволновали Льва Толстого. «Нынче, — сказал Лев Николаевич, — лежал и думал, напишу гурийцам, Накашидзе, что это важно, что они делают, чтоб они продолжали» (кн. I, с. 157).

29 января 1905 года Льва Толстого посетил известный грузинский народник - революционер Михаил (Мишо) Кайхосрович Кипиани. Вот что рассказывает об этом Д. Маковицкий: «Утром здесь был грузин М. К. Кипиани, приехавший для того, чтобы рассказать Льву Николаевичу о социальном движении среди грузинских крестьян.

Н. В. Орлов (известный русский художник - передвижник. — Г. Ш.) спросил у Льва Николаевича:

— Обрадовались, что осуществятся ваши идеи?

— Да, это здравый смысл народа проявляется.

Вечером Лев Николаевич говорил о нем (о Кипиани), какой он милый, как он хорошо рассказывает, как это заинтересовало его, хотя Лев Николаевич как раз в то время был не в духе: нездоровилось ему, т. к. не спал, печень болела, но хотелось работать» (кн. I, с. 152). Или еще: «Напишу ему, Кипиани, что я с восхищением рассказываю про них (гурийцев) и волнуюсь» (кн. I, с. 152).

20 марта 1905 года Лев Толстой говорил своим близким: «За все это время было одно радостное для меня событие — гурийцы». И он начал подробно о них рассказывать» (кн. I, с. 216).

29 января 1905 года: «А гурийцы какие важные дела затронули (гурийцы перестали арендовать и обрабатывать помещичью землю, перестали обращаться к полиции и судам и завели свою администрацию). К тому, что пишу, т. е. о религии, администрации, правительстве, — иллюстрация, в статью помещу. О гурийцах я уже слышал раньше...» (кн. I, с. 153).

9 апреля 1905 года Д. Маковицкий записал следующие слова Льва Толстого: «Получил письмо от Накашидзе. Подробно описывает гурийское движение. Земельную собственность признают только за теми, кто ее обрабатывает сам... Они (гурийцы) народ горячий, не выдерживают пассивного сопротивления» (кн. I, с. 240).

Эти слова были откликом письма Льва Толстого к Илье Накашидзе от 1 февраля 1905 года: «...Если можно, то передайте им (гурийцам), какую великую радость испытал этот старик, когда узнал, что то, о чем он думал и писал столько лет и чего ученые, считающие себя мудрыми, не понимали и не признавали, что это самое для себя, своим умом и своей совестью решили тысячи людей, и не только решили, но и произвели в дело и ведут это

дело так твердо и хорошо...» (т. 75, с. 217).

В беседе с Д. Маковицким 29 января 1905 года (кн. I, с. 152) Лев Толстой так характеризует грузинский народ: «Это милейший народ, эти грузины, и умные, и кроткие, и добрые... Они такие роскошные, небережливые».

Эти бессмертные слова гениального писателя останутся одной из блестящих заглавных страниц в летописи многовековой дружбы грузинского и русского народов.

КАК БЫЛ СПАСЕН РУКОПИСНЫЙ ЛИСТ «ВОЙНЫ И МИРА»

В Литературном музее Грузии хранится автографическая рукопись известного писателя и общественного деятеля Ильи Чкония (1860—1927), подписанная его литературным псевдонимом «Т. Магмадзе» (№ 1026). Называется она «Эпизод из жизни Л. Н. Толстого» и повествует о том, как Анна Тарсей спасла один лист рукописи «Войны и мира».

По-видимому, запись эта относится к 90-м годам прошлого века, когда Илья Чкония, работая в Кутаиси (1888—1898 гг.), издавал еженедельную газету «Меурне». Очевидно, именно тогда он познакомился с проживавшей в Кутаиси и Нигойти невесткой князей Мачугадзе, англичанкой Анной Тарсей, со слов которой и записан этот случай:

«Супруга князя Дмитрия Мачугадзе, уважаемая Анна Мачугадзе (англичанка), —

читаем мы в рукописи, — до замужества жила в семье известного русского писателя графа Льва Николаевича Толстого и обучала английскому языку его детей.

Всю свою жизнь Лев Николаевич Толстой помнил заслуги госпожи Анны в деле обучения его детей. Он постоянно посылал ей свои произведения с дарственными надписями, а иногда писал письма.

Несколько лет назад Анна Мачугадзе рассказала мне об одном случае из жизни этого выдающегося деятеля России, и, думается, читателю будет интересно ознакомиться с ним.

— Лев Николаевич Толстой раз и навсегда запретил слугам прикасаться к его письменному столу. — рассказывает Анна. — Обоялся, что они вместе с мусором выметут случайно какой-нибудь листок, исписанный им. Поэтому письменный стол графа всегда убирала его супруга или я (наша рассказчица, ныне княгиня Анна Мачугадзе. — И. Ч.).

В то время гений Льва Николаевича Толстого создавал «Войну и мир». Случилось так, что прислуга, забыв о наказе барина, с особым усердием вытерла стол, прибрала рукописи и книги. Несколько часов спустя Лев Николаевич вошел в кабинет и заметил, что письменный стол прибран. Взявшись за рукопись, увидел, что в ней недостает целой страницы — половина листа обычной бумаги, исписанная от начала до конца именно в тот день.

Разумеется, в тот же миг вся семья занялась поиском

ми листка. Девушка-прислуга, убиравшая стол, клялась всеми святыми, что в вынесенном из комнаты мусоре не было и клочка бумаги... Ей поверили.

Опечаленный граф попросил нас помочь в поиске пропавшей страницы рукописи. Все охотно принялись искать, но первые два дня минули в напрасных стараниях.

На следующее утро граф сказал: если не найдется та исписанная им страничка, он не сможет продолжать работу над романом. Вчера попытался восстановить потерянную рукопись, но не смог.

Граф говорил это с такой досадой, какую и представить невозможно. На третий день я вышла пройтись по двору. В углу заметила крашенный ящик для мусора. Подумала: дай-ка поищу в нем пропавшее сокровище русской литературы. И счастье мне улыбнулось — я нашла то, что искала! Радость моя была безгранична. Побежала к графу и поднесла ему драгоценный листок.

Лицо графа засветилось от удовольствия. Он взглянул на меня сияющими от радости глазами и сказал своим задушевным голосом: — Благодарю вас, мисс! Знайте, сегодня вы спасли для русской литературы «Войну и мир»!

ГРУЗИНСКИЕ СВЯЗИ ТОЛСТЫХ

Многие представители разных поколений Толстых с давних пор с симпатией относились к Грузии.

Еще в начале XVIII столетия в Тбилиси, при дворе царя Вахтанга VI Петр Первый держал своего особого уполномоченного, гвардии подпоручика Ивана Толстого, который осенью 1722 года писал русскому императору: «Народ здешний сколько мог присмотреть во всяких случаях zelo доброжелателен к Вашему Величеству и без молитвы не помянут высокого имени Вашего» (см. Г. Пайчадзе, «К истории русско-грузинских взаимоотношений», Тб., 1960, с. 107).

Кроме того, дочь правнука Вахтанга VI Георгия Александровича Багратиони (Грузинского) Анна вышла замуж за родственника Льва Толстого — генерал-майора, графа Александра Толстого. В 1945 году исследователь Т. Чкония обнаружил у проживающей в селе Лысково Горьковской области Зинаиды Золотовой немало предметов грузинской старины и среди них фотографию Анны Георгиевны Багратион-Толстой (см. «Литературные разыскания», IV, Тб., 1948, сс. 257, 260), которая так и не была опубликована, поскольку до сих пор не обнаружена в коллекции, привезенной Т. Чкония из Лысково. Сохранился портрет Георгия Багратиони — отца жены графа Александра Толстого, потомка Вахтанга VI, предводителя Собрания депутатов дворянства Нижегородской губернии, обнаруженный в Горьковской области. Портрет выполнен масляными красками и хранится ныне

1953
191033

в Государственном музее Грузии имени академика С. Джанашиа.

Интересно отметить, что шурин Льва Толстого Александр Берс был женат на известной красавице Пати Дмитриевне Эристави, красота которой поразила венгерского художника Михай Зичи, известного иллюстратора «Витязя в барсовой шкуре», и он пригласил ее на роль херувима в своей постановке живых картин по лермонтовскому «Демону» (об этом см. С. Болквадзе, Т. Перадзе. Михай Зичи и живые картины из «Витязя в барсовой шкуре», журнал «Сабчота хеловнеба», 1960, № 11, сс. 39, 46).

Супруг Пати Эристави — старший брат жены Льва Толстого Александр Берс (1845—1918) воспитывался в московском кадетском корпусе, служил в Преображенском полку, а затем, в 1872—1882 годах — в Закавказье. Участвовал в войне с Турцией. Одно время был градоначальником Батуми. В октябре 1884 года вызвал на дуэль и тяжело ранил адъютанта Лорис-Меликова С. А. Писарева, приревновав его к своей жене.

Пати Эристави вышла замуж за Александра Берса скорее всего в начале 1875 года, так как 22 января того же года в письме Льва Толстого, присланном из Ясной Поляны брату жены, говорится: «Я всей душой уже люблю твою невесту, вероятно, уже жену теперь. Мне в ней привлекательны и красота, и молодость, и порода — важ-

Г. А. Багратиони.

В. Н. Бахметьева, супруга Г. Багратиони.

нсе дело, и Кавказ, и твоя любовь к ней...

Прощай, пиши поскорей и поподробнее и поцелуй от меня руку у твоей Пати и представь меня ей так, чтобы она меня полюбила. Поподробнее опиши семейные отношения» (т. 62, М., 1953, с. 134).

Александр Берс не понял, что хотел сказать Л. Толстой этой последней фразой. По этому поводу Софья Андреевна писала брату 22 марта 1875 года: «Он спрашивал о том, помирились родные с тем, что Пати вышла замуж за тебя» (там же, с. 134).

В письме от 5 мая 1875 года, которое Лев Толстой послал проживающим в то время в Грузии свояченице Татьяне Берс и ее мужу Александру Кузминскому, читаем: «Описание Пати также очень точно; но по этому описанию она мне не нравится, и я бы желал, чтобы тут была ошибка» (там же, с. 181).

В ноябре 1875 года новобрачные приехали погостить в Ясную Поляну, о чем обрадованный хозяин сообщал В. К. Истомину 17 марта 1875 года: «Саша женат на прелестной и премилой княжне Еристовой. Он был у нас с нею нынче зимой, и мы очень полюбили ее. Иначе и нельзя. Он в Кутаисской губернии уездным начальником и, как кажется, устроился хорошо и надеется устроиться еще лучше...»

Затем Александр Берс и его прекрасная супруга пе-

Пати Эристави-Берс.

резжают в Батуми, только что воссоединившийся с Грузией. Известный грузинский писатель Давид Клдашвили, находившийся в 80-х годах прошлого столетия на военной службе в Батуми, рассказывал: «В 1882 году Батуми был очень маленьким городом... Градоначальником был шурина Льва Толстого Берс, супруга которого — дочь Эристави, женщина замечательной красоты» (см. Д. Клдашвили, «На пути моей жизни», Тб., 1961, с. 29).

СРЕДИ печатных орга-
нов Грузии газета
«Тифлиссские ведомости» в
30-е годы прошлого столе-
тия очень выгодно выделя-
лась среди других своей
прогрессивной направленно-
стью, утверждением передо-
вых взглядов, высоким про-
фессионализмом, смелос-
тью, с которой она отважно
вступала в споры даже со
столичными газетами и жур-
налами.

Редактора «Тифлиссских
ведомостей» в тот период—
П. С. Санковского уверенно
поддерживали его замести-
тели С. Додашвили и В. Су-
хоруков, личности яркие,
отмеченные большими зна-
ниями и прогрессивными
устремлениями. Кроме того,
вокруг газеты группирова-
лись и активно сотрудничали
в ней сосланные на Кав-
каз декабристы. Сейчас
трудно точно установить,
кто именно из декабристов
сотрудничал в «Тифлиссских
ведомостях», поскольку их
художественные произведе-
ния и публицистические
статьи часто бывали подпи-
саны только инициалами
или псевдонимом, а то пу-
бликовались и вовсе без
подписи.

В «Тифлиссских ведомо-
стях», возможно, сотрудни-
чал Грибоедов, так как
3 декабря 1828 года он пи-
сал Паскевичу:

Клара ТУГУШИ

«Я СТОИЛ ЕГО ДРУЖБЫ...»

**ОБ ОДНОМ АНОНИМ-
НОМ ПИСЬМЕ ИЗ ТИФ-
ЛИСА В САНКТ-ПЕ-
ТЕРБУРГ, ОПУБЛИКО-
ВАННОМ ПОД НАЗВА-
НИЕМ «МОГИЛА ГРИ-
БОЕДОВА» В «ТИФ-
ЛИССКИХ ВЕДОМОС-
ТЯХ» 16 МАЯ 1830 ГОДА**

«Прилагаю здесь несколько строк для тифлиских газет, коли вы одобрите». Но в газете мы не увидим ни одной статьи, подписанной Грибоедовым, хотя он сыграл большую роль в деле издания «Тифлиских ведомостей».

Из многочисленных корреспонденций В. Д. Сухорукова только две-три подписаны инициалами «В. С.», одна же из них — его полным именем. П. С. Санковский публиковал свои статьи и стихи, как правило, анонимно или под инициалами «П. С.». В февральском номере 1829 года помещены неподписанные письма из Карса. Как выяснилось, они принадлежат декабристу Е. Е. Лачинову.

На страницах «Тифлиских ведомостей» нет ни одной статьи за подписью А. Бестужева-Марлинского, хотя он был одним из активных сотрудников этой газеты. О его сотрудничестве в газете «Тифлиские ведомости» хорошо знали современники — как друзья, так и недруги. «Знаете ли, что все знают каждую вашу строчку? Западает ли она в болото Тифлиских ведомостей, садят ее в помещичий огород Греча или является она в Телеграфе, все равно она узнана и оценена», — писал Н. Полевой А. Бестужеву 25 сентября 1831 года.

Примечательно, что некоторые художественные произведения А. Бестужева-Марлинского впервые были опубликованы именно в «Тифлиских ведомостях» и только потом — в столичной прессе. Например, в начале 1831 года в разделе «Изящная словесность» было помещено «Красное покрывало» А. Бестужева-Марлинского, подписанное «А. Б.», «Дагестан, 1831».

В этом же выпуске опубликован рассказ А. Бестужева-Марлинского под названием «Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев», который печатался с продолжением в девяти номерах газеты. Ни в одном из них рассказ не подписан. В этом рассказе А. Бестужев-Марлинский высоко оценил значение газеты «Тифлиские ведомости»¹. В 1831 году в этой же газете (№№ 10, 11, 12) опубликован представляющий для нас интерес материал под названием «Могила Грибоедова» (Письмо из Тифлиса в С.-Петербург 16 мая 1830 г.), кото-

¹ Подробно об участии в «Тифлиских ведомостях» переселенных в Грузию декабристов смотрите в книге проф. Вано Шадури «Декабристская литература и грузинская общественность», 1958; стр. 248—266.

рый по целому ряду примет наводит на мысль о его принадлежности перу А. Бестужева-Марлинского.

Понятно, почему автор обратился к эпистолярному жанру.

До восстания декабристов комедия «Горе от ума» была предметом широкого обсуждения. Но после их выступления пресса упорно обходила молчанием все, что касалось этого произведения — ведь оно было проникнуто декабристскими идеями. Размышления анонимного автора также отмечены декабристским духом.

Взволнованное письмо в Петербург навеяно посещением могилы Грибоедова. Автор говорит об ужасной бессонной ночи, о беспокойных, тяжелых и мучительных раздумьях, о светлой звезде, развеявшей его печаль. Этой символической картиной автор хочет уверить читателя в том, что звезда на темном небосводе это то же, что и Грибоедов на фоне окружавшего его тогда общества. Символика проступает на протяжении всего авторского повествования: «...на полугоре, на том самом месте, где показывалась ночью звезда, явился моему взору уединенный храм. Он стоял отдельно, выше всех прочих зданий, как предмет необыкновенный... К нему снизу доверху извивалась змеею белая, живая лента. «Это что?» — спросил я. — «Храм Святого Давида. Сегодня четверг, грузинки идут туда на богомоліе. «Там могила Грибоедова, — воскликнул я, — туда красы востока текут на поклонение!»... Не доходя до церкви Св. Давида, уступом ниже, так сказать, у подножия храма, сделано в стене полукруглое углубление и тут хранятся бранные останки незабвенного поэта. Над могилою не построено еще никакого памятника, нет надписи и ни малейшего признака, что в сем месте лежит Грибоедов. Долго взор мой был прикован к голому камню, и мысли, в коих невозможно отдать отчета, сменяли одна другую. «Тут лежит Грибоедов, — думал я, — и камень этот безгласен...» С трудом я решился отторгнуться от своего волшебного места и, опускаясь обратно, был в таком же восхищении от последней завещательной мысли Грибоедова: быть похоронен у Св. Давида — как от гениальных прелестей, беспрестанно встречаемых в бессмертном его творении «Горе от ума».

Вечером подошел к окну, я увидел вновь заветную звезду. Небосклон был чист. Миллионы звезд блистали на нем. Они

Клара Тугуши. «Я стоил его дружбы...».

будто ожидали новую гостью, которая стояла неподвижно между небом и землею. Казалось, душа Грибоедова, отлетая к новому миру, невольно разлучалась с землею, которая хотела еще одарить многим прелестным, — для которой не все еще совершила, что ей предназначено было!».

Царское правительство вначале приговорило А. Бестужева-Марлинского за участие в декабристском движении к повешению, но потом заменило этот приговор ссылкой. В Грузию А. Бестужева перевели из Сибири в 1829 году. Вместе с А. Бестужевым по делу декабристов понесли наказание и четверо его братьев (они тоже были причастны к литературному труду); двоих — Николая и Михаила сослали в Сибирь, Петра же и Павла — на Кавказ. После окончания русско-турецкой войны зимой 1829 - 1830 года трое братьев среди других декабристов оказались в Тбилиси.

Декабристы и их единомышленники принесли с собой в Грузию революционные идеи, способствовали сближению русского и грузинского народов, укреплению между ними дружественных и культурных взаимосвязей.

В Тбилиси революционно настроенная молодежь группировалась вокруг Александра Грибоедова, который постоянно был озабочен судьбой декабристов и старался облегчить их участь.

Когда А. Грибоедов привез в Петербург «Туркманчайский договор» и предстал перед царем, он проявил поразительную смелость, попросив, по словам А. Бестужева, смягчить участь декабристов, одно упоминание о которых оскорбляло и приводило в ярость Николая I. Трудно не согласиться с предположением, что после этого царь намеренно направил А. Грибоедова в далекую Персию, где нужно было распутать узел сложнейших политических обстоятельств — обеспечить уплату контрибуции, выручить пленных и многое другое, чтобы таким образом заслать подальше этого «упрямого революционера» и заступника декабристов.

Вот строки из одного письма А. Бестужева-Марлинского, свидетельствующие о той большой заботе, которую проявлял о нем Грибоедов. «Грибоедов взял слово с Паскевича мне благодетельствовать, даже выпросить меня из Сибири у Государя. Я видел на сей счет сделанную покойником записку... я стоил его дружбы и горжусь этим»².

² Русский вестник, 1861, № 3, с. 321.

А. Бестужев-Марлинский очень дорожил таким участием Грибоедова в своей судьбе и тяжело переживал его трагическую смерть.

В августе 1829 года, как только Бестужев приехал в Тбилиси, он посетил могилу Грибоедова и в 1830 году с грустью писал Ф. Булгарину: «В 1829 году я был на могиле нашего незабвенного Грибоедова и плакал как дитя — я был один... что этот человек хотел сделать для меня! Он умер и все пошло прахом»³.

Позднее, взволнованный смертью Пушкина, Бестужев-Марлинский вновь отправится на Мтацминду. 23 февраля 1837 года он написал об этом брату: «Я не сомкнул глаз в начале ночи, а на рассвете я был уже на крутой дороге, которая ведет к монастырю Святого Давида, известному Вам. Прибыв туда, я позвал священника и приказал отслужить панихиду на могиле Грибоедова, ... могила поэта, ... без надгробного камня, без надписи. Я плакал тогда, я плачу теперь горячими слезами, плакал о друге и товарище по оружию»⁴.

Эти строки из письма почти дословно совпадают с выступлением в «Тифлиских ведомостях» неизвестного автора, который также провел ужасную бессонную ночь в беспокойных, тяжелых, мучительных раздумьях, а наутро в одиночестве отправился по извивающейся змеей дороге к Мтацминде, к могиле поэта.

И в других письмах Бестужева-Марлинского отчетливо проступает сходство со статьей неизвестного автора, опубликованной на страницах «Тифлиских ведомостей». Мы находим немало совпадений как в манере письма, так и в изложенных фактах.

Как мы уже отмечали, в начале августа 1829 года Бестужев-Марлинский прибыл в Тбилиси и провел здесь несколько дней. А 16 августа он отправился в поход на Арзрум, где встретился со своими братьями. Заболев в этом походе, он в конце 1829 года возвратился в Тбилиси и поселился в нем.

³ А. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1929, с. 200.

⁴ А. А. Бестужев-Марлинский, Сочинения, том II, Москва, 1958, с. 673.

Его жизнь в Тбилиси сложилась будто бы благоприятно. Популярный писатель-декабрист, остроумный, полный жизни собеседник, Бестужев-Марлинский встречался со своими братьями, старыми друзьями-декабристами, находился в кругу своих единомышленников, но он не мог не тяготиться надзором властей, их постоянными преследованиями и всяческим ограничением свобод. Отдушиной для него были письма к друзьям, полные романтических переживаний и настроений.

...«Это будет чудесный город со временем, — писал он о Тбилиси Полевому. — ...Я люблю тифлиссские вечера и ночи; это ни с чем не сравнимо! и так пленительно!» («Русский вестник», 1861, апрель, стр. 458).

Письма Бестужева-Марлинского заставляют нас вновь и вновь возвращаться к заметке неизвестного автора из «Тифлиссских ведомостей», где мы читаем: «Долго боролся я во сне с одним из тех ночных видений, которые, кажется, заключают в себе нечто таинственное, нечто пронизательное — и наконец проснулся с воображением, утомленным тяжкими грезами. Я вспомнил прошедшее, думал о настоящем, мечтал о будущем. Этот хаос удовольствий и забот, приятностей и огорчений не представлял мне ничего прочного, не предвещал мне ничего утешительного»⁵.

А. Бестужев-Марлинский был поклонником Кавказа, Грузии. В здешней величественной природе и в жизни непоколебимо борющегося за свободу народа он нашел неиссякаемый источник для своей мятежно-романтической музыки. Сразу же после приезда в «Южную Сибирь» он жадно припал к этому роднику. А. Бестужев всегда с восторгом говорил о природе Грузии и ее культуре, о грузинском народе в целом ряде произведений («Путь до города Кубы», «Вадимов», «Ам-малат-бек» (IV глава) и во многих других статьях).

Если проследить произведения А. Бестужева-Марлинского, легко можно убедиться, что описанные в них пейзажи Грузии очень напоминают тот, что изображен в неподписанной статье «Могила Грибоедова», помещенной в газете «Тифлиссские ведомости».

Для всех романтиков в той или иной степени характерно увлечение природой, они наслаждаются ее красотой, ищут в ней созвучия своим мыслям и сочувствия. Но природа, нарисованная А. Бестужевым-Марлинским, оставляет неизгладимое впечатление, поскольку у него природа взаимодействует с

⁵ «Тифлиссские ведомости», 1831, № 9, 10, 11.

РР135920
3022010333

людьми. Мы ощущаем ту радость или горечь от слияния с природой, которой проникнут и сам писатель.

Умиротворяют картины природы, находящейся в покое, но бунтарский темперамент и мятежный романтический дух А. Бестужева тяготеет к бурному разгулу стихии. Его очаровал «гремучий Терек в Дарьяльском ущелье», замечательная романтическая картина которого нарисована им в «Аммалат-беке». Приведем отрывки из «Аммалат-бека» и анонимной статьи «Могила Грибоедова», которые наглядно убеждают в их сходстве.

«Дико прекрасен гремучий Терек в Дарьяльском ущелье. Там, как гений, черпая силы из небес, борется он с природой. Инде, светел и прям, как меч, рассекший гранитную стену, сверкает он между утесами. Инде, чернея от гнева, ревет и роется, как лютой зверь, под вековые громады: отрывает, рушит, катит вдоль их обломки.

В бурную ночь, когда запоздалый всадник, завернувшись в косматую бурку, озираясь, едет по забережью, висящему над пучиною Терека, все ужасы, какие только породить может досужее воображение, ничего в сравнении с истинными (ощущениями), его одолевающими... Вдруг, как лава, прорывается молния, и вы с ужасом видите только черную расторгнутую тучу над собою, а под собой — зияющую бездну, утесы по сторонам, и навстречу вам с круизны ревуций, прынуций Терек, осыпанный огненной пеною. На один миг видите вы, как мутные, буйные волны его, словно адские духи, скачут, прыдают, мечутся в бездну со стоном, пораженные мечом архангелов. Вслед им с грохотом катятся огромные камни. И вдруг, после ослепительного озарения молниею, вы опять погружены **в черное море ночи**; и вдруг за тем раздается выстрел грома, зыблющий основание скал, будто тысячи гор рушатся друг на друга; так вторят отголоски удару небес. Потом долгий, протяжный гул...»

Создавая волнуящую картину Дарьяльского ущелья, Бестужев-Марлинский стремится не только передать борьбу грозной реки с недвижными скалами, но вызывает у читателя особое настроение, пробуждая мятежный дух, желание борьбы.

Но как только рассвело, грозная картина природы полностью меняется, солнце озаряет светом горы, скалы, все становится ярким, сияющим.

«Но зато как приветливо заглядывает утро в ущелье, на дне которого бьет и кипит и плещется Терек! Облака, будто раздернутый полог, клубятся от ветра, и сквозь них видны иются и опять исчезают ледяные вершины. Точно резные из золота, лучи солнца рисуют зубчатые силуэты вершин восточных на противоположной стене гор. Скалы блестят, еще высеребренные дождевою влагою... а мрачный Терек прядает по камням и кружится, будто ищет места успокоиться».

Как видим, в приведенных из «Аммалат-бека» отрывках описание природы построено на контрастах. Многообразные явления ужасной ночи Дарьяльского ущелья — молнию, гром, дождь, ветер — Бестужев-Марлинский противопоставляет ласковому утру в ущелье. Природа у Бестужева то грозна, то спокойна, но всегда привлекательна, прекрасна и полна таинства.

А теперь приведем отрывок из анонимного газетного выступления «Могила Грибоедова»:

«Я подошел к окну — природа соответствовала мрачному состоянию души моей. Стихии также бушевали, как и мои чувства. Ветер свистел, усиливаясь ворваться в излучины тифлиских переулков... Дождь, просасываясь сквозь земляную крышу моей сакли, мерными каплями ударял в кирпичный пол. Наружное волнение природы и внутреннее беспокойство души моей приводили в изнурение чувства мои, и душевные и телесные. В сем расположении духа взоры мои, обращенные на запад, встречают на небосклоне, среди всеобщего мрака, звезду, сияющую необыкновенным блеском. Откуда могло произойти сие удивительное явление? — Небо было покрыто непроницаемыми облаками и густо нисходила на землю черная мгла... Я долго смотрел на нее — она мне казалась непостижимою, неразгаданною... чем более на нее глядел, тем более во мне рождалось догадок, тем разнообразнее были мои мысли. Они следовали одна за другой, как облака перед солнцем».

Так же как и Бестужев-Марлинский, неизвестный автор переходит от ночных смятений к умиротворению, возникающему с наступлением утра.

«Я проснулся рано. Взобравшись на саклю, я наслаждался рождением прелестного дня. Солнце торжественно восходило из-за Кавказских гор и как вожь-победитель далекое гнало враждебные тучи. Благодетельные лучи его с особенным блеском отражались на ту самую сторону, где ночью

блистала таинственная звезда. Там гора Тацминда» (Мтацминда. — К. Т.).

В этом отрывке, приведенном из заметки неизвестного автора, описание природы также построено на контрасте. Картины ночной и дневной природы Мтацминды противопоставляются друг другу. И здесь в ночном пейзаже более резко выступает внутренняя сила автора, четче обрисован объект его внимания, видения и направленности. Писатель любит волнующие картины природы: ветер, дождь, облака, темень. Приведем еще один отрывок из «Мулла-Нура» Бестужева-Марлинского, где подчеркивается его пристрастие к волнующим картинам природы:

«Люблю встретить бурю лицом к лицу; люблюсь ее гневом... привольно, весело мне, свежо на сердце. С наслаждением глотаю капли дождя — эти ягоды полей воздушных. Полной грудью вдыхаю вихрь... О, в буре есть что-то родственное человеку... с самого младенчества я люблю грозы. Гром для меня всегда был милее песни, молния — краше радуги», — пишет Бестужев-Марлинский⁶.

Неизвестный автор, так же как и Бестужев-Марлинский, наблюдает полную поразительных таинств природу («блистала таинственная звезда»). Настроению природы он придает большую интимность, особую напряженность, глубоко проникает в ее тайны, делая соучастницей своих мучительных раздумий, так же, как это свойственно манере Бестужева.

Стиль статьи и то, что ее автор позволяет оценить и увенчать творчество Грибоедова эпитетами «гениальное», «бессмертное», и сопоставление приведенных выше отрывков убеждают нас в том, что автором письма «Могила Грибоедова» является не кто иной, как А. Бестужев-Марлинский.

И еще один существенный факт, подтверждающий правильность нашего предположения.

Неизвестный автор в статье рассказывает, что он со **«своим посохом»** поднялся на Мтацминду: «Увлеченный торговом, я взял **свой посох**, и несмотря на трудность чрезвычайно крутого подъема, скоро добрался до могилы Грибоедова».

Примечательно, что и Бестужев-Марлинский ходил с посохом и мечтал найти где-нибудь уголок, где можно было бы

⁶ «Тифлисские ведомости», 1831, №№ 9, 10, 11.

прислонить посох. Об этом он писал своему брату Павлу: «Об одном молю, чтоб мне дали уголок, где я мог поставить свой посох»⁷.

По нашему мнению, это не просто случайное совпадение, тем более, что вышесказанное подтверждается в статье неизвестного автора, из которой мы также узнаем, что он обзавелся квартирой: «Я приехал в Тифлис и живу в грузинской сакле. Одна комната составляет мою спальню, мою приемную, мой кабинет... Новость моего жилища, в которое я перенесен как бы волшебством, и все происшедшее со мною в течение трех месяцев производят такой сумбур в моей голове, что от смешения мыслей и воспоминаний нет мне покоя ни днем, ни ночью»⁸.

Бестужев-Марлинский, столь многим обязанный Грибоедову, остро переживал безвременную трагическую смерть поэта и не один раз посещал его могилу. Каждый его приход туда был связан с тяжелыми переживаниями, о которых он писал Булгарину (1830), своему брату Павлу (1837). Это и другие письма Бестужева-Марлинского заставляют думать, что неизвестный автор и Бестужев-Марлинский одно и то же лицо, и опубликованная в февральском номере «Тифлисских ведомостей» анонимная статья под названием «Могилы Грибоедова» (Письмо из Тифлиса в С.-Петербург от 16 мая 1830 г.) принадлежит перу Бестужева-Марлинского.

К аналогичному выводу пришел и исследователь Джуншер Ватеишвили. В своей очень интересной книге он отводит, правда, этому вопросу всего лишь несколько абзацев и освещает его в совсем другом аспекте⁹, но это лишний раз убеждает нас в правильности сделанных выводов.

Литературовед же Н. Махарадзе эту статью в газете — «Могилы Грибоедова» — рассматривает как редакционную¹⁰.

Если наше предположение разделят компетентные исследователи, то письмо неизвестного автора «Могилы Грибоедова», опубликованное на страницах «Тифлисских ведомостей» в 1831 году, должно занять подобающее ему место в будущем издании произведений А. Бестужева-Марлинского.

⁷ «Отечественные записки», июнь, с. 66—67.

⁸ «Тифлиссские ведомости», 1831, №№ 9, 10, 11.

⁹ Д. Л. Ватеишвили. «Русская общественная мысль и печать на Кавказе», М., 1973.

¹⁰ Н. А. Махарадзе. «Первая русская газета на Кавказе», Тб., 1976.

Я ИЗБРАН будучи для за-
ключения столь знамени-
того трактата, ставлю себе
честь, что... в сии благослов-
ленные дни поставлен я ут-
вердителем сего союза меж-
ду обоих государств и что
присоединение Грузии к ски-
петру всероссийскому запе-
чатлено будет посредством
трудов моих...

Надеюсь... что в будущие
времена народ грузинский,
наслаждаясь тишиной, безо-
пасностью и славой, не пера-
станет вспоминать имена ва-
ши яко совершителей поста-
новления сего...»

С этими словами обратился
к посланникам Ираклия II —
Иоанну Мухранскому и Гарсе-
вану Чавчавадзе «доверенное
лицо России» Павел Серге-
евич Потемкин во время под-
писания Георгиевского дого-
вора 24 июля 1783 года. Он
хорошо понимал величие и
значение совершаемого акта,
с надеждой смотрел в бу-
дущее и гордился своим уча-
стием в столь знаменатель-
ном событии.

Кто же был этот человек?
Каков его общественно - по-
литический облик? Какими
судьбами оказался он участ-
ником заключения русско-гру-
зинского договора?

К середине XVIII века По-
темкины были мелкопомест-
ными дворянами, проживав-
шими в центральных районах

Шота ХАНТАДЗЕ

РОССИИ ДОВЕРЕННОЕ ЛИЦО

России (в уездах Московском, Тульском, Костромском, Пензенском и др.). Их выдвижение на общественно-государственном поприще произошло во второй половине XVIII века, из представителей этого рода — Григорий Александрович стал фаворитом Екатерины II и могущественнейшим сановником императорского двора. Он был внучатым братом Павла Сергеевича и способствовал его продвижению по службе.

Павел Сергеевич Потемкин родился 27 июня 1743 года. В детстве он получил хорошее образование и был одним из первых слушателей только что открывшегося Московского университета. Учился на гуманитарном факультете, занимался литературным трудом.

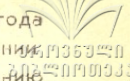
Следуя моде екатерининских времен, П. Потемкин увлекся идеями французских просветителей, был почитателем Ж.-Ж. Руссо. Он перевел и издал ряд его сочинений, в том числе премированный Дижонской академией «Трактат о нравах» (1768), а также «Новую Элоизу» (1769), «Рассуждение о неравенстве между людьми» (1770) и другие. Позже им была переведена трагедия Вольтера «Магомет», поставленная на петербургской сцене в 1798 году, уже после смерти переводчика. Однако это увлечение, по видимому, носило поверхностный характер, и как только изменилось отношение русского правительства к идеям просветителей (после французской буржуазной революции), П. Потемкин отнес его к юношеским забавам.

Есть у него и оригинальные сочинения. В 1770 году он написал поэму о победах русского оружия над турками, посвятил хвалебные стихи Григорию Григорьевичу Орлову, создал оду на взятие русскими Бендеры и т. д. Перу Павла Сергеевича принадлежат также две драмы: «Русские в Архипелаге» (1772) и «Торжество дружбы» (1773).

П. С. Потемкин близко знал Г. Р. Державина, дружил с М. М. Херасковым, состоял членом его кружка. В 1772 году он вступил в «Вольное Российское собрание» при Московском университете.

Однако литературная работа не играла в жизни П. Потемкина главную роль. Более важной являлась военная и государственная служба. В 1756 году он был зачислен в Семеновский полк, принимал участие в войне с турками в 1768—1774 годах, где проявил себя как храбрый и распорядительный офицер. В 1770 году был награжден орденом св. Георгия IV степени. Через два года — он капитан, а еще через год произведен в бригадиры. Тогда же стал камер-юнкером.

Яркий представитель русского военно-феодалного общества XVIII века, П. Потемкин верой и правдой служил самодержавию.

выполняя различные поручения императрицы. В марте 1774 года он был вызван из армии Румянцева ко двору, повышен в звании и генерал-майором назначен главой комиссии по расследованию причин крестьянских волнений, охвативших Поволжье и район реки Яик. Речь идет о крестьянской войне под руководством Емельяна Пугачева. Встревоженное размахом восстания правительство попыталось выяснить причины выступления казаков и крестьян и назначило две комиссии — одну в Казани под руководством Бибикова (которого после смерти сменил фон-Брандт) и вторую в Оренбурге под главенством Рейнсдорпа. По словам биографа П. Потемкина А. Ельницкого, императрица, «опасаясь, чтобы, с одной стороны, не были пущены в дело пытки, а с другой — чтобы подсудимые своими показаниями не «конфузили» комиссии», решила соединить обе комиссии воедино и назначить общим руководителем П. Потемкина, которому вменялось координировать действия комиссий, выяснить причины «народного бунта» и сыскать средства к его ликвидации. Он же должен был разработать новое положение об управлении яицкими казаками с целью утверждения среди них порядка и спокойствия.

8 июля 1774 года П. Потемкин прибыл в Казань и принял меры к защите города. После смерти фон-Брандта, последовавшей в эти дни, П. Потемкину поручили управлять Казанской губернией. Ему удалось усмирить яицких казаков, приступить к восстановлению разгромленных и сожженных домов (для этого бесплатно раздал жителям лес), бесплатно раздать голодающим крестьянам провиант. В своем донесении о причинах выступления казаков он указал на «поборы войсковых начальников и сокрытие сумм, выплачиваемых казакам правительством...»

После подавления восстания П. Потемкина вызвали в Москву и включили в комиссию по расследованию дела Е. Пугачева. Он допрашивал его вместе с М. Н. Волконским, пытался (правда, безрезультатно) переманить соратника вождя восстания Ивана Чики.

В это время П. Потемкин написал «Историю о Пугачеве», которая осталась неопубликованной.

1775—1780 годы он, видимо, провел в Петербурге. В 1775 году в связи с окончанием войны с Турцией его наградили именной шпагой, украшенной алмазами. Далее следует награждение орденами св. Георгия III степени, св. Анны и св. Александра. В 1777 году он уже шеф драгунского полка в Петербурге. Тогда

Шота Хантадзе. России доверенное лицо.

же произведен в камергеры, а в 1780 году становится генерал-поручиком...

Последующий период его жизни связан с Кавказом.

В 80-х годах XVIII века Россия была разделена на генерал-губернаторства. Юг страны был поручен Григорию Александровичу Потемкину, который привлек к себе на службу Павла Сергеевича. П. Потемкин был определен командующим Моздокской военной линией. Рядом кубанским корпусом командовал А. В. Суворов и многие военные задачи П. Потемкину приходилось решать вместе с ним.

В ноябре 1782 года он прибыл на линию и осмотрел ее. Картина была неприглядной. Крепости запущены, дороги разваливались, всюду царил беспорядок и разруха. Обширные степи Ставрополя пустовали...

П. Потемкин начал заселять край, забываясь одновременно о развитии хозяйственной жизни. Он приглашал специалистов-иностранцев для развития виноделия, шелководства, свиноводства, овцеводства и других отраслей. Поселенных в край с разрешения правительства он освобождал на 6 лет от государственных повинностей. Из бывших военнослужащих образовал свыше тридцати населенных пунктов. П. Потемкин построил почтовую дорогу между Черкасском и Астраханью, соорудив на ней ряд почтовых станций. При нем превратились в значительные города Екатериноград, Ставрополь, Георгиевск, Александровск и другие. В 1785 году по его ходатайству Кизляру, Моздоку и Екатеринограду было даровано городское управление.

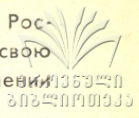
В 1786 году в Екатеринограде П. Потемкин открыл школу для детей горских народов, находящихся при нем в качестве аманатов.

По сохранившимся свидетельствам, П. Потемкин был хорошим администратором, наведшим определенный порядок в управляемом им крае. Он составил «Описание кавказских народов», которое в извлечениях было использовано многими авторами описательных трудов о Кавказе (графом Сегюром, Ставровским, Дебу).

Служа на Кавказе, П. Потемкин внес свою лепту в установление связей России с местными народами. Так, например, он склонил к союзу с Россией ногайцев, чеченцев, тагаурцев и других.

В то же время он сыграл видную роль в заключении грузино-русского дружественного договора 1783 года.

Как известно, осенью 1782 года ввиду благоприятных обстоятельств, сложившихся на Кавказе и в Причерноморье, русское правительство предложило Ираклию II возобновить просьбу о при

нятии Карталино-Кахетинского царства под покровительство России. Дело это было поручено Г. А. Потемкину, который, в свою очередь, представителем России при переговорах и оформлении договора определил П. С. Потемкина.

С его ведома и содействия в Грузию был прислан Я. Рейнегс, который и передал Ираклию предложение русского правительства. Вскоре и сам П. Потемкин вступает в переписку с грузинским царем. Предметом их диалога становятся многие вопросы политики России на Кавказе и в Закавказье. В частности, затрагивались отношения с Фатали-ханом Дербентским, Ибрейм-ханом Карабахским, стремление армян связаться с Россией и т. д. В письмах П. Потемкина не раз выражено благорасположение к грузинам, к царю, говорится о присылке подарков и наград членам царской семьи (Ираклию П. Потемкин прислал часы и бинокль).

21 декабря 1782 года Ираклий II присылает просьбу и условия, на которых он желал заключить договор с Россией. 29 декабря Екатерина II издает распоряжение считать Грузию год покровительством России и приступить к оформлению договора. При этом она выставляет основания, на которых должен быть оформлен текст договора. Выработанный на основе этих документов текст договора, составленный канцлером Безбородко, привез в Георгиевск к П. Потемкину подполковник В. С. Тамара для отправления в Грузию. В письме от 9 мая 1783 года П. Потемкин сообщает об этом царю Ираклию, поздравляет его и просит назначить двух полномочных лиц для присылки в Георгиевск. Текст договора в Грузию привез сам подполковник Тамара. Тогда же П. Потемкин по распоряжению Григория Александровича отозвал из Грузии Я. Райнегса и назначил резидентом при грузинском царском дворе полковника С. Д. Бурнашева, который в мае был уже в Тбилиси. Подполковнику Тамара было поручено отправиться в Имеретию к царю Соломону и разведать, возможно ли заключить и с ним аналогичный договор.

П. Потемкин направляет оберквартирмейстера Фогта на Терек с поручением благоустроить дорогу через Дарьяльское ущелье до границ Грузии.

Текст договора был рассмотрен и одобрен Ираклием II на заседании государственного совета. Послами были назначены князь Иоанн Константинович Багратион-Мухранский и князь Гарсеван Ревазович Чавчавадзе. В июле 1783 года послы со свитой в 24 человека отправились на Северный Кавказ. 15 июля они прибыли в Моздок. П. Потемкин послал туда поручика Чолокаева с привет-

---

Шота Хантадзе. России доверенное лицо.

ствием. Затем туда был направлен подполковник Тамара для сопровождения послов в главную квартиру в Георгиевск. Маршалом церемонии был назначен секунд-майор граф Апраксин. 18 июля послы прибыли в Георгиевск. Граф Апраксин их встретил «за переправую от крепости», плац-майор Гиль — у крепостных ворот, полковник Мольженнинов «яко крепостной начальник» встретил послов у крыльца отведенного для них дома и, проводив их в покои, угостил ужином.

19 июля в 11 часов утра в сопровождении графа Апраксина послы прибыли на первую аудиенцию к П. Потемкину. В первой карете сидели послы, во второй архимандрит Гайоз и секретарь посольства Заза Габашвили. У гауптвахты им отдали честь «с полным барабанным боем».

У крыльца главной квартиры послов встретили все ординарцы главнокомандующего, в сенях — младший адъютант, в передней — старший адъютант, затем маршал посольства граф Апраксин ввел послов в аудиенц-камеру, где находился П. Потемкин со всеми штабс-офицерами. Он встал, приветствовал послов и посадил их перед портретом императрицы рядом с собой, с правой стороны — И. Багратиони, с левой — Г. Чавчавадзе.

Гайозу предложили стул ниже послов. Приветственную речь произнес Г. Чавчавадзе, с ответом выступил П. Потемкин. Затем последовал обмен взаимных полномочий.

В 5 часов состоялась вторая аудиенция, на которой присутствовали послы, Гайоз, секретарь посольства, подполковник Тамара и два переводчика: поручик Чолокаев и Севарсамидзе. Заседание началось речью П. Потемкина, из которой был приведен отрывок в начале статьи. После этого зачитали полномочия, текст трактата, сепаратные артикулы, текст присяги. Читали сперва на русском языке, затем на грузинском (этому П. Потемкин придавал особое значение!). В конце заседания решили переписать набело все документы. Переписка продолжалась три дня. За это время П. Потемкин погостил у послов, показал им смену карзюлов, пригласил их на богослужение в честь тезоименитства царицы Марии Федоровны. Послы, между прочим, подали П. Потемкину письмо с просьбой уточнения некоторых моментов в договоре (а именно, когда вручать инвеституру грузинскому царю — при восшествии на престол или при короновании? Просили титуловать царя не «светлостью», а «высочеством», при ратификации договора внести полную титулатуру царя, католико-су Грузии определить более высокое место в церковной иерархии России и др.).

23 июля послов пригласили в аудиенц-камору и в присутствии переводчиков зачитали переписанные на белом документе на русском (читал Тамара) и грузинском (читал Гайоз) языках, свзяв каждую фразу и каждое выражение. 24 июля в 11 часов утра приступили к подписанию документов. Завершилась эта процедура к часу дня. Затем с поздравительными речами выступили П. Потемкин и Г. Чавчавадзе. День закончился торжественным обедом. Вечером крепость была иллюминирована. В тот же день П. Потемкин послал Г. А. Потемкину рапорт обо всем этом.

27 июля грузинские послы со свитой выехали на родину. В письме к Ираклию от 30 июля 1783 года П. Потемкин лестно отзывался о грузинских послах, хвалил их приверженность России, заверял в своем благорасположении царю. Согласно трактату, он готовил войска для присылки в Грузию, самолично осмотрел дорогу от Гвелети, ждал ратификации договора и соответствующего распоряжения императрицы. Одновременно он поддерживал дружественные отношения с имеретинским царем Соломоном.

В сентябре П. Потемкин направил в Грузию подполковника Тамара с регалиями для царя, а также с указами о подтверждении титулатуры Ираклия, о разрешении короноваться по старому грузинскому обряду и с царскою печатью, отлитой в России по представленному послами образцу. Тогда же он сообщил Ираклию, что в октябре русские батальоны вступят в Грузию, и напомнил о необходимости позаботиться о провианте и фураже.

В октябре два егерских батальона с четырьмя орудиями двинулись с линии в Грузию и прибыли в Тбилиси.

По просьбе Ираклия русское правительство пресекло действия претендента на карталинский престол Александра Бакаровича, который в это время находился у дербентского правителя Фатали-хана и пытался поднять его на войну с Ираклием. По требованию П. Потемкина Александр Бакарович вместе с его приверженцем Александром Амилахвари был выдан русским.

Вместе с тем П. Потемкин уговорил Шамхала Тарковского Казбулата отказаться от похода на Грузию, к которому он в то время готовился.

В последующие годы в письмах Ираклия к П. Потемкину содержится просьба о дополнительной присылке военной силы, об увеличении военной помощи. Однако сам П. Потемкин выполнить

Шота Хантадзе. России доверенное лицо.

эту просьбу без указаний сверху не мог. Он не раз просил ответствующего разрешения у Григория Потемкина, но так и не получил положительного ответа.

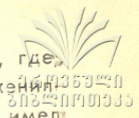
В октябре 1784 года П. Потемкин приехал в Грузию, в Тбилиси, и оставался здесь 22 дня. Он лично познакомился с Ираклием и членами его семьи, о которых после представил подробные сведения Г. А. Потемкину. Из этих сведений наиболее интересной представляется потемкинская характеристика личности Ираклия II. Вот она:

«Царь Ираклий росту посредственного, характера пылкого, взор имеет острый, при всяком разговоре устремляет взгляды из подлобья, может для того, чтоб примечать движение лица того, с кем говорит. Несколько согбен от старости, имея 62 года, но еще бодр. Он один из тех людей, которые более всего умеют отвечать двузначительно. Муж непосредственного ума, редко терпелив, удивительно деятельный, бдит во всю ночь, отправляя сам дела своего государства, спит мало. Сведущ из опытов в азиатской политике. Стремится народ свой преобразовать европейски. Набожен...»

В деятельности Павла Потемкина на Кавказе следует выделить еще два вопроса — о карабахских армянах и борьбе с лжепророком Шейх-Мансуром.

Армяне не раз обращались к П. Потемкину с просьбой избавить их от господства шушинского Ибрейм-хана, принять их под защиту России. Г. А. Потемкин поручил Павлу Сергеевичу собрать сведения об армянах и изучить возможность оказания им помощи. П. Потемкин получил эти сведения от Иосифа Аргутинского, от армянского патриарха Иоанна, от армянских меликов и епископов. Даниил Авамесов обещал собрать 5000 вооруженных армян и выставить их против Ибрейм-хана. П. Потемкин вступил в переговоры с Ибреймом и предложил ему русское покровительство, чтобы тем самым возыметь влияние на судьбу армян. Ибрейм ответил отказом. Тогда П. Потемкин решил организовать поход в Закавказье и просить на это разрешение Г. А. Потемкина. Получив согласие, он начинает готовиться к походу. В Астрахани заготавливает провиант и фураж. Почувяв опасность, Ибрейм-хан выразил свое согласие на принятие русского покровительства и начал переговоры, которые закончились безрезультатно. Внимание же П. Потемкина было отвлечено борьбой против Шейх-Мансура.

В мае 1785 года Кавказское и Саратовское генерал-губернаторства были объединены в единое Кавказское наместничество, которое состояло из двух областей: Астраханской и Кавказ-

ской. В связи с этим П. Потемкин был вызван в Петербург, где, ожидая инструкции, изрядно задержался. В августе он женился на Прасковии Андреевне Закревской и через два года имел двух сыновей: Григория и Сергея.

Вернувшись на Кавказскую линию, П. Потемкин принял энергичные меры против Мансура. Он разослал прокламации горцам и призывал их не поддерживать лжепророка. Одновременно направил в горы несколько отрядов, в одном из которых служил молодой П. И. Багратион (отряд Пьери). Этот отряд потерпел поражение, Пьери погиб, Багратион чудом спасся. Спасли его сами чеченцы, которые уважали отца будущего полководца. Мансур двинулся на Кабарду, но генералу Нагелю удалось разгромить его. Прошел год. В 1786 году Мансур активизировался, но энергичными мерами П. Потемкин смог отразить его натиск. В 1787 году, в сентябре, в крупном сражении за Кубанью Мансур был разбит, а его войска рассеяны. В октябре того же года в связи с началом новой войны с Турцией П. Потемкин был отозван с Кавказа и направлен на Балканский фронт.

Его сменил генерал Теккели.

Война с Турцией 1787—1791 годов принесла П. Потемкину новую славу. Во время штурма Очакова он командовал передовым отрядом. Затем участвовал в осаде Измаила, заслужив похвалу А. В. Суворова. В своем донесении императрице Суворов выделял энергичные и разумные действия П. Потемкина. 25 марта 1791 года его наградили орденом св. Георгия II степени. По случаю взятия Измаила П. Потемкин написал драму в 3-х действиях «Зельмира и Смелон или взятие Измаила».

П. Потемкин присутствовал при заключении Ясского договора, затем вернулся в Петербург.

В 1791 году умер Григорий Александрович Потемкин. При дворе императрицы выдвинулись новые фавориты — братья Зубовы. Положение П. Потемкина пошатнулось. Два года прожил в бездействии, он оставался в тени.

В 1794 году по ходатайству генерал-прокурора А. Н. Самойлова П. Потемкина направили в Польшу, где русские армии под командованием А. В. Суворова подавляли шляхетское восстание. Во время штурма предместья Варшавы он командовал корпусом в центре. Польская кампания принесла ему звание генерал-аншефа и графское достоинство (1 января 1795 г.).

Шота Хантадзе. России доверенное лицо.

Успехи П. Потемкина вызвали враждебные акции Плагена Зубова. Он вспомнил, что во время командования Потемкина на Кавказе в 1786 году по вине русского консула Тумановского погиб один из персидских принцев Гедает-хан, искавший спасения у русских от преследования со стороны Ага-Магомет-хана. Тумановский в том же году умер и Потемкин не счел нужным расследовать обстоятельства гибели Гедает-хана. В 1795 году, готовясь к войне с Персией (из-за разорения Грузии Ага-Магомет-ханом), русское правительство намеревалось использовать брата Гедаета Сели-хана, проживавшего в Астрахани. Сели-хан потребовал расследовать обстоятельства убийства его брата и наказать виновных. Участники этого события (Скиличи, Калмыков и Хастатов) действительно были наказаны, но П. Зубов решил воспользоваться этим случаем и смог убедить императрицу в причастности к убийству Гедает-хана П. Потемкина.

Обвинение было мучительно воспринято Потемкиным. Он тяжело заболел. По этому случаю им написано стихотворение «Глас невинности», изобличающее обвинителей во лжи, напоминающее о его заслугах перед государством. Вскоре, 29 марта 1796 года, он скончался. Прошел слух, что смерть его была ускорена рескриптом Екатерины, состоявшим всего из одного слова: «Умри!». Говорили также, что он отравился.

Похоронен П. Потемкин в селе Никольском Московского уезда, в церкви св. Георгия.

Старший сын его — Григорий поступил на военную службу и погиб в Бородинском сражении 26 августа 1812 года в возрасте 26 лет.

Сергей стал видным литератором, переводчиком и писателем. Он был женат на Елизавете Трубецкой, сестре (по отцу) известного декабриста Сергея Трубецкого, мать которого Дарья Александровна Грузинская являлась правнучкой грузинского царя Вахтанга VI. Скончался Сергей в 1858 году.

ДОРОГА ДРУЖБЫ И БРАТСТВА

Записки дорожника

В НАШЕ время связь и общение между русским и грузинским народами осуществляется и поддерживается различными путями сообщения. Но было время, когда Военно-Грузинская дорога являлась единственным транспортным звеном, соединявшим их и таким образом сыгравшим большую роль в их братском содружестве. А потому напомнить сегодня об отдельных эпизодах из ее истории представляется не только уместным, но и необходимым. Ведь Военно-Грузинская дорога по существу — тоже своеобразный юбилар в год 200-летия подписания Георгиевского трактата.

ВСТРЕЧА НА МЛЕТСКИХ ЗИГЗАГАХ

В ПЕРИОД строительства перевального участка Военно-Грузинской дороги в должности наместника Кавказа состоял генерал А. И. Барятинский. Его заместителем по гражданской части был поэт и общественный деятель Грузии Григол Орбелиани, известный также как талантливый военачальник.

В 1858 году Григол Орбелиани возвратился на родину в чине генерала от инфантерии, в высокой должности заместителя наместника Кавказа по гражданской части. А так как генерал А. Барятинский часто отлучался по служебным делам, фактически управлять Кавказом приходилось его заместителю.

Литературная, общественная и военная деятельность Гр. Орбелиани довольно полно освещена в печати. Мне же хочется осветить одну, доселе неизвестную, сторону его деятельности, каковой является участие в строительстве Военно-Грузинской дороги.

Как умный и широко образованный деятель, Гр. Орбелиани в полной мере осознавал значение шоссейных и железных дорог для развития и процветания народного хозяйства и экономической жизни любой страны. И он никак не мог смириться с тем фактом, что край с такими благоприятными и богатыми природными условиями, как Грузия, испытывал острый недостаток шоссейных и существовал при полном отсутствии железных дорог.

Как известно, первая железнодорожная линия в пределах Грузии (Поти—Тбилиси) была открыта в 1872 году, когда Гр. Орбелиани был уже в преклонном возрасте.

Основною же сухопутной магистралью, соединявшей Грузию с Северным Кавказом и через него с Центральной Россией, являлась Военно-Грузинская дорога, имевшая для нашего края не только политическое, но также экономическое и культурное значение.

Между тем действовавшая тогда в сложных топографических и климатических условиях перевальная дорога представляла собою неблагоустроенную и опасную пешеходную тропу, расширенную для аробного движения и совершенно неприспособленную для современных транспортных средств передвижения. Помимо трудностей преодоления значительных

С 1915 года, после окончания Петербургского политехнического института, жизнь Николая Ивановича Квезерели-Копадзе связана со строительством и эксплуатацией железных и шоссейных дорог.

В период первой мировой войны он находился в железнодорожных частях Кавказского фронта, где участвовал в строительстве военных железных дорог. Затем деятельность Квезерели-Копадзе

как инженера - дорожника протекает в Грузии. Здесь он трудится на таких постах, как зам. начальника Управления шоссейных дорог (1920 г.), начальник Военно-Грузинской дороги (1921 г.), руководитель дорожно - строительных работ на различных участках республики (1922 г.), начальник производственного отдела и службы эксплуатации дорог Управления шоссейных дорог (1935 г.) и т. д.

После перехода на пенсию Николай Иванович посвятил

16805040
202.010333

подъемов и спусков, сам перевал также представлял собой весьма опасный участок, где в зимний период постоянно донимали ураганные ветры, туманы, снежные заносы и лавины, вследствие чего движение прерывалось на недели, а часто и на месяцы, пока дорожное полотно вручную очищалось рабочими.

Почти столетия, с 1811 года, кавказское дорожное ведомство находилось в поисках нового направления перевального пути через Кавказский хребет взамен существовавшей труднопреодолимой дороги.

Как известно, в 1814 году был намечен новый перевальный участок по ущельям рек Гудамакари и Гудушаури с перевалом через Квенамтский хребет высотой 2.377 метров. Однако и это направление дороги оказалось несостоятельным. После 30 лет напряженного крестьянского и солдатского труда, а также огромных затрат в один с лишним миллион рублей серебром и этот перевал оказался таким же завалодействующим, как и старый — Крестовый. Пришлось прервать начатые в 1836 году работы и снова возвратиться к Крестовому перевалу с проложением более продуманной, технически обоснованной и выдержанной трассы.

Инженер Б. Статковский, которому было поручено составление проекта, а затем руководство строительными работами, по возвращении из заграничной командировки, в 1857 году приступил к их осуществлению.

Строительные работы протекали в весьма тяжелых условиях на отвесных скальных откосах, нависавших над селом Млети; подвешенные на канатах рабочие сначала выдал-

себя поискам материалов и написанию работ о дорогах Грузии. Им опубликовано со-
рок трудов, в том числе де-
сять монографий, вышедших
отдельными книгами. Ряд его
научных трудов относится к
дорогам и мостам древней
Грузии. Среди них — «Древ-
ний путь по Дарьяльскому
ущелью и строительство Во-
енно - Грузинской дороги».
Его исследование «Проблема
круглогодичного движения
транспортов через Крестовый

перевал» опубликовано в Ге-
ографических трудах Амери-
ки в 1974 году.

Для настоящего номера
нашего журнала старейший
путь республики предло-
жил в связи с 200-летием
Георгиевского трактата фраг-
менты из своей большой ра-
боты о Военно - Грузинской
дороге, основанные как на
новых архивных изысканиях,
так и на личных наблюдени-
ях и воспоминаниях.

бывали в скале отверстия, в которые упирались ногами, затем прорубали в ней тропу и полотно новой дороги выравнивали по нивелиру. Продольный уклон ее был равен 42,5 процентам. На протяжении 100 метров край его возвышался на 4—5 метров, в то время как на старой дороге на Кайшаурском подъеме уклон составлял до 33 процентов.

В полной мере уясняя себе значение для благосостояния Закавказья этого грандиозного по тому времени строительства, Гр. Орбелиани активно в него включился.

Дорожно-строительные работы на перевальном участке производились подрядным способом, а потому здесь имели место всевозможные злоупотребления, низкое качество работ, растраты и т. д. Гр. Орбелиани часто посещал это строительство, наблюдал за производимыми здесь дорожными работами.

Имеются сведения, что в 1861 году, когда Илья Чавчавадзе возвращался из Петербурга в Грузию, он на млетских зигзагах встретился и познакомился с Гр. Орбелиани, наблюдавшим за производством работ.

В документах того периода, сохранившихся в тбилисских архивных учреждениях, имеются вполне обоснованные данные, указывающие на непосредственное участие Гр. Орбелиани в строительстве перевального участка Военно-Грузинской дороги.

Здесь мы укажем лишь на некоторые обнаруженные в Центральном Государственном историческом архиве Грузии документы, относящиеся к его участию в этом строительстве в 1858—1863 годах.

Все назначения и перемещения по строительству исходили от Гр. Орбелиани, так же как и перемещения воинских частей на работы и с работ. (ЦГИА ГССР, фонд 317, опись 2, дело 154, лист 365).

Подрядчик Шадинов строил на Крестовом перевале 4 казармы и 2 бани. Ввиду применения низкого качества песка штукатурка с потолка и стен осыпалась. В приказе за подписью Гр. Орбелиани Шадинову вменялось штукатурку заменить деревянными шелевками без дополнительных расценок. (ЦГИА ГССР, фонд 317, оп. 2, дело 143, лист 331).

Ввиду непрочности стенок из извести на Млетском подъеме Гр. Орбелиани потребовал от подрядчика Чакалова укрепления этих стен 19 контрфорсами. (ЦГИА, фонд 317, дело 147, лист 463). Он обращал также внимание на камни,

скатаввавшиеся после оттаивания грунта на Млетском подъеме. (ЦГИА, фонд 317, оп. 2, дело 190, лист 77).

Его резолюция касается и расследования дела о негодных — с трещинами, осадками и т. д. — подпорных стенках на Млетском подъеме. (ЦГИА, фонд 317, оп. 2, дело 154, лист 472—480).

По распоряжению Гр. Орбелиани были установлены 500 еловых надолб от Кумлисцихе до Гудаури стоимостью 1079 рублей. (ЦГИА, фонд 317, оп. 2, дело 112, лист 180).

В еще одной резолюции Гр. Орбелиани говорится о постройке взамен постоянного моста — временного деревянного, в г. Владикавказе, стоимостью 4.000 рублей. (ЦГИА, фонд 317, оп. 2, дело 132, лист 6).

По его приказу преданы суду подрядчик Измиров за обсчет рабочих и инженер Янковский — за растрату казенных денег.

Еще один приказ Гр. Орбелиани гласит о начале строительства 8 апреля 1861 года фонтана на Млетском подъеме.

15 августа 1861 года началось движение после окончания строительства по Земо-Млетскому подъему. В связи с этим, согласно приказу Гр. Орбелиани, почтовые лошади из Кайшаури и Квешети были переведены на вновь созданные станции Млети и Гудаури. (ЦГИА, фонд 317, оп. 2, дело 147, лист 417).

Состоявшимся в торжественной обстановке открытием движения на вновь сооруженном перевальном участке (на первом участке — Квешети—Млети—Гудаури (14 км.) — 30 августа 1861 года и на втором участке — Гудаури—Крест—Коби — 1 ноября 1863 года) руководил Гр. Орбелиани.

В его представлении строительство перевального участка Военно-Грузинской дороги являлось величайшим событием того времени, а потому он всецело переключился на его скорейшее и добросовестное осуществление. Главное внимание им было обращено на качество выполняемых работ и борьбу с хищениями.

Как неопровержимо свидетельствуют документы, над осуществлением этого сооружения инженерного искусства с большой ответственностью и полной отдачей сил согласованно трудились два замечательных деятеля того периода — блестящий инженер-путеец Б. Статковский и в качестве наблюдателя за строительством авторитетный администратор, заместитель наместника на Кавказе Григол Орбелани.

ЕСЛИ в более ранний период истории Грузии основное движение происходило через Крестовый перевал в свободное от снега время, то со второй половины XVIII века, когда между грузинским и русским народами наметились более тесные взаимоотношения, оживленнее стало и движение транспорта по этому пути с круглогодичным использованием его перевального участка.

В связи с этим явилась необходимость создания на Крестовом перевале какой-либо организации по обеспечению безопасного перехода через него в зимний период. Были попытки создать на высшей точке перевала караван-сарай, гостиницу или монастырь наподобие известного Сен-Бернардского монастыря, основанного в 962 году в Швейцарских Альпах на высоте 2472 метра. Как известно, сен-бернардские монахи на протяжении нескольких веков оказывали содействие всем нуждавшимся в помощи при переходе в зимний период через этот перевал. В монастыре имелось специальное помещение для путешественников, вынужденных искать защиту от непогоды, а также благоустроенный госпиталь для больных.

Хижина Татиа Бидарашвили на Крестовом перевале.

В прошлом подобные монастырские подсобные организации на тяжелых горных перевалах существовали и в Грузии. В литературе встречаются сведения о монастырских сооружениях в Схвавских горах (Рача)¹, в селе Квешети, по Военно-Грузинской дороге² и в других местах. Есть предположение, что при всех древних грузинских монастырях, расположенных близ перевальных участков дорог, имелись организации наподобие Сен-Бернардского монастыря.

Однако организация караван-сарая или монастыря на Крестовом перевале требовала крупных материальных затрат, а потому грузинский царь Ираклий II считал более выгодным и легко осуществимым создание у высшей точки перевала небольшого населенного пункта.

На этот призыв царя откликнулся выходец из Трусовского ущелья (в верховьях Терека) осетин-бедняк Татиа Бидаршвили, который в 1787 году поселился на северном склоне перевала, на два с половиной километра ниже высшей точки, в 6 километрах от села Коби, на высоте 2230 метров у места слияния Белой речки с Байдарой.

В силу тяжелых климатических условий на такой большой высоте хлебные и сгоредные культуры не могли созревать, а потому поселенцев необходимо было снабжать продуктами питания извне. Сохранились грамоты царей — Ираклия II и Георгия XII, а также главнокомандующих русскими войсками в Грузии, в которых устанавливались размеры как денежных вознаграждений, так и отпускаемых им продуктов и промтоваров (бязи).

В одной из таких царских грамот говорится: «Мы, царь Ираклий, определяем сим Трусовскому жителю Осетинцу Татиа, поселившемуся на Белой речке, жалованье в год по 18 штук бязи, а провианту сын наш Вахтанг с поборов Арагви будет отпущать ежегодно, а сверх сего буде кто из проезжающих к нему прибудет и остановится, то каждый должен ему отдавать с человека по одной штуке бязи. 1794 г. 27 ноября».

С установлением в Грузии русского правления последовало новое постановление, определявшее вознаграждение поселенцу от новых властей: «Живущему на Кайшаурской горе, на Белой речке Осетинцу Бидаре, поселившемуся с семейством своим на месте том, по приглашению покойного царя Гру-

¹ Газета «Дрозба» от 5 апреля 1885 г., № 6.

² Впечатления и воспоминания покойника. Журнал «Библиотека для чтения». Том 86, 1848 г., с. 33.

инского Ираклия Теймуразовича, проезжающих чрез Кайшаур, в случае опасных метелей, на горе сей свирепствующих, находили в жилище его, Бидары, убежище и защиту. Дано сие в удостоверение, что назначенное ему от царя Грузинского на ежегодное содержание жалованье деньгами 15 руб., пшеницы 50 и ячменя 50 код³, вместе с другими выгодами имеет быть всегда продолжаемо и что он, Бидара, остается на прежнем праве своем относительно получения заплаты от проезжающих чрез Кайшаур и от тех, кои кроме военных людей или в его или в домах у поселившихся там прочих его товарищей возымеют пристанище; никому же его отнюдь не обижать и без заплаты ничего не требовать. Город Тифлис. Мая 10-го дня 1802 года». Подписал Кнорринг⁴.

Кроме того, семье Бидара давалось право взыскивать вознаграждение от проезжавших, пользовавшихся их хижиной, за исключением военнослужащих, которые должны были обслуживаться безвозмездно. Этот пункт приказа являлся убыточным для Бидара, так как основной контингент проезжавших по дороге в тот период составляли как раз военные.

По описанию очевидцев, хижина Бидары представляла собою расположенную на горном откосе полуземлянку, защищенную от падения снежных лавин. С передней стороны имелся навес в виде балкона, к которому был подвешен небольшой колокол. Зимой хижина заносилась снегом, и потому ее трудно было заметить на белом фоне окружающих гор.

Из хижины открывался вид на все ущелье, и потому от внимания ее обитателей не могло укрыться никакое происшествие на дороге. В задней комнате жили члены семьи Бидарашвили. Передняя предназначалась для проезжающих. Она имела размеры 3×2 сажени. Комната эта зимою отапливалась и потому постоянно была полна укрывавшимися от непогоды проезжими. Продуктов здесь достать было невозможно, и сами члены семьи Бидары жили впроголодь.

Помощь путникам со стороны зимовщиков выражалась в постоянном звоне в колокол, который зимою и в непогоду указывал местоположение хижины, занесенной снегом. Особенно усиливался звон, когда возникала опасность падения с вершин снежных лавин. Помимо этого члены семьи Бидарашвили в сопровождении кавказской овчарки периодически

³ Грузинская мера веса — кода была равна 34 кг.

⁴ Акты Кавказской Археографической Комиссии. Том I. Тифлис, 1866, с. 526.

отправлялись на поиски обессиленных путников, терпевших бедствие в снежных сугробах.

Если бы обитатели хижины на протяжении своего тельства в этих местах вели книгу записей лиц, находивших у них приют, то среди них можно было бы назвать имена многих выдающихся деятелей Кавказа XIX века.

Назовем хотя бы М. Ю. Лермонтова, который на обратном пути из Грузии в Россию в 1837 году из-за непогоды вынужден был укрыться в хижине Бидарашвили. Вот как описывает он это событие в «Герое нашего времени»: «В два часа едва могли мы обогнуть Крестовую гору — две версты в два часа! Между тем тучи спустились, повалил град, снег, ветер, врываясь в ущелье, ревел, свистел, как Соловей-Разбойник, и скоро каменный крест скрылся в тумане, которого волны, одна другой гуще и теснее, набегали с востока.

Нам должно было спускаться еще верст пять по обледеневшим скалам и топкому снегу, чтобы достигнуть станции Коби. Лошади измучились, мы продрогли; метель гудела сильнее и сильнее, точно наша родимая, северная; только ее дикие напевы были печальнее, заунывнее.

Плохо! — говорил штабс-капитан, — посмотрите, кругом ничего не видно, только туман да снег; того и гляди, что свалимся в пропасть или засядем в трущобу, а там пониже, чай, Байдара так разыгралась, что и не переедешь.

Ваше благородие, — сказал, наконец, один, — ведь мы нынче до Коби не доедем; не прикажете ли, покаместь можно, своротить налево? Вон там что-то на косогоре чернеется — верно, сакли: там всегда с проезжающие останавливаются в непогоду.

Вот мы свернули налево и кое-как, после многих хлопот, добрались до скудного приюта, состоявшего из двух саклей, сложенных из плит булыжника и обведенных такою же стеною. Оборванные хозяева приняли нас радушно. Я после узнал, что правительство им платит и кормит их с условием, чтоб они принимали путешественников, застигнутых бурей»⁵.

В 1800 году родоначальник этой семьи Татиа Бидарашвили спас Кабардинский полк, направлявшийся с Северного Кавказа в Грузию, предупредив его об опасности быть погребенным под громадной снежной лавиной.

⁵ М. Ю. Лермонтов. Собрание сочинений. Том IV. Москва, 1958, с. 32—33.

Несколько поколений герсической семьи Бидарашвили в невероятно тяжелых условиях на протяжении более полутора столетий, с 1787 по 1941 годы, без перерыва жили в вальном участке Военно-Грузинской дороги, перенося все невзгоды, вызываемые как тяжелыми местными климатическими условиями, так и терпя обиды и оскорбления от многих проезжих...

Среди архивных материалов имеется прошение Назара Бидарашвили от 20 января 1819 года, в котором он просит командующего Кавказской армии генерала Ермолова о выдаче ему открытого листа, ограждающего его и членов его семьи от притеснений, чинимых им проезжающими и проходящими через Крестовую гору.

В выданном ему открытом листе говорится: «Силою сего запрещается всем проезжающим и проходящим наносить какие-либо обиды или притеснения поселенному на Крестовой горе осетину Назару Бидарову и его семейству, под опасением за пренебрежение сего запрещения неминуемой строгой ответственности по законам»⁶.

Однако этот открытый лист без соответствующей воинской охраны оставался простой бумажкой перед лицом вооруженных проезжих в глухой местности.

Одновременно с открытым листом Бидарову была выдана справка министерства финансов, где сказано о распоряжении сверх установленных военными властями 100 рублей серебром в месяц платить ему еще 25 рублей, установленные грузинскими царями.

Надо полагать, что Бидаровы были весьма необходимы на перевале Военно-Грузинской дороги, иначе кавказские власти не ограждали бы их от всяких притеснений со стороны проезжих и не платили бы им такой большой суммы.

Семья эта с полным сознанием взятого на себя долга с честью выполняла свои обязанности на протяжении всего периода жизни на Крестовом перевале. В летние месяцы Бидаровы заготавливали корм для скудного домашнего скота на откосах крутых гор. А в зимнее время обслуживали трудный лавиноопасный и снегом заносимый участок дороги. Надо полагать, что за 154 года пребывания на таком ответственном высокогорном отрезке пути эта семья спасла не одну сотню человеческих жизней.

⁶ ЦГИА, Груз. ССР, фонд 2, опись I, дело 707, лист 3, 1819 г.

ЗИМ 35920
1910333

В дальнейшем с каждым годом все тяжелее становилось пребывание семьи Бидарашвили на этом отчужденном в зимнее время от внешнего мира глухом участке Главного Кавказского хребта. Семья со временем разрослась. В связи со строительством круговой Закавказской железной дороги и вследствие этого с сокращением движения по Военно-Грузинской дороге в зимний период пособие от казны полностью прекратилось.

С началом Великой Отечественной войны 1941 года семье Бидарашвили пришлось покинуть свои насиженные места. Одна ее часть обосновалась в городе Орджоникидзе, другая поселилась в селе Коби.

Близ высшей точки Крестового перевала, рядом с семейным кладбищем, где покоятся несколько поколений семьи Бидарашвили во главе со своим родоначальником Татиа, сохранились развалины их знаменитой хижины.

Среди грузинских пастухов, ежегодно перегоняющих свои овечьи стада на зимние пастбища в Кизляр (Северный Кавказ), а весной обратно в Грузию, сохранилась поговорка — «გადაგვიშვი, ბიდარო, შენი არა გვიბღა რაო» («Пропусти нас через себя, Бидара, мы тебя больше ни о чем не просим»), которая указывает на то, с какими трудностями были связаны эти ежегодные перегоны овечьих отар через Крестовый перевал.

Один из потомков этой славной династии Николай Владимирович Бидаров, находящийся со мною в переписке, проживает на Северном Кавказе, близ города Орджоникидзе. Он прислал мне весьма интересную «Семейную схему Бидарова», начиная от родоначальника Татиа до его потомков, проживающих в селе Коби и в Северо-Осетинской Автономной Республике. В этой схеме названы 65 Бидаровых мужского рода с указанием года их рождения.

На мой запрос о сохранности подлинников грамот и других документов, относящихся к деятельности этой семьи, мне ответили, что с отдаленных времен все они хранились в железном ящике. Но когда этот ящик вскрыли, он оказался пустым. Выяснить, куда делся этот весьма ценный материал, не удалось.

Хотя эти царские грамоты и приказы командующих русскими войсками в Грузии были опубликованы в «Актах Кавказской Археографической Комиссии» (том I) и в других изданиях, все же очень досадно, что эта героическая семья не смогла уберечь свои ценные семейные реликвии.

АЛТЫ Касаев — сын кобийского крестьянина-бедняка выходца из осетинского ущелья Трусо, что в верховьях Терека, пятнадцати лет поступил на кобийскую станцию в качестве подсобного мальчика, обслуживавшего конюхов.

Алты настолько выделялся среди других своей работоспособностью, подвижностью и расторопностью, что администрация почтовой станции выдвинула его на должность ямщика почтовой тройки.

Если прочие ямщики станции, обремененные семьями, обкрадывали своих лошадей, продавая на сторону следуемый им рацион ячменя, то Алты Касаев старался существующую норму ячменя дополнять причитающимся лошади рационом. Ведь ему приходилось обслуживать самый тяжелый участок дороги Казбег—Коби—Крест—Гудаури длиной 38 километров.

Такой подход в полной мере оправдал себя. С головокружительной быстротой тройка Алты взлетала на высшую точку Крестового перевала и с такою же лихостью спускалась к Гудаури и обратно к Коби.

Слава о лихом ямщике распространилась по всему почтовому тракту. Все требовали его услуг. А его всегда чистые, выхоленные кони, приученные к быстрой езде и никогда не ступавшие от проезжей части дороги, всех радовали и восхищали. Администрация почтовой службы старалась выделять его тройку для обслуживания особо высокопоставленных, влиятельных пассажиров. Если рядовые ямщики довольствовались «чаевыми» в 40—50 копеек, ему готовы были давать вдвойне. Эти «чаевые» Алты Касаев также использовал на довольствие тройки.

Не имея семьи, он всю свою любовь и ласку перенес на коней. Зато и они питали к нему привязанность, выказывали полное послушание. Хотя Алты и сам был весьма искусным ямщиком, но и кони не подводили его. Тяжелые, громоздкие экипажи варшавского производства, курсировавшие на этом тракте, были совершенно не приспособлены к горным дорогам. Поэтому приходилось прилагать огромные усилия при их обслуживании как ямщику, так и его коням. Особенное искусство требовалось от Алты при спуске с большой скоростью этих громоздких карет с пассажирами.

Однако помимо общих денежных поступлений у Касаева был еще один побочный доход.

1935
1933

Как вообще у горцев Кавказа, так и у осетин, прои-
вавших в верховьях Терека, был распространен своеобраз-
ный обычай женитьбы на приглянувшейся девушке путем похищения. Может быть и прямые переговоры с родными де-
вушки принесли бы благоприятные результаты, однако моло-
дежь, желая продемонстрировать свою смелость и отвагу, при-
бегала к такому рискованному акту.

В районе села Коби главным смельчаком по выполнению
столь смелых и опасных похищений являлся Алты Касаев. И
это было всем известно. Но поступающие таким путем сред-
ства он также тратил на свою тройку. Ведь сам Алты был
трезвенником, никогда не злоупотреблявшим спиртными на-
питками.

С постройкой Баку-Петровской железной дороги и с сое-
динением Закавказской железной дороги с общею железнодо-
рожной сетью страны пассажирское движение по Военно-Гру-
зинской дороге значительно сократилось и, несмотря на умень-
шение тарифа за проезд в почтовых экипажах, большинство
предпочитало обходной рельсовый путь.

В связи с создавшимся положением по распоряжению
высшего начальства с 1 марта 1901 года комплект почтовых
лошадей на станциях был сокращен на одну треть.

Дорога, обслуживаемая конной тягой, не могла выдер-
жать конкуренции с железнодорожным транспортом. К нача-
лу XX века количество перевозок по Военно-Грузинской до-
роге неуклонно сокращалось.

По старости лет в сокращение попал также и Алты Ка-
саев. Ему пришлось расстаться с любимыми, дорогими ему
конями. Со слезами на глазах он обнимал их головы, ласкал,
целовал. Это была настоящая трагедия его жизни. С мало-
летства он сжился с этой дорогой, которая была его обитали-
щем, его кормильцем. Куда ему теперь?

Снисходя к его тяжелому положению, Алты определили
сторожем самого отдаленного, глухого, одиноко распо-
ложенного дорожного дома на высшей точке Крестового пере-
вала.

Здесь он прожил еще несколько лет — до смерти. В
летние месяцы в неделю раз спускался в село Коби, где
запасался продуктами питания на целую неделю. С наступле-
нием зимних месяцев, когда сюда прибывали рабочие по
очистке дороги от снежных заносов и лавин, оживлялось и
его обиталище.

Я очень любил в летние месяцы навещать отважного ветерана этой дороги, так много видевшего и пережившего здесь. Сидя у железной печки — ведь тут и летом заморозки, — он мог часами рассказывать о своей лихой ямщицкой жизни. Алты называл фамилии многих известных кавказских деятелей, которых ему приходилось обслуживать в бытность ямщиком почтового тракта Военно-Грузинской дороги.

* * *

ВСТУПАЯ в третье столетие своего существования, Военно-Грузинская дорога все еще находится в процессе строительства.

Между тем трудно представить себе, сколько сил, труда и энергии затрачено на проложение и содержание этой замечательной современной автомагистрали среди скальных утесов над головокружительными пропастями.

Военно-Грузинская дорога пользуется вполне заслуженной репутацией прекрасного шоссе, постоянно поддерживаемого в образцовом порядке, хотя часто стихийные бедствия разрушают многолетний труд строителей дороги в течение нескольких часов.

В настоящее время ценою значительных затрат и огромного упорного труда строителей-дорожников Военно-Грузинская дорога является одной из самых оживленных и благоустроенных шоссе наших дорог нашей Родины.

В связи с 200-летием Георгиевского тракта специально выделенная правительством комиссия под руководством заместителя Председателя Совета Министров Грузинской ССР тов. О. Черкезия, а также при участии известных ученых, архитекторов, художников и других специалистов выработала целый ряд мероприятий по художественному оформлению этой дороги.

Расположенные вдоль нее многочисленные древние исторические памятники и сооружения были обновлены, реставрированы.

Здесь установлены художественно оформленные павильоны, диорамы, мемориальные памятники.

На 33-м километре, где дорога с севера вступает на территорию Грузии, поднялась большая скульптурная композиция «Тергдалеулни».

Природную красоту пейзажа на пике Военно-Грузинской дороги, где расступаются теснины гор, из которых вырыва-

ется Арагви, венчает красочное панно — памятник вековой дружбы. Дорога через Кавказ освящена именами великих сынов России и Грузии. Сегодня она украшена замечательными памятниками литераторам и общественным деятелям. Именами Григола Орбелиани — поэта, полковника, государственного деятеля, инициатора и руководителя строительства Военно-Грузинской дороги в 1858—1861 годах, и великого Пушкина названы красиво оформленные родники, воздвигнуты памятники М. Ю. Лермонтову, М. Горькому, И. Чавчавадзе, мемориалы Сулхана-Саба Орбелиани и «Дружба навеки».

Обновленная и благоустроенная, эта дорога дружбы и братства предстала перед нами в дни юбилея во всей своей красоте и величии.

ХРОНИКА

ПРАЗДНИК ВЕЧНОГО БРАТСТВА

В БОЛЬШОМ концертном зале Государственной филармонии Грузии состоялся торжественный концерт, посвященный открытию Дней литературы и искусства РСФСР в Грузинской ССР и 200-летию Георгиевского трактата.

На концерте присутствовали товарищи Э. А. Шеварднадзе, Г. Д. Габуния, П. Г. Гиладзе, Г. Н. Енукидзе, Д. Л. Картвелишвили, Г. В. Колбин, Д. И. Патиашвили, С. Е. Хабишвили, Н. А. Читанава, Т. И. Мосашвили, Ж. К. Шартава, заведующий сектором отдела культуры ЦК КПСС О. Т. Иванов, члены делегации РСФСР.

Перед началом концерта посланцев культуры братской России от имени ЦК КП Грузии, Президиума Верховного Совета и Совмина Грузии тепло приветствовал заместитель Председателя Совмина республики О. Е. Черкезия.

С ответным словом выступил заместитель Председателя Совмина РСФСР Е. М. Чехарин. В знак дружбы и братства русского и грузинского народов товарищ Е. М. Чехарин передал в дар картину народного художника РСФСР П. П. Оссовского «Солнце над Красной площадью».

В торжественном концерте приняли участие академический хореографический ансамбль «Березка», народная артистка СССР, лауреат Государственной премии СССР Л. Чурсина, народный артист СССР, лауреат Ленинской премии М. Ульянов, народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии Л. Зыкина, симфонический оркестр ГАБТ под управлением народного артиста СССР, лауреата Государственной премии СССР Ю. Симоноза, лауреат международных конкурсов и премии Ленинского комсомола, пианист В. Крайнев и другие.

Циури ХЕТЕРЕЛИ

ДРАМАТУРГИЯ ВАЛЕРИАНА ГУНИЯ

Перевод Нелли СОЛОД.

«МОИ дорогой! Ты спрашиваешь, как это получается, что каждую свою мысль, каждое слово я неизменно оттачиваю на оселке заветов Родины. Извини меня, но если ты окинешь беспристрастным взглядом мой многолетний труд, мои скромные достижения на фронте национальной культуры, то и без моих разъяснений многое станет для тебя понятным и очевидным».

В этом письме Валериана Гуния, сохранившемся в его личном архиве, нет ни даты, ни адресата. Тем не менее оно ясно свидетельствует о том, что его автор прошел долгий и нелегкий путь, был свидетелем многих событий в жизни своей многострадальной родины, стонавшей под ярмом царского самодержавия.

Вслушаемся, какая боль, какая печаль и любовь звучат в его словах, обращенных к другу:

«Скажу тебе одно: человек должен бороться всю свою жизнь, многое выстрадать, провести немало бессонных ночей, окунуться в пучину безысходности и отчаяния, преодолеть море черных мыслей, хоть единожды испугаться и содрогнуться при мысли об испытаниях, выпавших на долю

страны и народа, — чтобы остро почувствовать и глубоко оценить свою Родину...

Родина — это праздник для зрения и сладчайшая музыка для слуха, ликование для сердца и возвышающая скорбь для мысли... Это — непоколебимая, стальная воля...»¹

Если охватить взглядом многостороннюю и плодотворную деятельность Валериана Гуния, приняв при этом во внимание всю сложность исторической эпохи, в которую он жил и творил, нетрудно оценить содержание приведенного письма, равно как и значение «скромных достижений на фронте национальной культуры» в условиях царизма, убедиться в том, что выраженные им мысли неотъемлемы от всей личности художника, неутомимого общественного деятеля и славного сына отечества, вернейшего сподвижника и достойного ученика Ильи Чавчавадзе и Акакия Церетели.

Всю свою энергию отдавал В. Гуния служению на благо грузинской культуры, грузинского театра, где в течение многих лет подвизался одновременно в качестве актера, администратора, режиссера, драматурга. Эта бескорыстная и подвижническая деятельность снискала ему искреннюю любовь и всеобщее признание современников.

В свое время справедливо отмечалось, что Валериан Гуния — имя известнейшее в грузинской культуре. Писатель и патриот, он стал основоположником грузинского театра, создателем его национально-исторического репертуара, вдохновенным режиссером и актером, творчество которого по своей силе равнозначно целой эпохе.

Вот как характеризуют творчество Валериана Гуния его современники:

Илья Чавчавадзе — «Полвека прошло с тех пор, как впервые поднялся занавес грузинской сцены и на сцене была представлена грузинская жизнь в изображении грузинского писателя... Т. Г. Эристави первый сделал достоянием публики боль грузинского общества и его недостатки, первый попытался воспитать грузинское общество и совершенствовать его... Перед грузинской литературой открылась дверь на сцену, ей была дана возможность со сцены наставлять и просвещать общество. С тех пор этому принципу неуклонно следовали наши драматурги — Антонов, А. Церете-

¹ Литературный музей Грузии, рукопись 11058.

ли, Р. и Д. Эристави, А. Казбеги, А. Цагарели, К. Месхи, В. Гуния и др.»

Акакий Церетели — «Чтобы воплотить на сцене образ Отар-бега, необходима большая сила и мастерство актера. Не могу представить, чтобы кто-нибудь другой сумел воплотить образ Отар-бега так, как это сделал Валериан Гуния»².

Цаца Амирэджиби — «Старый театр в основном держался на пьесах и переводах Гуния... Он всегда был достойным и равным партнером Ладо Месхишвили и Васо Абашидзе, но при этом скромным и чрезвычайно застенчивым...

Я бы сказала, что он был безупречным, незапятнанным, высокопатриотическим знаменем грузинского театра. В. Гуния, наряду с В. Абашидзе, являл собой непоколебимый фундамент, прочную основу и главную опору обновленного Г. Эристави в конце XIX столетия театра. Он проявлял неустанную заботу о грузинском театре, в каком бы положении ни находился сам, всегда был его провозвестником и ревнителем»³.

Шалва Дадиани — «Облачен ли он в панцирь Отар-бега или в плащ Отелло, в грузинскую чоху или в европейский фрак, в его фигуре сразу же ощущаешь силу.

...Эта статуя прочнее, чем из любого благородного металла. Ну-ка взгляните на его спину — Голиаф. Это замечаешь сразу и уже веришь — за такой спиной ты в безопасности.

Но вот этот Голиаф заговорил. И ты вдруг оказываешься на устланном бархатистой муравой ложе.

И видишь над головой чистое голубое небо. Грузинское небо...»

Платя дань уважения выдающемуся деятелю грузинского театра, не жалели эпитетов в его адрес А. Сумбаташвили, И. Гришашвили, Н. Гварадзе, С. Шаншиашвили, Т. Абашидзе, В. Шаликашвили, Н. Чхеидзе, А. Антоновская, Н. Шиукашвили, А. Васадзе, И. Имедашвили, А. Цуцунава, С. Ахметели и другие — все те, кому довелось приобщиться к этому яркому таланту.

² Гос. музей театра, музыки и кино Грузинской ССР, ф. 1, д. 13.

³ Там же.

В начале 80-х годов прошлого столетия в бенефис Андроникашвили в грузинском театре была поставлена оригинальная драма В. Гуния «Незаконнорожденный». Это был его первый вклад в репертуар грузинского театра, обогатившего которого он не переставал заботиться всю свою жизнь.

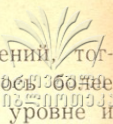
«Помню сезон 1909—1910 годов в кутаисском театре, где режиссером был В. Гуния. Сезон был поистине блестящий, и публика валом валила на каждое представление, — вспоминает актриса Нуца Чхеидзе. — Организаторский и административный талант Валериана немало способствовал процветанию нашего театра. По его инициативе была поставлена «Мария Стюарт», по его же совету я выбрала для своего бенефиса «Маргариту Готье» Дюма. Кстати, эту пьесу В. Гуния и А. Имедашвили перевели за два дня. В это трудно поверить, и тем не менее благодаря необыкновенной энергии этих двух людей, особенно Валериана, дело обстояло именно так».

В те времена грузинский театр страдал бедностью репертуара. Основанная В. Гунией газета «Цнобис пурцели» с болью писала: «Неужели всей нашей драматической обществу не под силу, если мы не располагаем оригинальными пьесами, подыскать хотя бы переводы? Следите, почтеннейшие, за журналами и газетами, ищите, читайте, пусть вам переводят, пораскиньте немного мозгами, иначе дело не сдвинется с места, более того — совсем захиреет, придет в полный упадок»⁴.

Однако, какие бы трудности ни переживала постоянная грузинская труппа того времени, как отмечает В. Гуния, ее первый историк и теоретик, — представления на грузинской сцене не прерывались ни разу. И в этом была немалая заслуга самого В. Гуния, что подтверждается многочисленными фактами из анналов старого грузинского театра. Возьмем хотя бы следующую выдержку из статьи, опубликованной в «Цнобис пурцели» 22 февраля 1902 года: «...Прошедший сезон был показательным для истории нашего театра. Во-пер-

⁴ «Цнобис пурцели», 1896, № 49.

вых, в этом сезоне было дано более 50 представлений, тогда как в предшествующие сезоны никогда не давалось больше 30 — 35. Во-вторых, эти представления были на уровне и в художественном отношении, что также для нашего театра явление весьма редкое. Однако главное в том, что именно в этом сезоне в театр пришли люди, оживившие аудиторию. Заслуга в этом принадлежит тому же Вал. Гуния, поскольку его стараниями были организованы «дешевые спектакли». Несмотря на огромный труд, выпавший на долю режиссера, Вал. Гуния не изменял и актерскому ремеслу, принимал участие в представлениях. Считаем нужным отметить, что в этом сезоне Вал. Гуния превзошел себя и как актер. Он мастерски сыграл роли военачальника Вачнадзе («Тайна крепости»), графа Трастиса («Честь»), Крамера («Гибель Содомы») и др.».

В своей писательско-драматургической деятельности В. Гуния всегда ополчался против бессодержательных, пустых пьес и не боялся открыто критиковать их.

В связи с переделкой пьес В. Гуния специально отмечал, что переделать пьесу — то же, что сочинить новую, часто легче написать новую пьесу, чем надлежащим образом переделать старую... Возможно, переведенные, переделанные Валерианом Гуния и сочиненные им оригинальные пьесы и не удовлетворяли всем требованиям драматического искусства, однако, вне всякого сомнения, они значительно обогащали тогдашний театральный репертуар и расширяли творческий диапазон автора, в чем большую, если не решающую роль, несомненно, сыграли его актерские способности. Поэтому, когда речь идет о драматургии В. Гуния, невозможно обойти молчанием его мастерство актера.

В очерках «Грузинский театр» (1879 — 1889) В. Гуния пишет: «Есть серьезные работники, которые действительно работают, мыслят, разбираются в предмете; иногда они так искусно переделывают чужую пьесу — ее содержание, характер и другие стороны, что она начинает походить на оригинальную, а зачастую и превосходит последнюю». В качестве примера драматург ссылается на Рафизла и Давида Эристави, Петрэ Умикашвили, Иванэ Мачабели, Васо Абашидзе, Котэ Месхи, Ал. Казбеги...

Следует отметить также, что достоинством переделанных Валерианом Гуния пьес справедливо считалось именно то, что литературный материал негрузинских авторов он уме-

до приспособлял к грузинскому укладу жизни, времени и обстановке, придавал мыслям и образам национальный характер.

По поводу его пьесы «Два героя» рецензент специально отмечал: «Как бы то ни было, пьеса обладает одним несомненным достоинством — место ее действия и действующие лица искусно изменены. В пьесе Копе показана Сербия и борьба сербов с турками, в «Двух героях» же — Гурия и сражение гурийцев с турками на Карчхальской горе. Это внешнее обрамление действия выполнено настолько, если можно так выразиться, ловко и настолько соответствует историческому прошлому Гурии, что порой зритель забывает о несоответствии этого обрамления содержанию»⁵.

На протяжении многих лет на грузинской сцене с успехом шла переделанная Валерианом Гуния немецкая пьеса «Парад»: «Я имел случай, — вспоминает Ал. Буртикашвили, — посмотреть «Парад» Фон-Ашенберга в переводе Россохиной, однако сейчас не могу вспомнить ни одного персонажа, тогда как все персонажи виденного мною ранее «Парада» В. Гуния и сегодня стоят у меня перед глазами, доставляя чувство удовольствия. Разве можно забыть аптекаря Ивлианэ Чархаладзе в исполнении Васо Абашидзе, или прапорщика милиции Филимона Мсубукашвили, с большим мастерством сыгранного Шатиришвили, или превосходно исполненного самим автором генерала Гулбата Джанрихадзе, или же княжескую дочь Нуцу в исполнении Тасо Абашидзе. Трудно представить, что мальчишки генерала, солдаты Бежан и Гиуна, — не сыны какого-нибудь глухого уголка Картли, что Чархаладзе и Мсубукашвили — также не выходцы из нашего родного края. Это подлинные грузины — душой, телом, поведением, мышлением, а не только именем и фамилией!..»⁶

Главной отличительной чертой комедии Валериан Гуния считал изображение характеров и в своей практической деятельности тщательно вырисовывал их на фоне искусно созданной им комической ситуации.

⁵ «Цнобис пурцели», 1901, № 1592.

⁶ Ал. Буртикашвили, Рыцарь без страха и упрека, Тбилиси, 1965, с. 100—101.

...В семействе Петрэ Раиндадзе узнают, что в Тианети должна прибыть воинская часть, по случаю чего состоится парад:

Состоятся
2022010333

— Знаешь, какая будет музыка, игры, увеселения? — говорит Лиза племяннице Раиндадзе Нуце.

«Нуца (обрадованная, целует Лизу) — Правда? Лиза, милая, дорогая, ты — прелесть! (прыгает от восторга). Тамар, Луиза, знаете, что я сделаю? Как только они появятся, тут же влюблюсь в десяток офицеров!

Тамар (смеется) — Бог с тобой, не так же сразу? Сперва нужно получше познакомиться, ну а потом, если уж кто понравится...

Нуца — Еще чего! Буду я знакомиться! Прямо влюблюсь и дело с концом!

(Однако сам Раиндадзе еще ничего не знает о предстоящем параде. Не знает он и о восторге Нуцы).

Нуца (бросается к нему и начинает кружить) — Дядя, дорогой, золотой! Если б ты знал, что мне сказали, какая новость! Вот обрадуешься!

Петрэ — Ты что, с ума сошла?

Нуца — Дядя, милый, представь, что перед тобой — высокий, пригожий, изящный и обходительный офицер, храбрый, с черными усами.

Петрэ — Ну и что?

Нуца — А то, что приезжают офицеры!

Петрэ (озабоченно) — Ты случайно не больна, дитя мое?

Нуца — Ха, больна... Говорю тебе — приезжают офицеры!..

Петрэ — Куда приезжают? Какие офицеры?..»

(Безграничный восторг Нуцы, вызванный тем, что в деревне ожидается войсковая часть, авторские ремарки, относящиеся к Нуце, — «обрадованная, целует Лизу», «прыгает от восторга», «бросается к нему и начинает кружить», с одной стороны, и непонятливость, изумление Петрэ, с другой, естественно, сразу же создают комизм ситуации, смещают зрителей и ярко выявляют характер действующих лиц.

Автор легко и непринужденно наделяет каждого из персонажей в этой комической ситуации черточками, придающими характерам, образам еще большую выпуклость и выразительность. Именно поэтому с первого же своего появления персонаж привлекает внимание зрителей. Это относит-

ся, в частности, к аптекарю Ивлианэ Чархаладзе, которому нравится дочь Луки Мципарашвили — Лиза).

«Чархаладзе — Я лелею надежду, что вы, как особа благородная и просвещенная, окажете содействие талантливому молодому человеку....»

Лиза — А к чему у вас талант?

Чархаладзе — К латыни.

Лиза — И больше ни к чему?

Чархаладзе — Как же, у меня талант ко всему на свете. Дня не проходит, чтобы у меня бешено не колотилось сердце при виде прекрасного.

Лиза — А что вы называете прекрасным?

Чархаладзе — Прекрасное — это... это женщины... Особенно такие добрые и благородные, как... вроде вас...»

«Комические ситуации пьесы вызывали хохот всего зала. Эти «как... вроде», произнесенные Васо Абашидзе, после представления люди продолжали повторять и на улице...»⁷ — вспоминает Ал. Буртикашвили.

Разбирая образцы грузинской драматургии, Валериан Гуния отмечал, что сама жизнь с таким мастерством и искусством создает драмы и комедии, что и выдумывать ничего не нужно, незачем погружаться в водоворот фантазии. Достаточно провести какую-то нравственную идею и необходимую тенденцию⁸. Эта мысль драматурга с очевидностью прослеживается в его искусно построенных водевилях («Расстался с ах, сошелся с ох», «Слезай добром, пока не стащили силой», «Что не положено — на пользу не пойдет», «Ни туда и ни сюда»).

Водевиль В. Гуния рассчитаны не просто на то, чтобы развлечь зрителя, вызвать смех. В этих водевилях-комедиях с редкой правдивостью изображены картины тогдашней жизни. Например, в комедии-шутке «Расстался с ах, сошелся с ох» драматург создает правдивый и типичный образ находящегося на пути к разорению князя.

Коция Шарашенидзе осаждают кредиторы. Заслышав чей-либо голос, он предупреждает мальчика-слугу Нико: скажи,

⁷ Ал. Буртикашвили. Рыцарь без страха и упрека, Тбилиси, 1965, с. 100—101.

⁸ В. Гуния, Искусство, Тбилиси, 1953, с. 50.

дескать, князя нет дома. А оставшись один, трясется от страха: — «Ну как явится пристав описывать мебель?». Нико же недоволен князем, не дающим ему покоя своими бесконечными приказаниями и капризами: — «Тьфу на твои дела... Поставь кофей! А на что я его поставлю, огня-то нету? На чем ему кипеть? Неделя как без угля сидим... Ни чаю, ни кофейю, ни сахару — одна вода. Тьфу, тоже мне, князь называется...»

У Коция Шарашенидзе гостит дядя. Со двора раздается голос кредитора — «Так куда же он, к черту, подевался, этот пронира?» Коция объясняет дяде, что сосед кругом в долгах, его и ругает кредитор⁹.

В этой переделанной Валерианом Гуния комедии-шутке перед зрителем предстают хорошо знакомые ему картины повседневной жизни, быта, уродующего душу человека, отравляющего существование, лишаящего хлеба насущного, разрушающего семейное счастье. Здесь автор и наставляет зрителя и предостерегает его.

Князь Иванэ Мабелашвили, друг Коция Шарашенидзе, рассказывает ему о невыносимой ревности своей молодой жены:

«Коция (со смехом) — Ну да, понятно. Конечно, она немного ревнива.

Мабелашвили — Немного? В том-то и беда, что совсем не немного. В ней свирепствует вся ревность мира. Что по сравнению с ней Отелло?! Тигрица, истая тигрица!

Коция — Неужто?

Мабелашвили — Неужто? Святая правда! За эти четыре месяца, что мы обвенчаны, ни на минуту не угомонилась, дышать не дает: с утра до вечера, с вечера до утра не спускает с меня глаз. Нигде не оставляет в покое! Нет на свете такого места, которое, если я там, не вызывало бы у нее подозрений. Нет на свете такой обезьяны, уродины, образины, к которой она не приревновала бы! Всех друзей разогнала! Не жизнь, а сущий ад! Да и сама превратилась в ведьму. Ни мне не дает покоя, ни себе. Одним словом, сделала из меня осла, длинноухого осла. Вот так-то! Я стал для всех посмешищем, на меня показывают пальцем!

Коция — Бедный Ваню!

Мабелашвили (безнадежно) — Какой Ваню? Где он? От Ваню одна тень осталась... Погубила, доконала-таки меня эта безбожница. Представь, даже со службы заставила уйти...»

⁹ В. Гуния, Драмы и комедии, 1893, книга вторая.

867535340
302.00110333

Валериан Гуния очень тщательно выбирает комедийные ситуации, обстановку действия, черты героев, события, которые могут произойти. На этих явлениях он и заостряет внимание общественности — уродствах, которые не должны повторяться, которые следует изживать, ибо человек не должен попадать в плен тщеславия и самолюбования, невежества и глупости.

Знакомство со сценическим искусством Валериана Гуния убеждает в том, что ему удавались буквально все роли. Созданные им образы — генерал Гулбат Джанрихадзе (комедия «Парад»), Отар-бег («Измена» Сумбаташвили-Южина), Отелло, Лир — на протяжении лет привлекали грузинского зрителя и производили неизгладимое впечатление.

«Многие помнят, а многие слышали, что он (В. Гуния — Ц. Х.) исполнял классические роли — короля Лира, Отелло. Нужно сказать, что Валериан, безусловно, превосходил тогдашних грузинских Отелло — Котэ Месхи и самого Ладо Месхишвили... Мне уже доводилось говорить, что Гуния был актером, покоряющим публику. ...Исполняемая им роль захватывала вас, вы попадали к ней в плен и долго не могли освободиться», — пишет о Валериане Гуния Шалва Дадияни. Восторженные отзывы об исполнении им роли Отар-бега, принадлежащие Акакию Церетели, самому Сумбаташвили-Южину и др., перекликаются с отзывом В. Г. Белинского о замечательном русском актере Щепкине: он не помощник, а соперник автора в создании роли¹⁰.

Тем не менее сам Валериан Гуния очень строго относился к себе. Наряду со множеством других достоинств он обладал и удивительной способностью самоконтроля, что подтверждает запись в дневнике: «Сегодня состоялся десятилетний юбилей грузинского театра. Роль Чацкого я сыграл неважно. Там есть трудное место. Первое действие вообще трудно для исполнения...»

Таким же строгим, подчас неумолимым, был Валериан Гуния и по отношению к другим, о чем свидетельствуют его написанные с поразительной нелюбовностью рецензии, статьи, страницы из дневника... Подтверждением этого является и его водевиль-шутка «Ни туда и ни сюда».

¹⁰ Речь идет о роли Городничего из гоголевского «Ревизора».

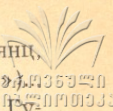
В очерке «Драматическое искусство» Валериан Гуня специально отмечает: «Писатель может брать материал для своих характеров из жизни или создавать воображением. Однако в обоих случаях необходимо, чтобы сами по себе характеры эти были правдивыми и достоверными, живыми и логически оправданными...»¹¹

Здесь же следует отметить, что эти требования драматурга были основаны на всем его богатом жизненном опыте — ведь он не только наблюдал явления времени, но и обобщал их. Об этом красноречиво свидетельствует вся его многосторонняя деятельность, через посредство которой он выражал свои воззрения, взгляды писателя и гражданина.

Кроме того, что своими водевилями и комедиями драматург способствовал более яркому выявлению таланта таких корифеев грузинской сцены, как Мариам Сафарова-Абашидзе, Васо Абашидзе, Нато Габуня, он также ставил своей целью показать теньевые стороны жизни, пороки и уродства действительности. Созданные им персонажи — по складу своего мышления, речи, устремлениям, поступкам — это детища эпохи. В том, что герои Валериана Гуня — плоть от плоти и кровь от крови своего времени, порождение реальной действительности, читатель убеждается буквально с первых же строк. Персонажи Валериана Гуня глубоко индивидуальны и в то же время типичны, ибо наделены характерными для всей эпохи чертами. Эти художественные образы чрезвычайно колоритны и запоминаются не только в силу своей сценической и литературной правдивости, — что и по сей день вызывает живой читательский интерес, — но и благодаря тому, что расцветивают яркими красками слегка потускневшие от времени страницы прошлого.

Кто же эти герои комедий и водевилей Валериана Гуня? Стоящие на пути к разорению князя и дворяне, купцы, люди других профессий и сословий с их узкими интересами и низменными инстинктами. Таковы князь Реваз Надирашвили и Арчибальд Уштвинадзе («Охотник»), княжеские сынки Кочия и Отар Шарашенидзе, Анастасия и Иванэ Мабелишвили («Расстался с ах, сошелся с ох»), Нестор Швиндадзе («Слезай добром, пока не стащили силой»), Тараси Мшиерадзе («Ни туда и ни сюда»), князь Лука Амирзаури, Заал Цалкоташвили («Что не положено — на пользу не

¹¹ Валериан Гуня, Искусство, 1953, с. 77.

пойдет»), Иорам Ретнани, Трдат Цкалобич Шашламянц, Макринэ Квалкваладзе, Кристопорэ Кенкиашвили («Холера»).

Определяя общественное назначение театра, Валериан Гуния пишет: «Театр не только показывает настоящее, но и помогает увидеть прошлое». Эту теоретическую мысль драматург ярче всего воплотил в своей на шумевшей пятиактной исторической драме «Брат и сестра».

27 августа 1891 года Валериан Гуния записал в дневнике: «Заканчиваю пьесу «Брат и сестра». Думаю, что грузинам она должна понравиться». «Историческая пьеса «Брат и сестра» взята из жизни Мингрелии и изображает освободительную борьбу народа против турецких поработителей в XVII веке. Сюжет развивается напряженно и драматично, в пьесе много эффектных сцен. Персонажи ее — не морализующие манекены, а живые люди со всеми своими достоинствами и недостатками»¹².

Драма «Брат и сестра» на протяжении десятков лет не сходила со сцены и неизменно пользовалась успехом у зрителей.

Особо следует отметить, что эта драма Валериана Гуния в переводе Тер-Давтяна внесла значительный вклад в историю культурных взаимоотношений Грузии и Армении. С большим успехом шла она и на армянской сцене. Тем же Тер-Давтяном были переведены для армянского театра одноактная комедия Валериана Гуния «У адвоката» и водевиль «Ни туда и ни сюда».

«Разве найдется в Грузии уголок, будь то деревня или местечко, где бы устраивались любительские спектакли и не была поставлена «Брат и сестра»? — отмечает в своей монографии Ал. Буртикашвили, лично присутствовавший на таких спектаклях. «Пьесе с самого же начала сопутствовала удача: Ладо Месхишвили в роли Гайоза так захватывал публику, производил такое сильное впечатление, что многие родители называли своих новорожденных именем Гайоза»¹³.

Как известно, драму «Брат и сестра» Валериан Гуния посвятил десятилетию основания постоянной грузинской труппы. В конце 80-х годов автор представил драму на соискание

¹² Ал. Буртикашвили, Рыцарь без страха и упрека, с. 104.

¹³ Там же.

премии в правление драматического общества Грузин, членами которого в ту пору были Михаил и Василий Туманишвили, Петр Умикашвили, Нико Авалишвили, Василий Сулхавишвили и др. Пьеса получила единодушное одобрение, хотя автор не замедлил съявить, что идея драмы заимствована.

Стремление к справедливости, нелицеприятность оценок, высокая принципиальность — вот основные достоинства критических статей Валериана Гуния. Как-то известный драматург Н. Шиукашвили послал Валериану Гуния свою пьесу «Дружба». Гуния прочел ее и написал автору следующее: «Главный недостаток «Дружбы»... на мой взгляд, в том, что ей недостает национального, грузинского духа, хотя то, что ее можно отнести к жизни всех наций, многие могут счесть как раз достоинством... «Дружба» ничего не дает, ничего не говорит моему национальному чувству, не трогает, не дает национального переживания.

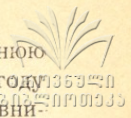
Каждое произведение искусства в первую очередь должно быть приправлено элементом национального, своеобразного, в данном случае — грузинского; сначала национальное, а уж затем общее, общечеловеческое, интернациональное... Всякое произведение хорошо лишь постольку, поскольку оно национально и своеобразно по самой своей сути. Возьмите великих мировых писателей, всем им присуща удивительная и неповторимая оригинальность (главным образом — национальная). И в то же время они принадлежат всему человечеству. Шекспир, Гёте, Шиллер, Данте, Ибсен, Гамсун, Гауптман и др. — каждый из них в первую очередь англичанин, или немец, или француз, или...

Национальное своеобразие — не только в имени и фамилии и не только в обрамлении художественного произведения, но совсем в другом, и это «совсем другое» почти не ощущается в Вашей милой «Дружбе». Вдумайтесь в мою мысль, и Вы, возможно, согласитесь со мной.

Может быть, я, конечно, и не прав, во всяком случае примите эту мою мысль как мнение Вашего искреннего доброжелателя - грузина... В других отношениях Ваша «Дружба» — для нас большой «плюс», поэтому продолжайте работать.

Верьте, батано Николоз, что в моем лице Вы найдете одного из вернейших сторонников Ваших пьес, как в литературе, так и на сцене»¹⁴.

¹⁴ Гос. музей театра, музыки и кино Грузинской ССР, ф. 1, л. 13.

Спустя много лет Н. Шиукашвили выразил искреннюю признательность Валериану Гуния за это письмо. В 1917 году на юбилее Валериана Гуния он обратился к своему наставнику со следующими словами:

«Валико! Сегодня я, ученик, с удивлением спрашиваю себя: откуда 21—22-летний молодой человек мог так хорошо знать, что такое искусство и красота?! Знать это тогда, 30 лет назад разгадать истину, когда ее и по сей день со свечой приходится искать в нашей критике!

Что двигало им, заставляя со вниманием вчитываться в писания мальчишки, пригласить его к себе, прочесть ему целую лекцию об искусстве?»¹⁵

Деятельность Валериана Гуния в области драматургии хорошо согласуется со старой и мудрой истиной: «Перевод — залог дружбы». Это подтверждают переведенные им пьесы русских и иностранных авторов.

«Перевод также требует таланта, — писал Валериан Гуния, — тем более перевод драматического произведения. Здесь недостаточно правильной передачи материала — здесь требуется поэтическая жилка, понимание писателя, умение заглянуть ему в душу, созвучное биение сердец и в то же время превосходное знание двух языков». Все эти качества и нашли отражение в переводе «Ревизора», осуществленном Валерианом Гунией, поставленном в 1951 году театром им. Марджанишвили и на протяжении многих лет неизменно украшавшем репертуар театра.

Перечень оригинальных, переделанных и переведенных Валерианом Гунией пьес, занимающий целых шесть страниц, снабжен примечанием автора: «Помимо драматических пьес я переводил и оперы: «Севильского цирюльника» Россини, «Кармен» Бизе, а также трехактную оперетту «Певчие птички».

Кроме того, мною написаны для грузинской оперы: либретто «Даиси» З. Палиашвили в 3-х актах, «Радость жизни» Д. Аракишвили в 3-х актах, «Кристина» З. Гогниашвили в 4-х актах, «Свояк свояка...» в одном акте.

¹⁵ Гос. музей театра, музыки и кино Грузинской ССР, ф. I, д. 13.

Перевел я и много арий и романсов для Ваню Сараллишвили, Габо Гвინиашвили, Нино Магалашвили, Н. Агасовой-Каландадзе, Е. Тархнишвили, Л. Кавкасидзе и многих других.

В настоящее время работаю над двумя либретто, одно — для комической оперы, второе — для лирико-драматической.

В общей сложности мною написано более 120 наименований переделанных и собственных комедий, драм, водевилей, сценок, опер и оперетт».

Невольно возникает вопрос: выдержало ли столь плодотворное творчество Валериана Гуния испытание временем? На этот вопрос как будто трудно ответить сразу, конкретно и положительно, поскольку многое из созданного драматургом давно уже сошло со сцены. Тем не менее, если внимательно пересмотреть этапы истории грузинского театра, заслуга Валериана Гуния окажется поистине огромной, ибо его многочисленные драматические произведения, несомненно, отвечали основным требованиям эпохи, были созвучны интересам зрителей, вызывали глубокое переживание современности и выражали присущие времени исторические и социально-национальные тенденции. Не случайно в 1916 году современник Валериана Гуния, известный критик, писатель и общественный деятель Иванэ Гомартели охарактеризовал его следующим образом: «Гуния-драматург — это ведь опора нашего театра, неиссякаемый источник нашего репертуара. Здесь ему нет равных. Его труд в этой сфере удивителен и неоценим.

Валико достался театр с весьма бедным репертуаром, и он, благодаря своей неистощимой энергии, работоспособности и любви к театру, создал новый репертуар: Валико приохотил к театру людей низшего звания, его пьесы и сегодня украшают нашу сцену и еще долго будут привлекать в театр простой народ.

Валико укрепил почву для грузинской оперы, и здесь проявив большой талант и упорство. Хоть он и не получил специального музыкального образования, людей сведущих буквально поражает его перевод «Севильского цирюльника»¹⁶.

Особенно велик вклад Валериана Гуния как драматурга в дореволюционный грузинский театр. В этом плане представляет интерес отношение к Валериану Гунию одного из выдаю-

---

¹⁶ Иванэ Гомартели. Избранные сочинения, Тбилиси, т. 11, с. 159.

საქართველოს
რესპუბლიკის
საქართველოს
საქართველოს

щихся представителей грузинского классического реализма Давида Клдиашвили. В одном из своих писем (к сожалению не датированном) он пишет драматургу:

«Дорогой Валико!

Должен побеспокоить тебя просьбой. Другого выхода нет. А просьба заключается в том, чтобы ты предоставил нам одну из твоих новых пьес, такую, которая соответствовала бы сегодняшней жизни.

Батумские любители театра намереваются дать благотворительный спектакль и единодушно обращаются к тебе в надежде на новую пьесу. Желательно в 3-х или 4-х актах. Они возложили это поручение на меня, и мы надеемся, что ты не только не сочтешь это за обиду, но и выполнишь нашу просьбу...

Я пишу тебе вторично и в скором времени жду ответа.

Видимо, ты не получил моего первого письма. Не отказывай нам, не огорчай любителей театра.

Здесь все, как повсюду. Батуми — в полудремотном состоянии.

Преданный тебе Давид Клдиашвили».

Валериан Гуния чувствовал в себе большие потенциальные возможности, что давало ему право еще в 1892 году заявить в одной из своих полемических статей: «Если в продолжение всей нашей недолгой и неприметной жизни мы и включались в какое-либо общественное или частное дело, то всегда имея в виду самоотверженный и бескорыстный труд, служение пользе и добру. И мы гордились этим, не скрывали этого и зачастую, попав в суровые житейские переплеты, утешались только этим, отдыхали душой»¹⁷.

Самоотверженный труд Валериана Гуния на благо отчизны и родного народа, его театральная и литературная деятельность и сегодня убеждают нас в том, что именно эта мысль вдохновляла талантливого художника на протяжении всей его беспокойной жизни.

¹⁷ Газ. «Иверия», 1892, № 71.

ДРУЖБА НАРОДОВ, ДРУЖБА ЛИТЕРАТУР

В ДОМЕ кино столицы Грузии состоялась встреча писателей РСФСР и Грузии. Во вступительном слове председатель правления Союза писателей Грузии, лауреат Ленинской премии Нодар Думбадзе сказал: «Наша встреча, проходящая в Дни литературы и искусства РСФСР в Грузии, посвящена 200-летию Георгиевского трактата. Грузинский народ по праву гордится дружбой с великим русским народом, любовью ее лучших сынов к Грузии. И подтверждением этой любви служат бессмертные книги А. Пушкина, А. Грибоедова, М. Лермонтова, Л. Толстого, М. Горького, Б. Пастернака, Н. Тихонова, К. Симонова и многих, многих других».

Перед собравшимися выступили секретарь правления Союза писателей РСФСР, редактор журнала «Москва», Герой Социалистического Труда писатель М. Алексеев, поэт М. Дудин, писатель В. Солоухин, поэты М. Шевиченко, Н. Гвинепадзе, Н. Доризо, В. Костров, И. Израильская, главный редактор журнала «Литературная Грузия» писатель Т. Буачидзе, поэт А. Вознесенский.

В заключение встречи выступил руководитель делегации РСФСР, заместитель Председателя Совета Министров РСФСР Е. Чехарин.

На встрече писателей РСФСР и Грузии присутствовали секретарь ЦК КП Грузии Г. Енукидзе, заведующий отделом культуры ЦК КП Грузии Н. Джанберидзе.

На 1-й стр. обложки: стела, воздвигнутая в Москве в честь 200-летия Георгиевского трактата (авторы — З. Цэретели и А. Вознесенский).

Сдано в набор 16.VIII.83 г. Подписано к печати 19.X.83 г. Формат: 84×108¹/₃₂. УЭ 09798. Высокая печать. Печ. л. 7,0—усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 8600 экз. Заказ 1962. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон 99-06-59.

Главный редактор **Т. П. БУАЧИДЗЕ.**

Редакционная коллегия:

Ч. И. АМИРЭДЖИБИ, Э. Г. АНАНИШВИЛИ, Р. Н. АСАЕВ, А. Н. БЕСТАВАШВИЛИ, Х. Л. ГАГУА, А. Н. ГОГУА, Э. В. ЕЛИГУЛАШВИЛИ, М. И. ЗЛАТКИН, Н. Г. КАРАШВИЛИ (ответственный секретарь), **Г. Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ, В. Г. МАЧАВАРИАНИ, Л. Ш. СТУРУА, Э. А. ФЕЙГИН, Г. В. ХАРАИДЗЕ** (заместитель главного редактора), **Г. Ш. ЦИЦИШВИЛИ.**

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Литературную Группу» обязательна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

